

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии РАН

УДК 130.2
ББК 87.25
П78

*Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН 22 декабря 2022 г.*

Коллектив авторов

Буданов В.Г., Лекторский В.А., Аршинов В.И., Свирский Я. И., Герасимова И.А., Розин В.М., Бургете Аяла М.Р., Белоногов И.Н., Попова О.В., Карелина Е.В., Киященко Л.П., Гуров О.Н., Лепский В.Е., Малахова Е.В., Пружини Б.И., Струговщикова У.С.

АНТРОПОМЕРНОСТЬ

КАК ВЫЗОВ И ОТВЕТ СОВРЕМЕННОСТИ

коллективная монография

(под редакцией В.Г.Буданова)

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор И.А.Асеева
доктор философских наук, профессор И.К.Лисеев

Ученый секретарь М.Р.Бургете Аяла

Антропомерность как вызов и ответ современности: Коллективная монография/Отв. редактор В.Г.Буданов. Курск:Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022, - 309 с.

ISBN 978-5-907679-22-1

Монография выполнена в рамках мегатемы Института философии РАН «Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации» и продолжает начатые ранее исследования по этой теме. Поставлены проблемы цифровой трансформации оснований науки, роль обобщенной научной рациональности, расширяющей представления о постнеклассической рациональности в связи с пополнением ее концепциями сетевой сложности и технологиями искусственного интеллекта. Обсуждаются антропологические и этические проблемы конструирования человека, вопросы трансформации биологических оснований и гештальта человека в процессе исторического развития и перспектив фьючекультуры. Исследуются вызовы антропоцена в эпоху растущей сложности. Предложены принципы методологии сложности, которая наиболее востребована в условиях неопределенности, дискутируются проблемы субъектности и исторического генезиса антропологического кризиса. Завершающая глава посвящена вопросам междисциплинарности, в частности, исследованию синергично-трансдисциплинарных аспектов моделирования семиозиса цифровизации дискурсивных практик, методологии социально-этической экспертизы научно-технических проектов, проблемам экологической семиотики. Книга предназначена для специалистов в области философии науки и техники, междисциплинарных проблем цивилизационного развития, философской антропологии и теории когнитивной сложности.

ISBN 978-5-907679-22-1

УДК 130.2
ББК 87.25

©Институт философии РАН, 2022
© ЗАО «Университетская книга», 2022
© Коллектив авторов, 2022

Москва 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Круглый стол « Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации»	10
Глава 1. Цифровая трансформация антропологических оснований науки 51	
1.1. Обобщенная научная рациональность: истоки, структура, перспективы в цифровую эпоху.....	51
1.2. Конструируя человека: от антропологии к этике. Семантическое поле проблемы биотехнологического конструирования	73
1.3. Трансформация биологических оснований и гештальта человека в процессе исторического развития, а также в перспективе фьючекультуры	88
Глава 2. Вызовы антропоцена в эпоху растущей сложности	99
2.1. Вызовы антропоцена и искусственного интеллекта в эпоху цивилизационного транзита	99
2.2. Вызывая эпоху... (За столетие до Френсиса Бэкона и Рене Декарта: испанские мыслители XVI века у истоков Нового времени)	121
2.3. Субъектность как ответ на вызовы современности	155
Глава 3. Междисциплинарность и трансдисциплинарность: в поисках новых смыслов	217
3.1. Социально-этическая экспертиза научно-технических проектов. Проблемы трансдисциплинарной методологии	217
3.2. Моделирование семиозиса цифровизации дискурсивных практик (синергийно-трансдисциплинарные аспекты)	246
3.3. Антропомерность в оптике экологической семиотики.....	279
Литература	286
Сведения об авторах	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему мы вновь поднимаем вопросы о научной рациональности, методологии сложности, междисциплинарности? Казалось бы, темы вычерпаны классиками методологии и философии науки еще в конце XX века, и нет больше предмета для обсуждений. Однако, за последние 20 лет наука радикально изменилась, произошел не только информационный взрыв в жизни общества, но и взрыв проблем в самой науке. На базе всеобщей цифровизации и платформизации интенсивно реализуется Промышленная революция 4.0, возникли огромные междисциплинарные проекты мегасайнс, сетевые коллективные интеллектуальные сообщества, гибридные человеко-машинные исследовательские комплексы, обострилась проблема социально-гуманитарной и биоэтической экспертизы техники и технологий. Нейросетевая цифровая реальность создала непрозрачные методы решения научных, практических задач и принятия решений, базы данных и знаний все меньше доступны для нашего понимания, возникают экзистенциальные проблемы выбора стратегий обучения и воспитания ИИ на цифровых следах нашего мира, стремительно развиваются автономные интеллектуальные системы все больше замещающие научную деятельность человека. Растет эрозия этоса науки при ее повсеместной коммерциализации, возникают параллельные формы научного, квазинаучного и лженаучного массового контента (типа концепции «плоской Земли»), обостряются проблемы техногенной цифровой деструкции, как человека, так и природы, утрачиваются приватные пространства личности в цифровом социуме и т.д. Все это заставляет обратиться к ревизии представлений о научной деятельности и рациональности, методологии работы со сложностью, этическим аспектам технонауки и медицины, новым смыслам междисциплинарности и трансдисциплинарности с учетом современных реалий.

Монографию открывают установочные для нас материалы круглого стола «Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации», который начинается выступлением руководителя мегатемы «Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации» Института философии РАН академика В.А. Лекторского. Владислав Александрович подчеркивает, что проблемы бытия, и даже возможности существования человека в условиях взрывной экспансии цифровой техносферы являются центральной для современной философии. В нашей работе мы разделяем это понимание и ищем пути гармонизации будущих перспектив цивилизационного развития в сложности.

В первой главе, посвященной антропологическим трансформациям оснований науки, рассмотрены человекомерные методологические изменения в самой науке цифровой эпохи, этический поворот в науках об «улучшении человека» и эволюционный генезис смены культурных парадигм в эпоху цивилизационного транзита.

В части методологических новаций предлагаются обобщенные представления о научной рациональности, продолжающие и раскрывающие идеи концепции постнеклассической науки и типов научной рациональности В.С. Степина, предложена новая тетраэдрическая топология научной деятельности, дополненной идеей искусственного наблюдателя (инструментально-аналитического комплекса) системы для ее мониторинга, оперативного управления и связи с сетевой цифровой реальностью. Уточняются типы научной рациональности в цифровую эпоху искусственного интеллекта, вводится представление о деятельностной таксономии семантических пространств. Вводится четвертый тип научной рациональности в гибридной человеко-машинной реальности – посткритическая рациональность. Рассмотрена проблема демаркации зон возможностей человека и искусственного интеллекта, перспективы коэволюции антропологической и искусственной социальности.

В связи с усилением вмешательства в природу человека и расширением форм такого вмешательства, рассмотрены антропологические и этические импликации феномена биотехнологического конструирования, а также представлены способы и перспективы его модификации. Показано, что основание конфликта, провоцирующего напряжение современной биоэтической мысли, связано с расширением и усилением артефактивности в различных локусах человеческого существования (при рождении, в болезни, во время умирания и смерти), которые хотя и не были полностью подвластны воздействию естественных процессов, все же, не превращались в искусственный продукт в такой степени. В этой связи возникает вопрос о новых формах этического осмысления реализуемых конструктивистских тенденций и философской оценке процесса формирования дивидуального (в отличие от индивидуального) типа человека. Кроме того, показано, что процессы биотехнологического конструирования формируют особую социальную ситуацию, представляющую их как общекультурный проект.

Опираясь на современные антропологические исследования можно заключить, что трансформация человека происходит в течение всего времени его

эволюции под влиянием нескольких факторов. Один из главных, глубинных, практически не видных на поверхности, – семиотический процесс, который идет рука об руку с процессом социализации. Еще один фактор, обуславливающий трансформацию биологии и телесности – техника, особенно антроптехника. Существенный вклад в трансформацию антропологического развития делает «проектный разум», т.е. привлекательные идеи, которые во что бы то ни стало стремятся осуществить человек. К проектному разуму относятся многие теории, социальные программы и проекты, некоторые картины мира. Поскольку в настоящее время происходит радикальная смена культуры и социальности, должно иметь место очередное существенное изменение биологии и гештальта человека, которую предсказать совсем не просто и выбор между деградацией и развитием также не очевиден.

Вторая глава монографии посвящена подходам к решению цивилизационных вызовов в условиях растущей сложности и неопределенности, которые неразрывно связаны с наступлением эпохи антропоцена – эпохи, когда техногенное воздействие человеческой деятельности на окружающую среду становится решающим фактором ее качественных изменений; изменений, ставящих под вопрос само существование на Земле человеческой цивилизации. В этом контексте с необходимостью формируются дискурсы трансгуманизма и постгуманизма, сфокусированные на проблеме природы человека и ее возможной трансформации в наступающую эпоху кибер-цифровой реальности и грядущего сильного искусственного интеллекта. В итоге возникает все более осознаваемая необходимость проблематизации ситуации нашего «здесь и теперь» в новой концептуальной оптике парадигмы сложности, стратегии, именуемой нами как «мышление-вместе-со-сложностью». Последнее можно понимать как конструктивно-процессуальный сетевой и трансцендентальный мультиперспективизм, ориентированный на ирредукционистских поиске/конструировании коммуникативно-семиотических связей между разными перспективами, точками зрения по Делезу-Лейбницу. Такое мышление меж- и трансдисциплинарности направлено на то, чтобы не редуцировать перспективы к какой-то одной, а связывать их посредством например семиотических средств математической теории категорий, теории мотивов, алгебраической топологии.

Поиск архетипических аналогий становления культурных мега-транзитов отсылает нас от эпохи Антропоцена к истокам Модерна, к творчеству испанские мыслители XVI века, которых можно условно назвать медиками-

философами. Их объединяет общая установка – формирования нового понимания природы человека, предполагающего личное участие и работу каждого над своим внутренним миром, здоровьем и жизнью. Высказывается предположение, что на примере «почти забытой группы врачей», (Хуана Уарте, Оливы (Мигеля) Сабуко, и Гомеса Перейры) реформаторов образования и гуманистов, имеющих общей чертой натуралистический подход к изучению человека, что ими не только были высказаны идеи во многом опередившие и предвосхитившие эпоху Нового времени, основными творцами и символами которой традиционно называются Декарт и Бэкон, но и высказываются идеи, принципиально отличные от сложившегося в дальнейшем направления мейнстрима. Объектом их философских и научных исследований становятся внутренние миры человека, его страсти, эмоции, и способности, а целью – практическое применения знаний, полученных на основании изучения природы человека, в основе которого целостное видение человека в единстве психо-физических, и духовно-моральных качеств в сопряжении с природой. Это позволяет им высказывать и предлагать решения ряда проблем, касающихся философии сознания, психического и физического здоровья человека, образования и воспитания, актуальных и требующих решения и в настоящее время.

Возвращаясь к усилению роли субъектности в начале XXI века отмечается, что отечественная философия предвосхитила этот тренд, в разработках постнеклассической научной рациональности и создании на ее основе методологии постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности. Рассмотрены базовые инвариантные характеристики субъектности. Проведен анализ субъектности «коллективного Запада» в условиях глобального кризиса капитализма, проиллюстрирована ее специфика в условиях пандемии COVID-19 и деформация ценностно-этических оснований идентичности в условиях глобального кризиса. Рассмотрены механизмы разрушения субъектности России в период перестройки и дана оценка ее современного состояние. В частности, субъектность современной России характеризуется крайне низкой организованностью как целого и несоответствием механизмов управления нарастающей сложности социальных систем. Фактически отсутствуют механизмы стратегического целеполагания и стратегического планирования, имеет место высочайший уровень деления на бедных и богатых, развал образования и науки, фактическая отстраненность общества от процессов обеспечения жизнедеятельности, безопасности и разви-

тия страны. Рассмотрены современные механизмы сборки субъектов развития в саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) средах гибридной реальности. Предложены первоочередные задачи укрепления субъектности России.

Третья глава посвящена знаковым трендам в тематике междисциплинарности нашего времени. Отмечается, что социально-этическая экспертиза научно-технических проектов зарождалась вместе с технаукой на рубеже XIX-XX вв. в художественной литературе, научной фантастике, философии. В монографии разрабатывается трансдисциплинарный подход к социально-этической экспертизе с широким привлечением к совместному диалогу науки, философии, религии, искусства, традиции. На первый план выдвинулись проблемы экологии и выживания человечества, баланса экологических и экономических интересов; инженерии и маркетинга, увязанности научно-технических инноваций и общественного сознания; культуры и будущего цивилизационного развития. Согласно трансдисциплинарному подходу, культура должна стать основой интеграции науки и образования, науки и общества. Активный диалог культур в глобальном мире приводит к принятию многообразия познавательного опыта человечества. В качестве case-study анализируются философско-методологические основания экспертизы проектов охраны природы, биомедицинских технологий, нефтегазовой энергетики. Обсуждается проблема экологии человека в техносферной среде обитания в контексте восточной естественной медицины и научно-экспериментальной медицины техносферной цивилизации. На примере нефтегазового комплекса предлагаются критерии проведения социально-этической экспертизы инновационных проектов.

В рамках рассмотрения семиозиса цифровизации дискурсивных практик ставится задача дальнейшего развития постнеклассических идей, антропомерных представлений в современных тенденциях моделирования семиосферы, что открывает аналитико-синтетическую возможность представить сложностную конфигурацию взаимодействия знака и символа в их дуалистических и амбивалентных соотношениях. На конкретных примерах моделирования дискурсивных проявлений научных исследований показано, как семиотическая знаковая практика ассимилирует метафизическое действие символа и проецирует его на непосредственно воспринимающее в знаке. Тем самым ставится традиционный для философии вопрос, в каком формате могут решаться и решаются соотношения объективного и субъективного в современных дискурсивных практиках.

Завершает главу тема экосемиотической парадигмы, в которой показано как биосемиотика открывает новые возможности для экологических гуманитарных наук. Этот потенциал проистекает из основных семиотических концепций и инструментов, которые позволяют связывать, соотносить и интегрировать явления, которые обычно рассматриваются как принадлежащие разным онтологическим областям или предметам разных дисциплин. Семиотическое мышление – экологично само по себе через понятие умвельта - среды, означенной живым организмом, сопряженной с ним. Когда мы обращаемся к биосемиотике, она, помимо прочего, позволяет нам взглянуть на миры живого через иную оптику, на множество онтологий, которые через свои приборы, инструменты, морфологию, восприятие создают собственные специализированные миры. Каждое живое существо создает свой собственный организменный мир, автопоэтические системы, которые наблюдают себя сами, отличают себя от среды. Такое различие рождает внутреннего наблюдателя, который ограничен биосемиотике. Биосемиотическая парадигма могла бы способствовать развитию этнографического и экологического описания культуры, прояснять коммуникативную специфику множества наблюдателей многообразного связанного сложностного мира

Среди авторов монографии написание разделов распределено следующим образом: Буданов В.Г. – введение, раздел 1.1; Попова О.В. – раздел 1.2; Розин В.М. – раздел 1.3; Аршинов В.И. – раздел 2.1; Свирский Я.И. – раздел 2.1; Бургете Аяла М.Р. – 2.2; Лепский В.Е. – 2.3; Герасимова И.А. – 3.1; Киященко Л.П. – 3.2; Струговщиков У.С. – 3.3.

Книга предназначена для специалистов в области философии науки, междисциплинарных проблем цивилизационного развития, философской антропологии и теории когнитивной сложности.

Ответственный редактор
д.филос.н., к.физ.-мат.н.

Буданов В.Г

Круглый стол « Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации»

Лекторский В.А. Мы живём в технологизирующемся мире. Современный этап этого процесса – цифровизация, проникающая во все области жизни. Один из исследователей недавно сформулировал идею «технологического императива», определяющего с его точки зрения действия человека в наши дни: если возникает какая-то проблема, можно и должно найти технологический способ её решения. Популярно мнение о том, что та страна, которая сумеет оседлать современные технологии, станет господином мира.

Между тем, возникновение техногенной цивилизации (это термин был в своё время предложен В.С.Стёпиным) вовсе не было запрограммировано. Большинство локальных цивилизаций не были техногенными. Новое понимание техники как средства овладения природой и её подчинения интересам человека, понимание науки и рациональности как связанными с экспериментированием (идея, принципиально чуждая античной культуре), новое понимание взаимоотношения естественных и искусственных процессов результат мировоззренческой - философской и научной революции 17 века. В наше время говорят о появлении нового феномена – технонауки. Между тем, её возможность уже заложена в появлении экспериментального естествознания Нового времени.

Сегодня мы вступили в мир разнообразных технологических проектов переделки природы, общества и самого человека.

Развивается идея о превращении естественных процессов в искусственные, о создании таких неорганических и биологических формообразований, которые невозможны в самой природе, об управлении процессами эволюции, о вмешательстве в телесные и психические процессы человека, об «улучшении человека», о создании «пост-человеческого» существа, о «цифровом бессмертии», о возможности и желательности управления социальными процессами посредством цифровых технологий. Многие из этих проектов выглядят утопическими. Но нужно признать, что глобальная технологизация человеческой жизнедеятельности в самом деле идёт бурно. А как показывает история, многое из того, что первоначально выглядело утопией, было реализовано на практике.

Идея глобальной цифровой технологизации преподносится как осуществление вековой мечты человечества. В самом деле. С точки зрения сторонников

этого проекта (а их сегодня очень много) человек таким образом получает невиданную свободу: он становится, по существу, демиургом Вселенной, управляя эволюцией, он также контролирует социальные процессы и пресекает неразумные деструктивные действия отдельных индивидов, он получает возможность «улучшить» своё тело и психику и даже достичь индивидуального бессмертия.

Однако в действительности всё обстоит совершенно иначе. Если бы проект глобальной цифровой технологизации осуществился, возникшая в результате ситуация означала бы не достижение невиданной свободы в процессе человеческой самореализации, а закабаление человека технологизированным миром. Человек потерял бы индивидуальную автономию и свободу выбора. Что же касается т.н. «цифрового бессмертия», то, если бы оно было возможно (о том, что оно невозможно, мне приходилось писать), нас ожидало бы не райское блаженство, а муки ада: жизнь утратила бы всякий смысл.

В основе проекта глобальной технологизации лежало неверное мнение о том, что человек лучше всего знает те процессы и механизмы, которые он сам создал и которые поэтому подчиняются его контролю. В действительности сделанное человеком техническое устройство может выйти из-под контроля, начать действовать автономно и даже диктовать человеку способы поведения. Мы уже сегодня сталкиваемся с такой ситуацией, например, в случае использования искусственного интеллекта для обработки «больших данных». Машина выдаёт определённое предсказание, которое как правило оказывается верным, но смысл которого человек не может понять, как и не может его объяснить - машина сама не понимает, как она приходит к этому предсказанию, но это ей и не нужно. Механизм на основе сделанного предсказания диктует человеку определённый образ действий, и последний должен подчиняться таким предписаниям, хотя не знает, почему именно такое предсказание сделано. Человек начинает жить в не понимаемом им мире и теряет автономию.

Нельзя понять человеческую жизнь просто как совокупность действий по определённым правилам, которые могут быть алгоритмизированы, а затем технологизированы (такая точка зрения сегодня предлагается некоторыми теоретиками). Конечно, правила играют важную роль в нашей жизни. Но ведь многие важнейшие сферы жизнедеятельности невозможно понять в качестве простого набора правил. Как, например, показывают когнитивные исследования,

уже восприятие не есть просто действие по правилам, а является извлечением такой информации из окружающего мира, характер которой часто нельзя предугадать. Не подчиняется правилам и решение творческих задач – все попытки разработать «логику творчества» оказались безуспешными. Не может быть набором правил и плодотворный диалог с другим человеком, предполагающий эмпатию, умение понять позицию собеседника – ход такого диалога невозможно предугадать, но именно поэтому он и ценен. Вообще, как раз то, что делает человека человеком, не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения. Но и в тех случаях, когда есть правила достижения той или иной цели (и в этой связи возможность использовать определённые технологии), сама постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей: от того, что он считает хорошим и плохим, достойным и недостойным, желательным и нежелательным и т.д. А ценности - не набор правил и не сумма технологий. Но ведь именно ценности лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов.

Философско-гуманитарная экспертиза должна применяться в отношении всех современных технологических проектов. Ведь речь идёт о судьбе человека в том искусственном мире, который создал он сам. Философия - первая по времени появления теоретическая дисциплина, имеющая дело с предельными основаниями бытия и деятельности, работающая с абстракциями высшего уровня, ныне всё более обнаруживает свой глубочайший практический смысл. Ибо вопрос о том, что такое человек, где граница человеческого и нечеловеческого, это сегодня важнейший вопрос нашей жизни, связанный с тем, что одни называют «антропологической» революцией», другие «антропологической катастрофой», а третьи считают, что это одно и то же. Человек подошёл к краю пропасти. Важно, чтобы он, оттолкнувшись от края, взлетел вверх с помощью современных технологий, а не рухнул в пропасть под их тяжестью.

Розин В.М. Осмысление заявленной темы предполагает обсуждение, по меньшей мере, четырех подтем: особенностей техногенной цивилизации, причин ее кризиса, процесса трансформации человека, становления посткультуры,

приходящей на смену культуры модерна, причем не вообще, а с точки зрения интересующих нас аспектов основной темы. Начнем с первой темы.

Если иметь в виду *характеристику техногенной цивилизации*, то речь должна идти не только о развитии науки и техники и основанной на них промышленности. Техногенная цивилизация – это также проект овладения природой и Просвещения (для этого и создавались естественные науки, инженерия, техническое образование). Это также целый ряд институтов (государство, школа, промышленность и др.), обосновывающих и обслуживающих реализацию указанного проекта. Кроме того, техногенную цивилизацию задает система ценностей и картин, ее например, довольно хорошо проанализировали французские философы в теме «технократический дискурс». Наконец, возможно, начиная с XIX столетия, техногенную цивилизацию задают и процессы экспансии на другие страны (Восток, Азия, Африка, Южная Америка).

Стоит отметить, что в настоящее время техногенная цивилизация пытается обновить себя, вмняя как необходимое условие научно-технической и экономической деятельности установку на минимизацию негативных последствий (чистые источники энергии, учет возможных изменений и пр.). Другое направление усилий – расширение и коррекция исходного культурного проекта за счет проектов освоения космического пространства и других планет (скажем, задумки и деятельность Илона Маска). Теперь второй вопрос – *причины кризиса техногенной цивилизации*.

Да, проект овладения природой удалось реализовать, но лишь частично и не совсем так, как было задумано в XVII столетии. Дело в том, что реализация этого проекта породила новые природы (социальную, гуманитарную), которые пока не удастся взять под контроль. Некоторые исследователи думают, что это в принципе невозможно. Кроме того, именно реализация проекта модерна в части его научно-технического и промышленного аспектов обусловила негативные последствия и техногенные кризисы (прежде всего экологический). Можно указать на еще одно обстоятельство: человек оказался очень изобретательным, он создал новые технологии, позволившие использовать институты техногенной цивилизации не по назначению, главным образом, в эгоистических целях отдельных сообществ и даже индивидов. Все перечисленные процессы сделали необходимым формирование нового цивилизационного проекта, что постепенно начинает осознаваться.

Трансформация человека – третья тема. Современные исследования показывают, что культура модерна допускает разные формы социализации. Эта особенность модерна привела к формированию и разных типов человека. Я бы подчеркнул, не разных форм одного человека новоевропейской культуры, а именно разных антропологических типов. Другая линия трансформации – дифференциация по разным социальным образам жизни, например, массы и элиты, власти и управляемые сообщества, средний класс и др. При этом сообщества все больше обособляются и замыкаются в собственном мире. Хотя этому обособлению противостоит Интернет и формирующиеся на его основе сетевые сообщества.

Можно указать еще одно направление изменений. Кризис модерна и становление новых типов социальности (сетевых сообществ, метакультур, конвергенции капиталистических и социалистических форм хозяйствования, распространение новых этических принципов и пр.) повлекли за собой кризис идентичности современного человека. Здесь и проблемы выбора оснований для отождествления с другими, и неопределенность границ начала и окончания жизни и другие затруднения индивидуального самосознания.

Последняя тема связана с анализом *основных трендов социокультурных изменений*. Это, во-первых, отмеченная выше коррекция проекта модерна, попытка обновить его. Во-вторых, спонтанная естественная, неуправляемая трансформация, в которой можно различить, с одной стороны, процесс кризиса модерна, с другой – становление уже отмеченных новых форм социальности. В-третьих, уже сознательные усилия по осознанию кризиса техногенной цивилизации и формулированию идей спасения Земли и человечества. Эти изменения, думаю, скажутся и на трансформации современного человека.

Буданов В.Г. Вадим Маркович, не кажется ли Вам, что концепция проекта, в данном случае Модерна, выстраивается всегда задним числом. Мы выбираем, высвечиваем в прошлой истории тех мыслителей, кто условно и утопично так думал о будущем, как оно произошло, в то время как большинство ничего или не так думали о нем? Быть может все же, это процесс культурной самоорганизации истории, а не осознанный проект?

Розин В.М. Да, и самоорганизация идей имеет место, безусловно, но можно проследить их генезис, связь разных авторских построений, а это уже квази-

проект, что-то типа сквозной тематической линии по Холтону в философии науки.

Аришинов В.И. Мне кажется, здесь еще работает и механизм самоосуществляющегося прогноза и наше бессознательное желание персонифицировать, считать кого-то сознательно творящим историю.

Буданов В.Г. Хотел бы дополнить идеи, озвученные Владиславом Александровичем и Вадимом Марковичем, некими модельными представлениями о антропогенезе и рисках современного глобального кризиса. Известная история человечества насчитывает множество цивилизационных кризисов, разделенных веками относительного порядка, и в начале XXI века мы наблюдаем начало очередного, но уже глобального. О переходе к Новому средневековью в прошлом веке пророчествовал еще Н.Бердяев, говорил о подобной аналогии для посттехногенной цивилизацией В.С.Степин, писали и мы о ритмокаскадном «историческом эхе» постцезарианского Рима и начала христианской эпохи. В терминах В.М.Розина сейчас речь идет о процессе перехода культуры распадного проекта Модерна к загадочной фьюче-культуре, рефлекслируемой им философско-методологически целостно. С этим нельзя не согласиться, и здесь уже разворачивается основное поле междисциплинарных исследований. Однако, мы хотели бы обратить внимание на наличие в нашем веке кризисной зоны существенно более медленных, масштабных информационных и культурных параметров порядка антропосферы. Ранее эти параметры развивались самоподобным образом в режиме с обострением не одно тысячелетие, а их надлом говорит о мега-транзите всего человечества, что делает наступающий кризис уникальным, не имеющим аналогов в нашей истории. Частично, столь глобальные тенденции уже отражены в концепциях ноосферы Вернадского-Моисеева и антропоцена Стормера-Крутцена, но, подчеркнем, что эти идеи основаны на эмпирических наблюдениях за гео-био-техно-антропосферой и отражают общую линейную тенденцию цивилизационного развития, без претензии на более подробный модельный прогноз развития самого человека и общества в переходный период. Вместе с тем, моделированию глобального исторического развития посвящали свое творчество многие мыслители, начиная с Платона, Гегеля, Маркса, и до Шпенглера, Кондратьева, Тойнби, Гумилева. Наиболее общий математизированный подход компьютерного моделирования мировой динамики, заложенный Дж. Форестером, впоследствии реализовался в работах Римского

клуба, Института Сложности в Санта-Фе, в Мир-системном подходе Валерстайна, в исследованиях по клиодинамике, а в России – это работы школ С.П.Курдюмова, Д.С.Чернавского, А.А.Акаева. Наиболее интригующей по грандиозности временных масштабов, почти эсхатологичности, является демографическая модель роста народонаселения Земли Форестера-Капицы. Используя последние синергетические модификации своей модели в конце 1990-х, С.П. Капица объяснял природу наступающего Большого Антропологического перехода середины нашего века примерно следующим образом: в начале столетия прогнозируемо завершается многотысячелетний рост и происходит стабилизация численности народонаселения Земли, сопряженная с радикальными технологическими, социальными и антропологическими трансформациями человечества. Сценариев этого процесса он в деталях не предвидел, но сегодня они уже вполне просматриваются, как и вторая, локальная в большой степени, техно-антропологическая причина современного кризиса. Она связана, в первую очередь, с глобальной цифровизацией, повсеместным использованием ИИ и переходом к сетевому цифровому обществу. Сценарные альтернативы дальнейшего развития в предельных формах возможны как в виде цифрового тоталитарного общества всеобщего контроля при утрате гражданских свобод, так и в форме новой электронной демократии и коллективных инновационных форм социального сетевого творчества. Ключевым остается вопрос о стабилизации и даже сокращении численности населения планеты, предсказанный моделью. Сокращение численности населения прямо заявлено как одна из основных цивилизационных целей в докладе Римского клуба 2018 года «Some on, capitalism», а с 2020 года реализуемо в стратегии медицинской диктатуры перманентной пандемии по К.Швабу. Основной механизм подавления рождаемости последние 40 лет был связан с культом общества потребления и индивидуализма, стимуляцией гендерного разнообразия и насаждением постмодернистского мировоззрения, деконструирующих и девальвирующих любые традиционные и национальные, в том числе семейные ценности. Такое ощущение, что коллективный Запад вполне реализовал модель «Вселенная 25» Джона Кэлхуна о социальной деградации замкнутой популяции мышей, живущих в райских условиях. Население развитых стран не только сокращается, но их граждане довольно резко деградируют интеллектуально последние 40 лет, согласно массовым IQ тестам. Следуя известному психиатру и IT-эксперту А.В.Курпатову, в

последнее десятилетие к этим проблемам добавились риски цифрового аутизма, клипового мышления, социальной дезадаптации и диссоциации личности, досугового вызова в цифровых средах. Мы наблюдаем парадоксальный исторический вызов: в грядущем обществе знаний население оказывается с деградирующими интеллектом и культурой на фоне развитого ИИ, что едва ли отвечает идеалам ноосферной цивилизации. Есть ли глобально-исторические причины происходящего и, возможно, оптимистическая перспектива дальнейшего цивилизационного развития? Согласно нашей триадной эпистемологической модели культурно-антропологического развития, человечество завершило освоение символического цикла «процессы - состояния - смыслы - процессы», в котором родились все формы познания этого мира, и может либо вернуться в неолит, либо открыть в себе новые творческие потенциалы развития. На мой взгляд, далее вполне возможен ароморфоз нашего вида, по способу работы с информацией, на две альтернативные ветви развития. Сейчас мы вступаем в полосу глобального социального хаоса, выход из которого будет реализован обязательно с помощью новых технологий ИИ, преодолевающих или, напротив, усугубляющих многие вызовы становящейся техноантропосферы. Центральным остается вопрос о способах гармоничного сосуществования и сотрудничества ИИ и человека в новой сетевой социальности, точнее, где и в какой форме будет проходить метафизическая граница человек-машина, останется ли место богатству культуры и человеческому в новой реальности.

Герасимова И.А. В чем, на Ваш взгляд, роль развернувшейся пандемии, для будущего развития цивилизации?

Буданов В.Г. Реальные мировые пандемии перекраивали историю, великая эпидемия чумы средневековья, уничтожившая пол Европы, создала условия для бурного развития гуманизма и начала Возрождения, а Испанка 1920 года, унесшая 100 миллионов жизней, прекратила Первую мировую и разрушила мир империй. Сегодня пандемия, реальная или мнимая, используется для перехода к «новой нормальности» по К.Швабу рождающегося глобального порядка. Однако, это только начало Большого антропологического перехода, общество еще не опомнилось от шока и не сказало своего слова.

Лепский В.Е. Да, пандемия резко ослабила обратные связи общества и власти, демократические институты в условиях медицинской мобилизации и «новой нормальности» не могут адекватно работать.

Аришинов В.И. Я бы хотел по возможности кратко остановиться на некоторых ключевых вопросах эволюция антропоцентрического мировидения в становящуюся эпоху цифровой реальности, символом которой выступает искусственный интеллект. При этом, что существенно, я рассматриваю эту эволюцию в контексте ситуации кризиса, в котором «здесь и теперь» находится современная техногенная цивилизация. Существует много признаков этого кризиса, перечень которых может быть очень большим, однако главным из них является, на мой взгляд, *осознание* абсолютной неопределенности, непредсказуемости даже самого ближайшего будущего сценария цивилизационного развития. Как говорится, кости еще не брошены, еще ничего не решено и однозначного ответа на вопрос каким оно будет это становящееся будущее-началом конца или концом начала у нас нет. Но так или иначе мы нуждаемся в некоторой трансцендентальной сложностной оптике, что бы иметь возможность обозреть эту кризисную ситуацию, находясь в некоей становящейся метапозиции. Признаюсь, я прибегаю к этому термину не без колебаний, поскольку сама ее возможность, при всяком более или менее критическом рассмотрении выглядит в высшей степени проблематичной. Возможно, что было уместней говорить о наблюдателе сложности как о семиотически-коммуникативном наблюдателе второго порядка, рекурсивно наблюдающим семиотицизирующуюся реальность наблюдателей первого порядка, их Умвельтов, сред обитания, порождаемых их изначальной сенсорно-моторной активностью или агентностью. И здесь мы погружаемся в загадочный полумистический мир монадологии Лейбница, реляционный мир становящихся связей и отношений живого и неживого, естественного и искусственного. Это мир открытых эмерджентных сетей, в которых доминирует рекурсивность и контингентность, акторно-сетевая практика трансформативности контекстуально, квантовоподобным образом сопрягающая узлы и связи как волны и частицы наподобие процессам гештальт – переключения «фон-фигура». Но далее я для краткости буду говорить о становящейся метапозиции когнитивного наблюдателя, понимаемого, в свою очередь, как распределенная сеть агентов-актеров квантовоподобного эпистемического поля. В качестве своего рода мысленного эксперимента, попытаемся теперь осмыслить эволюцию антропоцентризма, ее направленность, в современных трансформативных практиках познания и освоения человеком самого себя в единстве с окружающей его средой. В современной западной литературе эта

эволюция чаще всего маркируется такими терминами-концептами как постгуманизм или трансгуманизм эпохи антропоцена. К ним добавляют так же критический постгуманизм, кибергуманизм, неогуманизм и, наконец, одно из самых последних предложений-метагуманизм. Но так или иначе ясно, что речь идет о проблемной ситуации сдвига онтолого-эпистемической парадигмы в ситуации кризисной «странно-аттракторной» (или квантовоподобной) неопределенности. Неопределенности (фрактальности) границ между настоящим, прошлым и будущим, живым и неживым, естественным и искусственным, означенным и неозначенным. И это сдвиг в сторону парадигмы сложности в смысле Э.Морена, сдиг, стимулированный, помимо всего прочего, не только осознанием наступления эпохи антропоцена, необходимости перезапуска нового диалога человека и природы, но и появлением на ближайшем горизонте будущего развития общего искусственного интеллекта, возникновения качественно новых симбиозов человека и техники. Одним из обоснований такого рода подхода является утверждение, согласно которому именно рост сложности является тем обобщенным вектором, который определяет направленность восходящих эволюционных процессов в целом.

Соответственно возникает необходимость рассматривать методологические принципы и инструменты «мышления в сложности», которые не даны в своем окончательном виде, а должны быть в некотором смысле созданы, изобретены или сконструированы. В этой связи весьма привлекательным выглядит проект нередукционистской, трансдисциплинарной методологии в том его виде как он формулируется в контексте киберсемиотической парадигмы Сорена Бриера. Киберсемиотика (англ. Cybersemiotics) – трансдисциплинарная метатеория, разрабатывающая не-редукционистский подход к анализу знания и сознания в феноменологической традиции посредством. Это рассмотрение существенным образом дополняется и развивается посредством включения концептуальной оптики сложно-сетевое мышления. При этом важно, что открываются, исследуются возможности рассмотрения постнеклассической науки (в смысле В.С.Степина) как науки второго порядка по аналогии с кибернетикой второго порядка. Ключевой характеристикой науки второго порядка является введение в контекст соответствующего онто-эпистемологического дискурса фигуры синергетического наблюдателя как становящейся темпоральной сети акторов, опосредующих и одновременно элиминирующих классическую субъ-

ект-объектную бинарную дихотомию. В фокусе осознания появляются концепты коммуникации, автопоззиса и семиозиса. В полной мере развертывается концепт синергетического наблюдателя сложности как эволюционирующего системно-сетевого семиотического концепта, обладающего в целом квантовоподобными свойствами. Будучи погруженным в контекст киберсемиотических представлений «мышление в сложности» порождает понимание смысла эволюции как коэволюции «человека с самим собой» (Э.Янч). Осмысление с этих позиций качественно новой цифровой реальности становящейся посттехногенной цифровой цивилизации 21 века дает нам новое понимание антропоцентризма как активного полюса, одной из сингулярностей в общем процессе космоцентрической эволюции в целом.

Белоногов И.Н. Владимир Иванович, а наблюдатель сложности, обладающий этой мультимировой, полисемантической, шизофренической оптикой является человеком или искусственным интеллектом?

Аришинов В.И. Думаю, ни то, ни другое. Я уверен, что эта функция в полной мере под силу только симбиотическому, гибриднему человеко-машинному комплексу, соединяющему креативность человека и мощь работы с базами знаний сложного искусственного интеллекта, но, конечно, это не примитивный киборг из фильмов о цифровом будущем. Однако, человеку следует начинать осваивать этот стиль бытия в реальности уже сейчас, ИИ нам в помощь.

Герасимова И.А. Соглашусь с В.Г.Будановым, в том, что переживаемый цивилизационный кризис более грандиозного масштаба, чем просматриваемые циклы, начиная с Античности. Гераклит писал о периодических поновлениях мира огнем как основной энергией мироздания, если говорить на современном языке. В Агни Пуране находим описание периода Кали-юга (железного века омрачения) и времени наступления Сатья-юга (века гармонии, торжества высших ценностей духа и справедливости). Указывается главная причина катастрофы – моральное разложение сознания людей. О критической точке в эволюции Земли и человека предупреждали Н.К. и Е.И. Рерихи. Представляют интерес концепции геологов. Впервые о планетарных вселенских катастрофах в XIX в. заявил Ж.Кювье. Междисциплинарные системные подходы в современной науке вводят сложную сетку координат, включая космические, геодинамические, биосферные, техносферные, медико-биологические измерения. Одна из

причин цивилизационного кризиса – десинхронизация, рассогласование вселенских, планетарных и социальных ритмов.

Как смотрят ученые на критический момент в истории Земли? Интересная формулировка дается эпидемиологами. Не раз в истории Земли массовое вымирание шло в период эпидемий, когда новые вирусы «запускали новые программы», многие виды вымирали, выжившие трансформировались, расчищалось пространство для новых видов, эволюция шла по обновленному пути. Ретровирусы вошли в геном человека. Например, самые древние ретроэлементы генома, 30-45 млн лет, составляют 33,9 % ДНК (М.В.Супотницкий). Человечество не раз переживало катастрофические моменты, после которых жизнь приобретала новые качества.

В отличие от просматриваемых времен современная ситуация отличается стойким влиянием антропогенных факторов на биосферу. Путь к гармоничному состоянию расчищает сам человек как катализатор ускоренного планетарного развития. Симптомы ускорения проявляются в ходе научно-технического развития (возможно с конца XVIII в.) – открытие связи электричества с магнетизмом, энергии атома, новых форм материи, выход в космос и преодоление методологического геоцентризма, открытие информации.

Постепенно нарастала технологизация общества и сознания. Новые технологии резко меняли картину мира, общественные устои, шли трансформации сознания. С 80-х годов XX в. с появлением высоких технологий и интернета ярко проявился интерес крупного, транснационального бизнеса в перманентной инновационной политике, обществе культивируемого потребления, возможностях управлять с помощью цифровых технологий экономикой и социальной жизнью людей. Нарушается баланс между развитием технологий и культурой, искусственные реалии начинают подменять естественные. Резко ухудшается здоровье, нарастают физические и психические болезни века, разгораются пандемии. Технологизация буквально «высушивает» биосферу не только вырубкой лесов, отравлением воздуха, воды и земли, массовым вымиранием видов, но и перенасыщением пространства электромагнитными излучениями, вытеснением белковых форм жизни кремниевыми структурами. В переходную эпоху антропоцена именно деятельность человека становится мощнейшим катализатором планетарных процессов. Мы зашли в кризис, нам из него и выходить. Абсурд,

утрата смыслов жизни в массовой сознании, резко-катастрофическое обострение экологической ситуации мобилизует все разумные силы планеты.

В литературе распространены оценки ситуации по двоичной системе – позитив/негатив, но этого недостаточно. Предлагаю посмотреть на ситуацию в оптиках «негатив в позитиве» и «позитив в негативе». То, что технологии стали ведущими ускорителями, вполне естественно, если судить о специфике познания и творчества как исследования. Человек осознает результаты своего творчества воплощением мысли в действии, в объективации мысли в технологиях и реальностях. Познавая мир через инструментальные средства теорий и технологий, мы изменяем и себя.

Например, коммуникативная рациональность, сила и возможности коллективного мышления, сетевые формы спонтанного творчества, рефлексивные коммуникации, осознаются через информационно-коммуникационные технологии глобального интернета. Не без поддержки глобальной сети зарождаются зерна планетарного сознания, геосоциальности и геосолидарности.

Киященко Л.П. Правильно ли я поняла идею Вашего послания: «Негатив в позитиве» это риски от инноваций научно-технических и социальных, инновация обычно действительно мотивирована позитивно. А вот, «позитив в негативе» это что, радость от экстрима преодоления негатива или мазохизм какой-то?

Герасимова И.А. В первом случае Вы правы, эти риски, обратная сторона успеха. Однако, симметрично рассматривать «позитив в негативе» нам совершенно не свойственно, хотя философская мудрость этому тоже учит «и это пройдет», «все вернется на круги своя». В первую очередь это работа со временем, в большем временном горизонте негатив может превратиться в закон эволюции. Например, уход старшего поколения мы воспринимаем с горечью, но он дает возможность состояться следующему поколению. В более общем случае, максима «чем хуже тем лучше» идея быстрой операции без наркоза, а не отрезания хвоста кошки по кусочкам. Мы часто боимся идти к зубному, а надо. --- «позитив в негативе». Ну а экстрималы, конечно, совершенно особая стратегия жизни.

Лепский В.Е. В последние годы все более четко проявляется осознание ограничений техногенной цивилизации, ориентированной на унификацию локальных цивилизаций, свертывание многоцивилизационного мира. Суть этих ограничений сводится к тому, что человечество вошло в стадию неустойчиво-

сти, кризисных состояний и нестабильности. В техногенной цивилизации базовые ценности научно-технический прогресс и наука, при этом фактически игнорируются социальные ценности и этические аспекты регулирования социальных процессов (В.С. Степин).

Такому подходу сопутствовало проявление негативных признаков во всех аспектах жизнедеятельности человечества.

В *цивилизационном аспекте* отчетливо проявляется тренд на унификацию цивилизаций, на снижение социокультурного разнообразия человечества, что неминуемо приведет к нарастанию цивилизационных конфликтов и уместно вспомнить прогнозы С. Хантингтона.

В *экономическом аспекте* остается доминирующим принцип максимизации прибыли и сохраняется актуальным видение К. Маркса о поведении предпринимателей в условиях сверхприбылей. Фактически имеет место экономическая детерминация развития в техногенной цивилизации и нарастание угроз в эволюции технологических укладов. Попытки разработки и внедрения стандартов социальной ответственности, например ИСО 26000, ограничиваются сферой корпоративной среды и не затрагивают масштабы человечества.

В *финансовом аспекте* продолжается нарастание расслоения человечества на бедных и богатых, фактически мир все в большей степени становится миром для избранных, как это и предсказал А.С. Панарин.

В *экологическом аспекте* продолжается разрушение биосферы, наиболее развитые страны, потребляющие более других энергетические ресурсы игнорируют международные экологические соглашения, присваивая себе права быть в особом положении, игнорируя права других субъектов мирового сообщества, об этом пророчливо предупреждал Н.Н. Моисеев.

В *техногенном аспекте* имеет место неконтролируемые нарастающие темпы внедрения техногенных новаций, к которым не успевает адаптироваться человечество. Уместно вспомнить образное сравнение С. Бирао том, что динозавры вымерли не от самих природных изменений, а от высоких темпов этих изменений.

В *человеческом аспекте* отмечаются разнообразные негативные последствия для человека от неконтролируемого внедрения цифровых технологий. Среди которых выделяют разрушение целостности человека и субъектности (В.А. Лекторский), деформация потребностно-мотивационной сферы, блоки-

ровка рефлексии и критического анализа информации, снижение креативности, открытость к манипулятивным воздействиям, повышенная комфортность, провоцирование асоциальных форм поведения, повышенный риск при принятии решений, блокировка эмпатии, деформация коммуникативных процессов, разрушение традиционных механизмов идентичности, формирование зависимости от цифровой реальности и др. Такого рода негативные последствия могут интерпретироваться как основания для нарастающих угроз и тренда «расчеловечивания». Отсутствуют социогуманитарные критерии оценки новаций в техногенной цивилизации, а человечество не готово к адекватному реагированию на новации техногенной цивилизации.

Как следствие обоснован вывод, что бессубъектность развития – диагноз состояния человечества в техногенной цивилизации. Анализ пандемии COVID-19 убедительно доказал этот диагноз. Высокий уровень субъектности был продемонстрирован лидерами глобалистского проекта, которые успешно используют механизмы и технологии техногенной цивилизации в организации рефлексивного управления различными субъектами мирового сообщества и человечеством в целом в интересах реализации своего проекта.

Становление пост-техногенной цивилизации оказывается неразрывно связано с решением проблемы перехода от эволюционного к проектному формированию будущего человечества.

При поиске модели пост-техногенной цивилизации в центре внимания оказываются базовые социальные ценности гармоничного развития человечества, а базовые философско-методологические основания могут базироваться на представлениях постнеклассической научной рациональности (В.С. Степин). Становления субъектности развития человечества - ключевая проблема поиска модели пост-техногенной цивилизации, причем ее решение должно опираться на культуру проектирования «человекоразмерных систем» (В.С. Степин).

Для сборки субъектов развития человечества и обеспечения механизмов обеспечения идентичности, на наш взгляд, целесообразно использовать систему онтологий бытия субъектов обеспечения жизнедеятельности и развития человечества (В.Е. Лепский). При этом важным требованием для учета новаций техногенной цивилизации должна быть инвариантность онтологий к специфике бытия и взаимодействий естественного и искусственного интеллекта.

Если техногенную цивилизацию представить как парадигму, то становление пост-техногенной цивилизации можно представить как разработку мета-парадигмы, например социотехногенной цивилизации, в которой техногенная цивилизация будет представлена как частная парадигма.

В настоящее время на роль метапарадигмы социотехногенной цивилизации может претендовать постнеклассическая кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред – кибернетике третьего порядка.

Аршинов В.И. Блестяще! Даже и не знаю, что еще можно содержательно сказать о симптомах кризиса техногенной цивилизации, а делать то что будем? Безсубъектность снимать, сразу станут видны все ошибки и персональная ответственность проявится, но кто же это допустит. Такая политическая воля в мире толерантности и потребительства возникнуть не может, а сейчас еще все глубже спрячется за цифровую экспертизу ИИ.

Лепский В.Е. Эта фундаментальная проблема хорошо известна и, согласен, администрированием и репрессиями не решается. Есть идея ее решения через феномены социальной самоорганизации гражданского цифрового общества в условиях распространения новой этики духовно-экологической цивилизации, а ее, в свою очередь надо прививать в системе образования уже сейчас.

Свицкий Я.И. Те вызовы, о которых шла речь в выступлениях, и прежде всего вызовы, связанные со все нарастающей технологизацией и цифровизацией человеческого существования выступают не только как угрозы этому самому существованию, но, прежде всего, как индикаторы того обстоятельства, что сегодня все отчетливее проступает необходимость осмысления тех онтологических сдвигов, на которые неоднократно указывали мыслители прошлого. А именно, речь идет о понимании человека, мира и социума как становящихся, интерпретируемых с процессуальной точки зрения реалий, не предполагающих как окончательной фиксированности начальных условий, так и предзаданных конечных целей или состояний. Именно в этом аспекте необходима выработка того, что В.Аршинов именуется «трансцендентальной сложностной оптикой», требующей «некой становящейся метапозиции». И такая метапозиция, несомненно, нуждается в особом концептуальном и методологическом инструментарии, который имманентно соответствовал бы процессуально понятию универсуму. И подобный инструментальный следует, на мой взгляд, не только изобретать, но и искать его следы в работах естествоиспытателей и философов,

также размышлявших на данные темы. Так, например, не следовало бы игнорировать штудии И.Канта относительно способности суждения, где кенигсбергский философ вводит довольно парадоксальные концепты, вроде «целесообразности без цели» или «нечувственной чувственности», привлекая внимание таких крупных мыслителей, как Бергсон, Уайтхед, Делез и других. В частности, Делез, по-своему истолковывая мысли Канта, разрабатывал собственную концепцию трансцендентального эмпиризма, также ориентированную на постижение становящегося мира. Более того, прибегая к данным концептам, Кант указывал на некую промежуточную область между «внешним» и «внутренним» индивида, прямо или косвенно интерпретируемым как «макрокосм» и «микроскосм», часто с отсылкой на статичный характер последних. Именно эта «область», согласно Канту, должна одновременно различать и склеивать механистически понятые законы природы и законы свободы, то есть как раз в ней пребывает энергия становления, обеспечивающая контакт разума и мира вещей самих по себе. По сути дела, сегодня эта область (отчасти отданная Кантом на откуп художественному творчеству и биологическим реалиям), которую можно назвать областью отношений между индивидами (в самом широком смысле слова), выходит на первый план, конституируя те онтологические сдвиги, о которых шла речь на круглом столе. На первостепенную важность отношений (а не соотносимых инстанций) указывают, например, и творчество Г.Бейтсона, и ризома Ж.Делеза, и сетевая парадигма Б.Латура. Кроме того, как мне представляется, через призму отношения (или «промежуточной области») имеет смысл интерпретировать и рассматривать концепт «кризиса», на котором делает акцент Л.Киященко, тему трансформации человека, поднимаемую В.Будановым, В.Розиним и другими участниками встречи.

И здесь хотелось бы отметить, что концепт «отношение» напрямую касается технического оснащения человеческой жизни, учитывая, что техника долгое время рассматривалась именно как посредник между человеком и внешней к нему средой. Но если делать акцент на отношении как на некоем сущем, а не только как на предикате или логической инстанции, то и техника – особенно в ее цифровом исполнении – предстает как среда, с одной стороны, создаваемая человеком, а с другой, в которую он сам погружен и которая пронизывает и трансформирует его.

И если принять «метапозицию» отношения с точки зрения его техничности, удерживающей в себе примат становления, то уместно, на мой взгляд, обратиться к творчеству уже упомянутого Ж.Симондона, приложившему немало усилий как раз для разработки концептуального аппарата, ориентированного (в его терминологии) не на субстанциальное, а на процессуальное видение реальности и человека в ней. В силу ограниченности времени, я хотел бы остановиться на ключевом концепте Симондона – на понятии индивидуации, учитывая, что данный термин философ применяет отнюдь не только к человеку, но и ко всем реалиям – живым, не-живым, социальным, вплоть до универсума как открытой системы. И прежде всего Симондона интересует то, как индивиды индивидуируются из доиндивидуального, причем доиндивидуальное он понимает как резервуар энергий, напряжений, к которым не применима операция опредмечивания. И такое доиндивидуальное в ходе индивидуации не исчезает, а продолжает действовать в индивиде, обеспечивая его трансформации. Кроме того в самом термине «доиндивидуальное» снимаются (если пользоваться терминологией Гегеля) дихотомии субъективное-объективной, внешнее-внутреннее, живое-неживое и т.п. И именно для того, чтобы сделать такое нечувственное «снятие» чувственным, Симондон обращается, прежде всего, к терминологии, заимствованной из естествознания, в частности из термодинамики и квантовой механики (энтропия, негэнтропия, фазовые переходы, принцип дополнительности и др.), превращая эту терминологию в инструмент описания и анализа индивидуации, не лишая ее при этом изначальной смысловой значимости. Исходя из центрального вопроса о доиндивидуальном в его процессе индивидуации, Симондон стремится ухватить легитимность понятий «метастабильная система», «энергетический потенциал», «проводимость», «информация» и ответить на фундаментальный вопрос: почему индивид, эмерджентно возникнув, должен сохранять - в своем измерении - доиндивидуальное, как ассоциированную с ним, но несводимую к нему среду, как измерение, непрестанно вмешивающееся в формирование и эволюцию индивида, следовательно, принимающее двойную (индивид-доиндивид) относительную ценность?

Буданов В.Г. Яков Иосифович, правильно ли я понимаю, что Симондон в концепте доиндивидуального продолжает линию творческого дара, первоначально присущего человеку, подобно концепции Эроса греков или жизненного порыва

Бергсона? Подозреваю, что это так, но не только, т.к. доиндивидуальное относится и к неодушевленным объектам или объектам языка, какие здесь параллели возможны?

Свирский Я.И. Действительно, и тела и символы и смыслы обладают связностью с остальным миром, обладают доиндивидуальной потенцией к изменению в меняющемся мире. В ранней доньютоновой механике любили обсуждать тему самодвижения материи, а сегодня в моде концепции самоорганизации, у Гегеля было саморазвитие мирового Духа, а слово имеет свойство обрабатываться ассоциативными семантическими полями. Просто Симондон рассмотрел эти многообразные примеры потенциалов развития сквозь призму обобщенной, философской оптики.

Киященко Л.П. Слушая выступающих, нельзя не заметить, что тема трансформации человека в условиях техногенного кризиса современной цивилизации затронута многообразно и с разных сторон, отличается способами ее выражений, предполагаемыми методологическими измерениями и ключевыми словами. В этом сказывается личностный выбор тех основополагающих моментов, которые, по мнению выступающих, могут более выпукло выразить их отношение к обсуждаемой теме. Описываемая ситуация подтверждает многократно повторяемое – «все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования» (Гегель). Она имеет прямое отношение и к существу обсуждаемой нами темы. Амплитуда выражений человеческих отношений в условиях техногенного кризиса современной цивилизации многообразна и поучительна. В основе ее лежат по большому счету отношения между человеком и окружающим миром, с одной стороны, и отношение человека к самому себе (феномен саморефлексии), с другой стороны. «Истина всякого существования», выраженная через отношение, находит свое воплощение процессуально или субстанционально через мастерство разнообразного духовно-материального «рукоделия», технологических решений, которые опосредуют отношение между человеком и природой, конденсируя в себе «негатив-позитив» человеческой деятельности, выстраивая практическую философию, в которой «каждая ошибка становится продуктивной». Двойственность отношений, по большому счету заложенная в человеческой деятельности, в свою очередь, конкретно разворачивается через внутреннюю двойственность каждой из сторон, образующих отношение. Например, та или иная технология может

свернуться в природную составляющую, ее конкретного случая или случаев (cases), оставив в качестве необходимой среды или фона ингредиент души и духа (составляющая трансцендентального). А может это же технологическое решение развернуться с точностью наоборот. Духовная, душевная составляющая выйдет на авансцену, а задником будет натуральный компонент (телесность человека и натуральность природы). Динамика указанного соотношения, которое может быть названо взаимообращаемостью, или в современной терминологии рекурсивностью, аналитически может быть вычленена во всех выше помеченных отношениях в стороне от них стоящим наблюдающим. Эта ситуация с рассмотренными отношениями в аналитической перспективе носит в высшей степени абстрактный характер, ей противостоит ситуация, когда агент действия в нее включен и экзистенциально ее переживает. Колебательные, неравномерные движения между условно выделенными пределами (или границами), их взаимообращаемость, так сказать, рекурсивная доопределимость друг другом, разворачивается в пространстве и времени «межреальности» (Бургете, Герасимова) в движение, как сегодня говорят «от мира науки к миру жизни». Экзистенциальный опыт прозрачную аналитику отношений классического образца разрушает, порождает спорадический и непредсказуемый характер выстраивания отношений, зависимость от личностных предпочтений, коллективных договоренностей, «двойной контингентности» (Луман, Парсонс), образующих «общность по интересам» в решении проблем технократической цивилизации. Решение в данном случае понимается, как «взять в расчет», осознать ситуацию, держать ее под контролем - это все то, что сегодня на КС было подробно изложено.

В качестве дополнительных моментов к сказанному о тех отношениях человека и природы, надо учитывать порой драматические и неоднозначные параметры временных циклов этой системы отношений. Поскольку она одновременно находится в двух временных измерениях – в глобальном историческом времени, определяемом по летоисчислению и календарю, и в собственном циклическом времени, определяемом по внутренней фазе развития системы. Учет субстанциально-информационной модели времени (Спасков А.Н.), дает возможность отследить их эволюцию становления в сложные саморазвивающиеся системы, характер поведения которых может спонтанно и непредсказуемым образом изменяться в результате субстанциального действия в сознании чело-

века. Поэтому, говоря о грядущем «антропологическом повороте – от внешне выраженной деятельности интеллекта к внутренней природе разума» (Герасимова), удержим соотнесенность этих границ. Человек в его современном виде – это незавершенный проект природы. Эволюционируют именно те биологические свойства человеческого организма, которые способствуют выживанию человека уже в новой окультуренной и цивилизационно измененной среде. В его исполнении человеку предстоит еще ответить на многие антропологические вызовы, среди которых называют ювенальный – увеличение срока созревания когнитивного аппарата взрослой особи в связи с возрастающей сложностью культуры. Цефализацию – увеличение роли центральной нервной системы в функционировании всего организма, что коррелирует с формированием все более искусственной среды обитания (Лепский). Ответить на эти и иные вызовы неизбежно предстоит человеку и человечеству.

Бургете Аяла М.Р. В связи с последним утверждением о неизбежности ответов человека и человечества на вызовы текущего времени, чтобы избежать его риторичности, возникает желание узнать, как конкретно могут коррелировать между собой возможности человечества и отдельного человека в решении проблем кризиса техногенной цивилизации?

Киященко Л.П. Согласна, что элемент риторичности явным образом просматривается в последнем утверждении. Но эта не совсем та риторика, которая традиционно не вписывалась в научное познание, поскольку ее основное предназначение было разработка возможных способов убеждения изощренной схоластики относительно каждого данного предмета (Аристотель). В связи с заданным вопросом, что соединяет отдельного человека и человечество в их поступках, как совершается между ними обмен мнениями и решениями, хотелось обратить внимание на следующее обстоятельство. В связи с междисциплинарностью и коммуникативными дискурсивными практиками появление на интеллектуальном горизонте 70-е годы нашего столетия повышенного интереса к тому, что получило название «новой риторики». Речь идет об интересе к изучению интенциональных использований языка в процессе прагматической убеждающей коммуникации, к анализу и эксплицированию латентных механизмов «незаметного искусства» речевого воздействия в рамках различных коммуникативных систем – от художественного языка до торговой рекламы и политиче-

ской пропаганды (Дж.Остин). Основным ретранслятором взаимодействия является конечно человек в объеме отпущенных ему природой способностей.

Бургете Аяла М.Р. На мой взгляд, человек как одна из выделяемых В.С.Степиным ключевых мировоззренческих универсалий культуры, наряду с такими как «природа», «деятельность», «традиции и инновации», «личность», «рациональность», «власть», и составляющих ядро «взаимосвязанных и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития», все же является в этом ядре *центральной и связующей*. Даже если природа – объективная реальность, бог – творец и высшее существо, все они так или иначе соотносятся с человеком, который может говорить о них только в соотношении с самим собой.

С тех пор как *homo sapiens* благодаря своим способностям вытеснил остальных конкурентов с исторической сцены, главным действующим лицом и предметом заботы человеческой и деятельности мысли был и остается сам человек. Не важно, что было приоритетом в его размышлениях: забота о хлебе насущном, высшие силы, природа, приобретение новых знаний, улучшение условий жизни, изобретение приспособлений эту жизнь улучшающих. Неспешное существование, благодаря ценностной ориентации на сохранение традиций на протяжении тысячелетий, сменилось выходом на техногенный путь и переходом к эпохе, не напрасно обозначаемую как «модерн» - будь то новая вера, новая истина, новое знание, новое социальное устройство. Стремление к новому во всех его проявлениях становится основной доминантой предыдущих пяти столетий и медленно, но верно набирает обороты, постепенно «подтягивая» отстающие сферы жизни. От XX к XXI веку прирост нового знания и технологий приобрел невиданное ранее ускорение, а в последние несколько десятилетий «благие инновационные намерения», доведенные до абсурда в неукротимом стремлении к «улучшениям» стали очевидной угрозой и человеческой природе и существованию самой цивилизации.

Странно было бы предположить, что в начале этого пути - на рубеже XV-XVI в., когда «новое» было практически синонимом «крамольного и опасного», когда человек имел весьма приблизительное знание, даже о собственном анатомическом строении, можно было помышлять о том, чтобы предлагать какие-то реальные телесные трансформации. Тем более, что такое вмешательство в замысел божий противоречило доминировавшей христианской установке. И все

же нашлись смельчаки, из числа испанских врачей, осмелившиеся предложить и научно обосновать в своих работах идеи и методы, предлагавшие серьезные трансформации на *ментальном* уровне, которые могли бы повлиять на все сферы человеческой жизни, начиная со здоровья, продолжительности жизни, воспитания, образования и заканчивая трансформациями личности, которые создадут нового человека и позволят ему войти в царство небесное после смерти.

Ввиду ограниченного объема данной публикации, просто назову в хронологическом порядке три направления по которым предполагалась возможная трансформация человека. (1553) *Мигель Серветт* «Восстановлении Христианства» связывает формирование нового человека с возвращением к идеалам изначального аутентичного христианства, в попытке научно обосновать такую возможность им предлагается механизм соединения духовного-божественного начала с физическим телесным (фактически впервые в европейской литературе дается описание малого круга кровообращения). (1575) *Хуан Уарте* в работе «Исследование способностей к наукам» на основе изучения физических качеств человека, как данных ему от рождения, так приобретенных в процессе жизни предлагает развивать эти способности, они становятся основой классификации развиваемых человеком наук и последующего их применения. (1587). *Олива (Мигель) Сабуко* публикует книгу «Новая философия природы человек, не известная и не достигнутая великими древними философами, которая улучшает жизнь и здоровье человека». Из предисловия: «Рассуждение о познании самого себя, в котором делаются серьезные заявления благодаря которым человек поняв свою природу сможет узнать естественные причины по которым он живет и умирает или болеет и сможет избежать ранней или мучительной смерти и жить счастливо пока не достигнет естественной, проходящей без боли смерти от старости».

Каким же оказался реальный результат этих «инноваций»? Сервет настолько перепугал европейскую христианскую общественность, как католического так протестантского толка, что общими усилиями был отправлен на костер в Женеве вместе со своими книгами. Его антропологический оптимизм не пришелся ко двору и до сих пор считается одной из самых опасных ересей. Работы Уарте и Сабуко, написанные на испанском языке, были неоднократно переизданы, хотя и включались в индексы запрещенных книг. Исследователями не раз отмечалось, что Сервантес использовал при описании характеров своих

героев идеи Уарте, а Сабуко, как уроженец Ла Манчи и современник, был назван истинным реальным Дон Кихотом.

То, что тогда не хватило знаний, ресурсов, возможностей - не означает, что путь был ложным и бесперспективным. Поражает, что мыслители того времени смогли интуитивно выйти и обозначить правильный путь, направляющий во внутренние миры человека, при этом призывая действовать во благо человека. Их объединяет общая установка – признается возможность трансформации на основе формирования *новопонимания природы человека и его способностей* активная деятельностная позиция - *начни с самого себя и познай самого себя*, предполагающая личное участие и работу каждого над своим внутренним миром и поведением. При этом каждый из этих мыслителей, обращаясь, как принято в то время, к «просвещенному правителю», указывает на практическое применение: воспитание достойных членов общества.

И хотя благоприятная почва для культурных процессов была создана на сравнительно небольшом участке географического пространства – средиземноморье и западная Европа с более поздним «заходом на восточную», состоялся Золотой век, Испанской культуры - вопреки всем провозглашаемым кризисам и упадку. Мир получил в 1606 г. Хитроумного Идальго, в числе многих непревзойденных образцов художественной культуры Эпохи Возрождения – явления подобного по значению появлению христианства на рубеже античности и средневековья, во многом определившего направление культурного развития на последующие столетия.

Сейчас мы переживаем период, когда благие намерения инновационных технологий, учитывая планетарный глобальный масштаб происходящего, влекут человечество в бездну самоуничтожения. Возможно мы, находясь в потоке реальной жизни, не замечаем созревающие в недрах сегодняшнего миропорядка, зачатки того, что завтра будет определено как направление мейнстрима на будущее?

Человек, конечно, создание хрупкое и, с виду, незащищенное! Но с другой стороны, как показывают тысячелетия нашей истории, на удивление живучее, но, запас прочности особенно в рамках всего человечества, нам не известен. Мы бежим впереди построенного нами самими паровоза, пытаемся трансформировать себя под этот паровоз, не ведая о том какие собственными адаптивными ресурсами обладаем. Самая оптимистичная идея, которая теплится в глубине созна-

ния это то, что рано или поздно вопреки всему, внутренние человеческие ресурсы, скрытые пока от человеческого разума выведут человека из кризиса. Поэтому, призыв – *Nosceteipsum, познай самого себя* - звучит сегодня как никогда актуально.

Буданов В.Г. Спасибо Марина Рикардовна, завораживает, словно мы беседуем под жарким Солнцем Кастильи. Все эти великие авторы были врачами, для которых загадка человеческого телесного естества еще неотделима от его духа. Однако, на закате эпохи Возрождения уже появляются естествоиспытатели, которые станут отцами основателями науки Нового времени, тот же Ф.Бэкон, изгоняющие все темы психики из научных дискурсов. Считаете ли Вы возможным возрождение синтеза духовных и материальных начал в становящейся науке сегодня?

Бургете Аяла М.Р. Да, безусловно, это связано не только с этической экспертизой новых технологий и стратегий развития науки, но и с самим мотивом нового технологического уклада - «улучшение человека». А вот улучшать или вредить радикально зависит от принятой онтологии человека, которая сегодня редуцирована к чисто материальным основаниям, от базовых ценностей культуры, которая стремительно деградирует. Так можно и до Франкенштейна улучшить. Возвращение к идеалам целостного человека не прихоть, а возможность избежать расчеловечивания потомков.

Белоногов И.Н. В конце своего «Ответа на вопрос “Что такое Просвещение”» Кант делает замечание о том, что «большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед свободой духа народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды. Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности». Возможно эта проблема двух связанных сосудов – народного духа и гражданской свободы – может быть решена, или, по крайней мере, могут быть очерчены предварительные пути её решения, если принять её как задачу для теории систем. Такому её рассмотрению и будет посвящено данное выступление.

Первым шагом увидим парадокс первой части цитаты – когда мы говорим о высокой степени свобод индивидов в обществе, то говорим о системе, которая, одновременно, является цельной (общество, которое и делает граждан таковыми и наделяет их свободами), при том, что её части оказываются разроз-

ненными (что является результатом высокой степени свободы индивидов). Система разрозненных частей – так можно интерпретировать, вне каких-либо моральных оценок, ситуацию крайне индивидуалистического общества. Но каким образом это возможно? Разве связывание частей между собой и их организация в систему не предполагает потери составляющими её частями определённых свобод?

Быть может, дело в терминах – «народный дух» и «гражданские свободы» – чему соответствуют они в словаре теории систем?

Для того, чтобы прояснить этот вопрос эксплицируем социальную тенденцию, берущую начало задолго до Канта, но имеющую к нему непосредственное отношение. Речь идёт о его знаменитом призыве – «имей смелость пользоваться собственным умом!» или «Sapere aude!» - обращенному к индивидам, составляющим общество, еще не достигшее своего «совершеннолетия». Но что это – «совершеннолетие» - предполагает? Покуда речь о пользовании собственным умом, можно понять его как «самостоятельность», которой необходимо достичь индивидам. Необходим «собственный ум».

Тут и возникает другая проблема – как сделать «ум» собственностью, если рациональность с ним связанная, является тем, что даётся индивиду в процессе воспитания и обучения – она является данной ему, и, более того, налагает на него определённые ограничения. Каким образом такая данная, выданная рациональность может стать чем-то, принадлежащим индивиду? Орудием освобождения, а не дрессуры? Следовательно, под «разумом» должны иметься другие механизмы, отвечающие за то, чтобы сделать его «собственностью», что значит, иметь возможность вносить в коррективы по собственному желанию. Следовательно, необходимо проследить тенденцию к освобождению разума дальше, вплоть до того момента, когда она приводит по «ту сторону разума».

Несложно указать основные этапы такого освобождения – начав с «примитивных» обществ, в которых общими были не только ценности, но и вообще все представления, будь то религиозные или бытовые, эта тенденция проходит сквозь Реформацию, что подарила свободу иметь собственную интерпретацию священного писания, и далее – через критику ценностей, «буржуазного» субъекта, и даже рациональности – к сегодняшнему моменту, когда за счёт технологий индивиды обрели право иметь свой собственный мир. Что значит это – «свой мир»? Это значит, что любой индивид может выбирать себе представле-

ния на свой вкус, и при этом иметь возможность, данную средствами телекоммуникации, встроится в общество, найдя себе единомышленников, разделяющих эти представления. И именно с такой позиции – с позиции обладания собственным миром – и становится возможным выбрать себе разум, свой стиль разумности.

Но что есть этот «мир»? Ведь все детали, которые стало возможным выбирать, опять же являются данными обществом. Но именно здесь и кроется основное открытие, основное нововведение современности – мир не ограничивается лишь своим наполнением, но является той цельностью, которая связывает эти детали между собой. И даже если изменить все детали мира отдельного индивида, его мир останется его миром.

Чтобы уточнить это различие, обратимся к концепции Жюль Делёза «Тело без Органов», которое как раз и выступает как то, что притягивает или отталкивает детали, связывает их воедино, и при этом к ним не сводимо. Так возможным становится представить индивида в первую очередь как ТБО, как сингулярное, отличное от других по своей сути, единство, в котором те или иные детали – рациональность, язык, убеждения, представления – могут выступать как нечто привходящее и заменимое. Назовём таких индивидов, владеющих собственным миром, который и выступает основанием для порождения в нём собственного ума и дальнейшего им пользования, «аутистическими». Ведь покуда слово «ауто» значит «сам», слово «аутист» может обозначать, вне каких-либо клинических коннотаций, «самостоятельного» индивида. Аутистический индивид – это индивид, осознавший себя как монадический мир, а не как «личность» или «субъективность» - терминов и конструкций, слишком сильно зависящих от правового их применения.

Такие аутистические индивиды давно уже имеют место. И в то же время они могут продолжать коммуницировать не выходя из своего «мира» с помощью Мировой Сети Интернет. Им нет необходимости полностью соответствовать друг другу для того, чтобы совместно организовываться – эту функцию берёт на себя сама сеть. Им нет необходимости фиксироваться в этих сходствах – достаточно на некоторое время принять определённые правила, необходимые для коммуникации, которые, по её окончании, теряют свою действенность.

Следовательно, парадокс цельной разобщенной системы имеет место лишь в том случае, если мы сводим всю задачу к вопросу об организации и свя-

зям, игнорируя единство, существующее на другом уровне. Приняв же этот уровень – уровень индивида как Тела без Органов, выступающего в качестве пустого пространства для различных организованных образований и принципа их единства, мы можем – вторым шагом – вернуться к проблеме Канта, и увидеть, что с одной стороны, он говорит о «народном духе» т.е. Теле без Органов народа, не предполагающем какой-либо организации этого народа а с другой – о «гражданских свободах», т.е. чисто техническом следствии определённой организации общества.

Теперь же – третьим шагом – мы можем постулировать, что возможна такая ситуация, при которой будет существовать как «народный дух», так и «собственный мир» индивидов, основываясь на котором они с необходимостью будут пользоваться «своим умом», даже если, в следствии собственных решений, примут за таковой «чужой ум».

Цель данного выступления – показать, что проблема между народным единством и индивидуализмом лишь кажущаяся, и решаема за счёт введения еще одного концепта в теорию систем – Тела без Органов, или неорганизованной целостности.

Свирский Я.И. Иван Николаевич, странное впечатление производит столь краткое описание Вами Тела без органов, скорее оно напоминает задание конфигуратора в системном подходе, однако рефлексия над ним акторов позволяет с уважением относиться к чужим конфигураторам и вводит многообразие идентичностей, собирающих коммуникативные таксоны в сети по частичным признакам родства. Вам не кажется, что тема Тела без органов общества совершенно не полна ввиду отсутствия механизмов коллективной рефлексии.

Белоногов И.Н. Спасибо, я согласен с этим замечанием, да и объем сообщения не позволил вопрос осветить. Скажу лишь, что следует различать локальное взаимодействие индивидов и дальний порядок их коллективного взаимодействия, которые создают когерентные состояния коллективного действия и принятия решения, в частности и рефлексии.

Малахова Е.В. О возможности и даже необходимости формирования новой, человекомерной научной картины мира (как и о самом понятии «человекомерности») стали говорить и писать еще в конце 20 столетия, в связи со все ускоряющимся развитием науки, приобретшей уже не только неклассические, но и постнеклассические черты.

Несмотря на то, что научная картина мира становится все более детализированной, само научное мировоззрение сталкивается с рядом сложностей, лежащих в его сути и способных привести (или уже приводящих) к его кризису.

Эти фундаментальные сложности и проблемы заложены в ценностных основаниях научного мировоззрения, делающих его принципиально неполным, не выполняющим всех необходимых мировоззренческих функций. Любое мировоззрение помимо эвристической функции описания и объяснения действительности должно заключать в себе также функции телеологические, включающие посредством ценностных шкал цепочки предметно-практических действий в единое смысловое поле, в котором только и может человек действовать осмысленно, не полагая все происходящее с ним абсурдным именно в мировоззренческом смысле.

Современное научное мировоззрение формировалось, в первую очередь, именно как мировоззрение ученых и, прекрасно обслуживая потребности науки, обнаруживает свои слабые стороны, лишь будучи распространяемо на весь социум, что с неизбежностью происходит, все более набирая обороты.

Ценности научного мировоззрения – это ценности самой науки, каковыми выступают, в первую очередь, истина и научная новизна. Все же остальные ценности привносятся в науку внешним порядком, через этику науки, которая сама по себе является именно философской дисциплиной.

Рассматривая вопрос о том, как сложилось данное положение дел, можно вспомнить работы В.С.Степина, который много и подробно писал о техногенной культуре, породившей современную эмпирическую науку и связанную с ней научную картину мира. Главной характеристикой этой техногенной культуры он называл понимание человека как активного, деятельного существа, основного, а затем и единственного субъекта познания и целенаправленного изменения действительности. С этой точки зрения, техногенная культура и цивилизация несут в своей основе фундаментально антропоцентрическое объектное отношение к миру.

О том, к каким зачастую нежелательным последствиям это привело, написано много, однако некоторый оптимизм здесь внушают такие феномены, как развитие науки «второго порядка» (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский), кибернетики второго и особенно третьего порядков (В.Е. Лепский), процессы постепен-

ной адаптации культурно-нормативных комплексов социума к им же созданным технологиям (А.П. Назаретян).

И в этой связи можно отметить, что развитие новых технологий, в частности, связанных с понятием искусственного интеллекта (пусть и пока только слабого) вполне возможно, может привести не к «расчеловечиванию» субъекта, чего многие опасаются, а скорее наоборот, к более полному осознанию человеком самого себя – на этот раз, через свое собственное творение.

Дискуссии по поводу этических вопросов, связанных с развитием и применением технологий искусственного интеллекта в различных областях, сейчас идут чрезвычайно остро – именно потому, что они выходят за границы узкого круга профессионалов, «кабинетной» науки и философии, так как касаются тех технологий, который могут быть внедрены или уже внедряются в широкую повседневную практику (Констанс де Сен-Лоран).

Рассматривая дискуссии об этических проблемах, связанных с использованием искусственного интеллекта в процессе принятия решений, достаточно известный европейский исследователь Лучано Флориди показывает, что наличие вполне реальных социальных рисков, с этим связанных (например, репутационных) заставило не только философов, но и разработчиков в сфере информационно-коммуникационных технологий, представителей компаний, СМИ обратиться к осмыслению фундаментальных этических категорий – таких как, например, справедливость и ряда других.

Сейчас мы вдруг оказались в ситуации, когда техногенная цивилизация начала создавать что-то, что позволяет ей «осознать себя» – найти еще один путь выхода из ловушки объектного восприятия мира – в данном случае, через свое творение с чертами, заложенными продуктами этой же цивилизации.

Первый шаг к изменению картины мира – это рефлексия – осознание и осмысление. И сейчас это, возможно, как раз происходит. Это придется и уже приходится делать, чтобы техногенная цивилизация смогла избежать сценария антиутопии и не начала разрушать сама себя.

Возможно, осмысление этической проблематики позволит перебросить «мост» через до сих пор существующую и почти ничем не закрытую пропасть между техническими и естественными науками с одной стороны, и гуманитарным знанием, как научным, так и философским, с другой.

Поняв, как вписать ценностные основания (и какие именно) в сугубо технический контекст новых разработок как их неотъемлемую часть, мы, вероятно, сможем осознать, как именно такое объединение различных областей знания вообще можно осуществить, и таким образом, сделать первый шаг к той картине мира, которая действительно сможет быть одновременно и научной, и человекоразмерной.

Аришинов В.И. Можно ли рассматривать ту версию самоосознания техногенной цивилизации через создание искусственного интеллекта, о которой вы говорили, как попытку справиться с ее возрастающей сложностью?»

Малахова Е.В. Да, безусловно. Если вспомнить о связи сложности и алгоритмизации в широком смысле, то сами попытки создания все более совершенного искусственного интеллекта не только будут нести в себе решение чисто технических задач, но и на более высоком уровне, они представляют собой нашу попытку рефлексии через создание собственного подобия. Это можно представить как своего рода поиск «алгоритмов» интеллекта или даже сознания. И это, конечно, рефлексия не отдельно взятой личности, а современной цивилизации в целом».

Струговицкова У.С. Я предлагаю посмотреть на один из примеров горизонтального познания, как альтернативу антропоцентрическому когнитивизму. Это «зеленый» тренд становящейся культуры будущего или «*future-культуры*». Этот тренд напрямую связан с проблемами глобальной экологии. Примерно 80% загрязнений планеты приходится именно на промышленность. Темные метки промышленных пятен мигрируют по карте с использованием политики аутсорсинга и открытия производств в развивающихся странах, а там, где активное производство было раньше, появляются «зеленые точки»: прежде всего на территории государств Евросоюза, Северной Америки: США и Канада, а также богатейших государств Азии: Японии и в некотором роде Китая. Активно развивается эко-бизнес, разрабатывается биополитика, концепции экосуществования с окружающей природой или так называемому *eco-thinking*, когда все действия, идут с оглядкой на поддержание баланса природы, руководствуясь древним законом *primumnonnocere*. Новые цифровые технологии вовлекают в синтез неорганические и органические элементы для улучшения качества жизни. За более, чем 50 лет мы шагнули от концепта «зеленого» дома до лампочек, питаемых растениями и концепции шин с использованием мха для

очистки городского воздуха. Здесь хочется обратить внимание, двигаясь в унисон с идеей Владимира Евгеньевича (Лепского) про поворот от техногенной цивилизации к социально-техногенной, что когда мы внедряем «зеленые» технологии в нашу жизнь не только для поддержания и улучшения экологии или для того, чтобы познать неведомые пространства, проникнуть в глубины и недра нашей и других планет, но и с тем, чтобы понять другие организмы, обитающие на нашей планете, научиться у них тому, что мы раньше не знали. Наблюдения и исследования биологических признаков, привели к появлению крупного движения *биомимики*, которая не просто повторяет естественные формы (биоморфизм), но понимает правила, которые эти формы регулирует. Природа используется, чтобы решить проблемы функционирования, а не для эстетических компонентов, впрочем, их не отвергая. Одной из задач биомимика ставит помощь в решении техногенных проблем. Есть совершенно удивительные, на мой взгляд примеры: силиконовый робот-скат, «выживший» на дне Марианской впадины, или синтетическая ткань, снижающая трение между частями техники, созданная по подобию змеиной кожи. Это эластичная, высокопрочная ткань, которую ученые планируют использовать в мягкой робототехнике, в том числе и при создании плантоидов – роботов-растений. Такие роботы способны не только помочь людям восстановить нарушенную экосистему на земле, но лучше понять, что происходит под землей, а также, в перспективе, могут помочь в исследовании внеземных космических объектов.

Новые исследования в биологии растений, ставшие возможными благодаря новым разработкам в области цифровых технологий, позволяют взглянуть на мир растений по-новому, увидеть в них такие же сложные организмы, как и у животных. Если мы не будем брать во внимание морфологию тела, разный функционал, и разную темпоральность, то тогда мы сможем увидеть общие моменты животных и растительных организмов. Когда мы видим как растения познают, коммуницируют с окружающей средой, адаптируются к ней и трансформируют ее, люди могут придумать новые гипотезы, открыть новое знание, которое может нести утилитарную ценность, помимо эстетики. Так, например, в растительной робототехнике были использованы аддитивные технологии, когда мини 3D-принтер был встроен в механический корень и, наращивая тело корня, имитировал рост корневой массы растения, используя принципы роста растений под землей.

Буданов В.Г. Когда мы говорим «познают» в отношении растений - это метафора или можно какие-то параллели провести с познанием? Есть ли граница между автоматизмом и когнитивизмом. Где граница, пройдена она или нет?

Струговщикова У.С. Этот вопрос непростой, и отвечая на него мне бы не хотелось строить ответ в духе: «Растения не похожи на автоматы тем-то...». Проблема автоматизма в живых организмах стоит остро. Автомат ли человек? Невозможно ответить ни «да», ни «нет», хотя о человеке мы знаем гораздо больше. Новые данные в области поведения и сигналинга растений дают пищу для размышлений, но оставляют гораздо больше вопросов. Поэтому мне хотелось бы строить ответ *как растения похожи на животных*. В сравнении мы видим, что и у животных, и у растительных организмов есть автоматические действия, которые вырабатываются привычкой. Например, когда человек учится ходить, писать или водить машину, сначала он делает маленькие шажки, которые даются тяжело, потом мы привыкаем, запоминаем, доводим действия до автоматизма и не акцентируем свое внимание. В отношении растений это тоже справедливо. Я присутствовала при обработке данных, полученных в ходе эксперимента над вьющейся фасолью. Было зафиксировано, что первые листочки, вырастающие после котиледонов, начинают подъем листьев с включением лампы. Спустя несколько дней было зафиксировано, что листья начинают подниматься заранее, примерно за час до включения лампы. Растение обучается, запоминает, больше света – больше сахара. Тут мы видим условные рефлексy, а условные рефлексy отсылают нас к функциональному кругу – одному из основных концептов биосемиотики, который описал еще Иксюль. Основу функционального круга составляют чувственные или сенсорные восприятия, которые влияют на моторику, двигательную активность. У животных это проявляется в виде перемещения в пространстве, у растений – путем наращивания или отращивания конечностей. Кстати, первые движения растений зафиксировал Ч. Дарвин, когда каждый час отмечал движения капусты, оказалось, что она двигается по кругу. Известный нам спектр сенсорных восприятий растений: фототропизм, гравитропизм, наличие химических и звуковых рецепторов.

Буданов В.Г. Даже условные рефлексy можно сделать через автоматизм. А есть ли креативность, есть ли спонтанность, эмерджентность, нестандартные поведения у растений?

Струговицкова У.С. Есть. Например, растения могут контролировать ризосферу, область вокруг корня, выделяя соединения, которые привлекают или отталкивают бактерии и грибки.

Розин В.М. Представим, что растения имеют те же структуры, что и животные, только с другими временными темпами. К чему это все идет? Уже сейчас возникают вопросы о правах животных, о правах растений станут говорить?

Струговицкова У.С. Вы знаете, я думаю, что есть такие радикальные взгляды, ставящие вопрос об «этичности поедания растений», об этом, кстати, уже есть философская статья Майкла Мардера, но я бы не стала на этом делать акценты. Это ведь может к оправданию животной диеты и маркетинговой спекуляции на этом, может быть использовано и в поддержку синтетической пищи, той, что сейчас пытаются печатать на 3D принтере. Пожалуйста, можно и с этой стороны подойти. По поводу прав. В Швейцарии на законодательном уровне закреплены права растений. Там говорится, что они имеют право на адвоката, который бы защищал их интересы, что эндемики могут расти там, где они растут, и чтобы люди не наносили вред их обитанию. Я думаю, что это может рассматриваться как манипуляции для сохранения лесов. В Москве, например, проблемы с Лосиным островом, и я только «за», если права растений бы использовались с целью сохранения зеленого островка в городе, но, считаю, что нужно соблюдать золотую середину.

Что будет, если мы докажем, что растения действуют целенаправленно? Думаю, это будет сигнал к тому, чтобы присмотреться к ним внимательнее, мы могли бы многому у них научиться.

Гуров О.Н. Сегодня перед философией стоит важная и, можно сказать, динамическая задача – отслеживать, фиксировать, производить оценку и рефлексии в отношении контуров и границ «человеческого». В течение последнего столетия произошла мощная эволюция самоощущения человека. Изменения многократно преломлялись в явлениях общественной жизни, в культуре, искусстве, различных науках – и, в первую очередь, философии. Этот процесс продолжается и в наше время. Со всеми очевидными экономическими и технологическими достижениями и прорывами, XX век породил деструктивные явления общечеловеческого масштаба: две мировые разрушительные войны, не имевшие прецедента в истории, и множественные гуманитарные кризисы – явления, поставившие на ребро вечные и «главные» вопросы человечества. Разви-

тие и распространение технологий сегодня заставляет быть еще более внимательными и ответственными в отношении рисков «расчеловечивания», поскольку ключевые явления и инструментарий современной жизни вышли за естественные границы. В результате синтеза природных, биологических и социокультурных фобий, страхов и панических явлений, которые приобрели всеобъемлющий масштаб и стремительно распространяются во всех измерениях как вирусная инфекция, формируется глобальная мета-паразитарная конструкция, деструктивно действующая на цивилизационные и общественные процессы. Как отмечает мой научный руководитель, Владимир Евгеньевич Лепский, исключительный фокус на научно-технический прогресс, на масштабирование и глобализацию культуры, на унификацию локальных цивилизаций, продемонстрировал свою полную непригодность. Виной этого тупику - недостаток внимания и недооценка социальных ценностей и этических аспектов регулирования социальных процессов. Цена расплаты высока, гуманизм сейчас нередко выступает объектом жесткой критики. Обструкции подвергается мировоззрение, в центре которого находится идея человека в качестве высшей ценности!

Критика затрагивает все возможные основания – исключительность человека, его способность к совершенствованию, ценность этических установок, и др., дискуссия вокруг которых давала плодородную почву для обоснования ценности человека и возможностей мы наблюдаем не только у совершенствования в течение всей истории. Нельзя не отметить, что критическое отношение к гуманистическому подходу многих современных мыслителей, но и на уровне «среднего человека», который проживает повседневность в этих самых условиях – в состоянии дегуманизации жизни.

Дегуманизация сопровождается или, лучше сказать, происходит в контексте размытия границ привычного в целом. Постоянная безостановочная трансформация представляет собой результат экспоненциального развития и распространения достижений науки и техники, что формирует парадоксальную ситуацию. То, что призвано сделать мир лучше, дать возможности человеку для самосовершенствования, для улучшения мира - при текущем подходе создает вызовы, цена которых как незаметное «расчеловечение», так и без преувеличения антропоцен. Владимир Григорьевич Буданов не зря обращает внимание, что столь плотное взаимодействие с техникой не может не менять самого человека в первую очередь антропологически!

В этих условиях границы «человеческого» могут быть исследованы в рамках междисциплинарного подхода, направленного на систематизацию ключевых факторов изменений границ «человеческого» в контексте, говоря словами Владимира Ивановича Аршинова, постнеклассической парадигмы сложности, которая ориентирована на синергичную конвергенцию естественнонаучного и социогуманитарного знания.

Исследование границ «человеческого» по таким разнообразным, но одинаково значимым ориентирам, как социальное развитие и телесность, медиализация и технологическое развитие, коммуникации и виртуализация жизни, и пр., позволяет не только предсказать горизонты последующей трансформации, но и направить ее вектор в благополучное русло. Как было отмечено, происходящие явления ставят под угрозу сохранение самого человека, заставляют всерьез задуматься, как обеспечить совпадение будущего с бытием человека. Вольно цитируя Вадима Марковича Розина, для этой цели необходимо выработать стратегии цивилизационного развития, основанные на новой матрице ценностей.

В заключение, не хотелось бы звучать избыточно пессимистично и даже апокалиптично. Современность - уникальный исторический период, где в ключевых сферах общественной тематики сливаются теория и практика, осмысление и практическая деятельность, технологии и человечность. Поэтому налицо перспектива позитивного развития «человеческого» в интеллектуальном, интуитивном, этическом, эстетическом и др. контурах. Мы наблюдаем серьезное основание надеяться, что человечество сможет осознать необходимость преодолеть кризисные явления, и примет на вооружение инструментарий науки, политической и общественной деятельности, и даже повседневной жизни, чтобы научиться ценить и использовать ту самую «человечность» в качестве канонов благополучного и безопасного развития нашей цивилизации.

Струговицкова У.С. Среди комплекса факторов, определяющих изменение «человеческого», можете ли Вы выделить единственный, который оказывает наибольшее влияние на трансформацию человеческой природы?

Гуров О.Н. Безусловно таким фактором является развитие и распространение во всех сферах общественной жизни информационно-коммуникативных технологий. Именно комплекс их совершенствования и интеграции в политическую, экономическую, социальную и повседневную жизнь заставляет мутиро-

вать цивилизационно-культурный "генотип". При этом я определяю этот фактор не как сугубо отрицательный для человеческой природы: наряду с угрозами дегуманизации он даёт и возможности для продвижения гуманистических идей, идеалов, которое оставалось невозможным в отсутствие технических возможностей. Например, солидарность, доверие - такие категории могут "тиражироваться" с помощью ИКТ и способствовать тому, чтобы человек и его ценности занимали главное место в цивилизации. Но, повторю, риски, угрожающие сохранению "человеческого", также велики. Поэтому вопрос не в самих технологиях, а в их приручении, во включении их возможностей в продуктивную онтологию.

Карелина Е. В. Исследования в области искусственного интеллекта привели к открытию ряда подходов, которые ставят своевременным вопрос о том, как эти технологии будут влиять на генерацию нового научного знания, и какую роль в этом процессе займет человек.

Сегодня уже разработаны следующие подходы к нейросетям:

- Сверточные нейронные сети: многослойные «глубокие» сети, которые адаптированы для/к задачам классификации изображений.
- Обучение с подкреплением: метод обучения, в ходе которого сеть взаимодействует с некоторой средой и идет поиск оптимальной стратегии через пробу сценариев и присваивание баллов за различные ходы в зависимости от их эффективности.
- Трансфертное обучение: обучение сети использовать концепты, выученные для выполнения специфичной задачи, в новых задачах, с которыми сеть не была знакома.
- Генеративно-состязательная сеть: алгоритм машинного обучения без учителя, построенный на двух сетях, которые усложняются вместе с обучающей выборкой, одна сеть при этом создает набор для обучения второй.

Например, в Великобритании уже проведены пилотные применения этих нейросетей для решения следующих задач:

- анализ данных о геноме для предсказания структуры белков (AlphaFold проект на базе DeepMind);
- понимание влияния изменения климата на горда и регионы (проект по анализу изменений климата в Египте, который ведет Кембриджский Университет);

- поиск закономерностей в астрономических данных;
- анализ спутниковых изображений для исследований эоценозов;
- исследования истории на основе архивных материалов и новостей;
- анализ рентгеновских и иных снимков для исследований материалов;
- анализ и моделирование сложных биохимических реакций (проект JohnInnesCentre and The Alan Turing Institute по исследованию биосинтеза тритерпенов в растениях);
- исследования в области физики частиц.

При этом с развитием искусственного интеллекта нейросети будут способны не только выступать в качестве дополнительного аналитического инструмента для обработки данных, но и могут значительно повлиять на саму методологию научного поиска, институты генерации нового знания и экономику. Рассмотрим некоторые возможные сценарии этих изменений.

Продвинутые аналитические инструменты для научного поиска на основе искусственного интеллекта: преимущества нейросетей состоит в том, что они смогут работать с так называемыми «открытыми данными». Это очень большие разрозненные гетерогенные данные. Пока у человечества нет инструментов для анализа подобных массивов. Также у нейросетей сильная сторона – работа с «шумными» данными и обнаружение редких и необычных событий в данных. Другим достоинством нейросетей является их способность интегрировать наблюдения одной системы или феномена на основе данных разных масштабов: от молекулярных до социальных. При этом в своем поиске нейросеть пропускает большую часть традиционных этапов научного поиска, она не строит гипотезы, а сразу ищет целевые, новые или нестандартные события. Это дает с одной стороны серьезное преимущество в виде сокращения цикла научного поиска, с другой стороны пока часто остается неясным, как нейросеть пришла к своим выводам, а следовательно, у некоторых ее выводы не вызывают доверия.

Комплексное применение нейросетей в новом виде научного поиска может кардинально изменить систему организации науки, в частности, сократить дистанцию между наукой и практикой, поставить под вопрос дисциплинарное разделение сфер знаний, сформировать новую роль ученого, который работает с «открытыми данными», не ставит гипотез, а скорее выступает в качестве селекционера тех идей и выводов, которые генерит научная нейросеть. Последнее потребует пересмотреть принципы подготовки ученых и требований к ним как

профессионалам, а также переосмыслить всю систему организации научного труда. Также генерация знаний на основе нейропоиска (научный поиск на основе нейросетей) повлияет на систему образования, так как скорость создания нового знания будет феноменальной, по сути, новое знание будет интегрироваться в учебные материалы каждый день. Это ставит более остро вопрос о системе обучения в течение всей жизни населения, какие дисциплины нужны для развития мышления людей и их работы. Научный нейропоиск также изменит практику НИРов и НИОКРов в государственном и корпоративном секторах и ставит вопрос о реформе сферы интеллектуального права. Требуется осмысление и проработка вопроса, как будет устроена экономика, в которой любой интеллектуальный артефакт может быть автоматически оформлен как интеллектуальная индивидуальная или групповая собственность и внесен в общий реестр, из которого использоваться нейросетями для научного поиска.

Мы рассмотрели некоторые из практических вопросов, которые ставит изобретение нейропоиска. Но есть куда более важная тема: как создание инструмента, который способен на более качественную и быструю интеллектуальность, повлияет на будущее человека. Здесь мне хотелось бы обратиться к идее нэомодернизма, которую я развиваю как одну из интерпретаций постсовременности. Человек как носитель естественного сознания имеет право на генетический, психологический и ментальный суверенитет. Все иные формы сознания, естественного и искусственного, с которыми мы столкнемся в постсовременности будут ставить нас перед вопросом об эволюции нашего сознания. Потому что именно сознание определяет качество интеллектуального потенциала. При этом сознание, сформированное в среде, которая постоянно обновляет научную картину мира, будет каким-то иным. Каким иным сознание должно быть, чтобы человек оставил себе главную роль в познании, которое будет опосредовано техническими средствами уровня не микроскоп, а уровня «нейропоиск» – это требует проработки. В ином случае есть совершенно ясно прослеживаемые риски по деградации человека, подчинению его потенциала логике нейросетей, и потере качественного эволюционного импульса к развитию сознания в направлении мета-онтологий и изобретения новых типов мышления на новых универсальных языках, которые недоступны нейросетям.

Ленский В.Е. Скажите пожалуйста, но ведь нейропоиск требует не только распознавания, но и выдвижение и проверку гипотез, а это уже полноценная

научная работа. Отсюда один шаг от помощника ученого, до самого творчества ученого, вы не считаете?

Карелина Е.В. Я бы сказала, что пока это очень ограниченный уровень креативности, но Вы правы, границы когнитивных способностей нейросетей могут стремительно расширяться и уровень абстракций в постановке задач тоже. Есть эта перспектива, замена ученого-исследователя автономной поисковой системой, и, конечно, надо искать локус незаменимости человека машиной

Пружинин Б.И. Я очень заинтересованно слушал выступления участников нашего Круглого стола, поскольку жить мне выпало в техногенной цивилизации и практически все затронутые в ходе дискуссии аспекты нынешней кризисной ситуации, так или иначе, касаются меня лично. Вывод, который, на мой взгляд, можно сделать из этого весьма компетентного философского обсуждения состоит в том, что мы – современники происходящего – пребываем, если угодно, в состоянии растерянности. На наших глазах меняется практически все: от повседневного бытия до фундаментальных оснований сознания. Мы, как и люди других кризисных эпох, осознаем неизбежность этих изменений и понимаем, что во всех сферах нашей жизни есть элементы благоприятные для нас, несущие нам улучшения, а есть – несущие угрозу для самого существования человечества (по крайней мере, как вида *HomoSapiens*). Но при этом, обсуждая современность, мы даже не пытаемся ставить вопрос о критериях, позволяющих нам ориентироваться в происходящих изменениях, хотя сегодняшняя реальность требует от нас осмысленного действия. Наше обсуждение пронизано осознанием двойственности перспектив. И это признание важного результата нашего обсуждения, свидетельствующее о философской ответственности всех нас, участвующих в дискуссии.

Достаточно заглянуть в Интернет и ознакомиться с массивом гипотетических проектов, предлагающих радикальный выход из нынешнего кризисного состояния, чтобы оценить степень адекватности дискуссии в этом плане. Обсуждение убедительно демонстрирует, что для описания новых форм коллективности, новых форматов графических представлений (т.е. восприятия) реальности и т.д., мы, естественно, обращаемся к опыту прошлого, к происходившим в истории человечества изменениям. И это, безусловно, методологически эффективный ход. В этом плане показателен, в качестве образца, один из сюжетов темы медиаобразования. Следствием все более широкого использования

средств медиа в образовательных практиках является формирование клипового мышления. Так мыслит основная масса нового поколения. Преподаватели констатируют у учащихся неспособность изложить связный развернутый текст, но, при этом, отмечают умение однозначно отвечать на жестко поставленные вопросы в жестко заданных контекстах. Что в этом плане может противостоять такому, заметим, отнюдь не новому с исторической точки зрения результату медиатизации образования? Здесь, на мой взгляд, особый интерес представляет психолингвистическое обращение к живой речевой активности, акцентирующее внимание на личностных (в том числе, и индивидуально-биологических) основаниях общения. А для философии этот интерес оборачивается задачей актуализации интеллектуальной традиции, восходящей к В. фон Гумбольдту, представлявшему речь как Энергию. Традиция эта была развернута в России Г.Г. Шпетом в эвристически эффективную, феноменологическую в своих интенциях, концепцию, спроецированную затем его учеником Н.И. Жинкиным на речевую активность человека. Сегодня этот подход активно развивают лингвисты и психологи, акцентируя значимость реального человеческого общения на фоне тотального расширения медийных, и в частности, машинных форм коммуникации. На мой взгляд, философская работа в этом направлении могла бы открыть новые перспективы для осмысления антропологического кризиса техногенной цивилизации.

Дело в том, что мы сегодня находимся в такой ситуации, когда слова, которыми мы пытаемся философски описать окружающую нас реальность (в самых различных ее ракурсах), не схватывают происходящее. Просто изобретать утопические проекты (даже апеллируя к новейшим достижениям науки), не опираясь на исторический опыт человечества, бесперспективно. Но, если мы обращаемся к опыту преодоления прошлых кризисных эпох, то должны целенаправленно выявлять на этом фоне специфику современности, что предполагает разработку конкретного философского языка. Мне представляется, что на разработку именно такого рода перспектив и выхода из нынешней кризисной ситуации и ориентирует этот Круглый стол.

Глава 1. Цифровая трансформация антропологических оснований науки

1.1. Обобщенная научная рациональность: истоки, структура, перспективы в цифровую эпоху

Введение. Почему мы вновь поднимаем вопрос о научной рациональности, да еще обобщенной? Казалось бы, тема вычерпана классиками в конце XX века, и вопрос закрыт. Однако, за последние 20 лет наука радикально изменилась, произошел информационный взрыв проблем: возникли огромные междисциплинарные проекты мегасайнс, новые математические методы моделирования, сетевые коллективные интеллектуальные сообщества, гибридные человеко-машинные исследовательские комплексы, обострилась проблема социально-научной экспертизы, нейросетевая цифровая реальность создала непрозрачные методы решения научных, практических задач и принятия решений, базы данных и знаний все меньше доступны для нашего понимания, возникают экзистенциальные проблемы выбора стратегий обучения и воспитания ИИ, растет эрозия коммерциализированной науки, возникают параллельные формы научного, квазинаучного и лженаучного массового контента, стремительно развиваются автономные интеллектуальные системы и т.д. Все это заставляет обратиться к ревизии представлений о научной рациональности с учетом современных реалий.

Генезис понятия деятельности от античности до коллайдера. В решении проблемы научной рациональности получены фундаментальные результаты нашими выдающимися философами науки, такими как В.С. Степин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Л.А. Микешина, М.В. Розов, А.П. Огурцов, В.М. Розин. Их уровень значимости высоко оценен мировым сообществом, и, по признанию одного из ведущих западных философов науки Т. Рокмора¹, постнеклассическая концепция науки В.С. Степина является наиболее разработанной для понимания эпистемологического конструктивизма в науке. Вячеслав Семенович посвятил теме научной рациональности более сорока лет своего творчества, начиная с анализа истории и методологии физики (имея второе физическое образование), создав фундаментальный труд «Теоретическое знание»², а в

¹Рокмор Т. Постнеклассическая концепция науки В.С.Степина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской академии наук В.С. Степина. М., Канон+, 2004. С. 249.

²Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

последние 10 лет, вплоть до своего ухода в 2018 году, активно работал по переносу идей постнеклассической науки в области междисциплинарных исследований, медицины, теории культуры, цивилизационного развития. Им была создана стройная система трех иерархически вложенных, последовательно усложняющихся методологических подходов в научном исследовании: классическая рациональность, неклассическая рациональность, постнеклассическая рациональность. Каждый тип рациональности имеет область своей адекватности, которая максимальна для постнеклассической, и свой предмет исследования – тип систем, требующий использования конкретной рациональности. Степин не раз подчеркивал, что постнеклассическая рациональность подходит для изучения систем любой природы, но часто избыточна, когда можно пользоваться более простыми типами рациональностей – классической и неклассической. Именно это универсальное свойство постнеклассики и позволяет говорить о постнеклассической науке, у которой есть свой предмет и метод. Конечно, мы стоим на фундаменте концепций рациональности в интерпретации В.С. Степина, но будем далее уточнять и модифицировать их с учетом новаций современной науки. Придется также переосмысливать и деятельностный подход в гибридной реальности коэволюции с искусственным интеллектом.

Понятие рациональности тесно связано с понятиями о причинной природе реальности и ее осмыслением. Наиболее ранние представления о причине вещей мы находим у Аристотеля в его учении о четырех причинах существования (материальная, формальная, движущая, целевая). По-видимому, существуют еще более ранние античные концепции Логоса как замысла (целевая причина) и средства (действующая причина), Хаоса как неоформленной потенциальности материи, Космоса как результата воплощения формы, соответственно, материальной и формальной причин. Сходные концепции мы находим у Плотина (Логос заменен на Теос) в учении периода ранней патристики, размышляющем о роли Софии при сотворении Мира. Уже в XVIII веке появляется диалектика Гегеля и его попытка построения общей деятельностной рациональности, которая была заведомо обречена, т.к. существуют минимум четыре способа познания и представления Мира: философский, научный, религиозный, художественный. Эти онтологии непереводимы и радикально отличаются понятиями фактов, ценностей и критериями оценки, хотя сам образ деятельности вы-

глядит вполне универсально и просто транслирует причинные конструкции древних:

Субъект → Средство → Объект → Результат.

Аристотелевы причины здесь легко распознаются: Субъект – целевая причина (лишь субъект наделен свойством целеполагания), Средство – движущая причина, Объект – материальная причина, Результат – формальная причина. Теория деятельности развивалась далее многими авторами, например, в политэкономии К. Марксом, в теории социального проектирования Г.П. Щедровицким, в теории принятия решений, и, конечно, в философии науки.

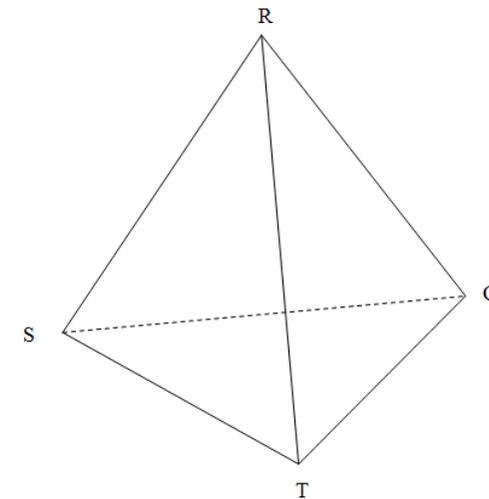
В английском варианте деятельностная тетрада выглядит так: Subject → Tool → Object → Result, или кратко в аббревиатуре:

S → T → O → R.

Конечно, исследовательская деятельность со времен алхимических опытов до экспериментов в Mega-science, на мега-машинах типа Большого Адронного Коллайдера изменилась кардинально. Деятельность в современном эксперименте стала коллективной, полимодальной, сетевой, с использованием сложнейших средств мониторинга и обработки данных, использования ИИ, сопряженной с технико-технологической и социальной сферой, сферой социологии науки. Мы попробуем символически структурировать эту деятельность и откорректировать связанные с ней формы научной рациональности.

Тетраэдрическая топология деятельности и ее нелинейная репрезентация

Обратим внимание, что в общепринятой символической записи деятельности можно усмотреть линейную последовательность элементов-этапов в процессе разворачивания деятельности во времени, вполне нам очевидной. Однако мы не понимаем иных возможностей, обратных связей и петель, характерных для продолжения, повтора и корректировки деятельности. Например, получив результат R, субъект S корректирует воздействие на объект O, изменяя средства воздействия T. А может быть и так: полученный результат R разрушил исходный объект O или испортил инструмент T, без вмешательства субъекта S. Таким образом, общепринятое линейное представление деятельности неудобно для понимания ее структуры.

Рисунок 1. Тетраэдрическое представление взаимозависимых элементов деятельности

Чтобы отразить всю полноту возможностей взаимодействия элементов деятельностного квартета, мы предлагаем изображать его элементы так, чтобы каждый из них был связан с каждым другим элементом. Это наиболее просто реализовать в топологии тетраэдра – простейшего из платоновых тел, правильного многогранника с четырьмя вершинами и четырьмя гранями в виде равносторонних треугольников, разместив в вершинах тетраэдра элементы деятельностной четверки. Возникает деятельностный тетраэдр, анализируя топологию которого, мы получаем структуру возможной деятельности, причем не только в реальном, но и в виртуальном мире, например, при проектировании эксперимента или его мысленном проведении. Такая объемная репрезентация научной деятельности в современных условиях цифровизации предлагается нами на **рис. 1**, хотя, результаты этого раздела справедливы для любой формы деятельности.

Для произвольных видов деятельности введено геометрическое тетраэдрическое ее представление, позволяющее провести таксономию ее дискурсов. Для этих целей вводится деятельностное пространство и его подпространства-

таксоны, которые задаются последовательной фиксацией некоторых из элементов деятельностной тетрады, именно таксоны и интерпретируются как определенные семантические дискурсы рассмотрения реальных жизненных проявлений деятельности. Проведена классификация этих дискурсов и ее репрезентация через графы на деятельностном тетраэдре. Такой подход позволяет легко осуществлять переходы между субъектными, проектными, инструментальными, исследовательскими модусами деятельности, что может быть важно для развития творческой рефлексии и создания новых подходов к построению нейроморфного искусственного интеллекта, новых методов освоения семантических пространств культуры и создания гибридных форм когнитивных систем в цифровой реальности.

В тетраэдрическом представлении все элементы деятельностной четверки симметризируются, а привычная линейная цепь от субъекта к результату станет лишь одной из многих траекторий обхода вершин тетраэдра. Покажем, что все эти варианты последовательностей обхода вершин имеют реальный жизненный смысл, создавая особые дискурсы рефлексивной работы с деятельностью. Всего возможных обходов 24, по 6 обходов с первым фиксированным элементом. Например, стартуя с вершины субъекта S, получаем: S – T – O – R – поиск результата в реальном эксперименте; S – O – T – R – построение теоретической модели по получению результата; S – T – R – O – поиск объекта при данном методе и результате; S – R – T – O – поиск объекта при данном результате и методе; S – O – R – T – поиск метода по данному объекту и результату; S – R – O – T – поиск метода по данному результату и объекту. Продолжая на следующей шестерке обходов тетраэдра, стартовой с элемента T, получаем: T – O – R – S – поиск субъекта, который сумеет провести эксперимент данным способом над данным объектом и с данными результатами и т.д.

Сегодня, в цифровую эпоху больших данных, можно попытаться провести и использовать полную классификацию этих дискурсов. Больших Баз Знаний, идеи которой предложены в нашей работе 2020 года³. Для этих целей введем множество всех возможных и невозможных (виртуальных) деятельностей

³Буданов В.Г. Обобщенные типы рациональности: тетраэдрические репрезентации модусов деятельности и цифровая таксономия реальностей / Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Симпозиум «Философия сложности: постнеклассический подход (памяти В.С. Степина)» (Рук. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Черникова И.В.). Сборник научных статей М.: РФО; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии». С. 521-523.

M: {S-T-O-R}. При этом, элементы S, T, O, R принадлежат пространствам вполне возможных субъектов, инструментов, объектов, результатов, соответственно, а сама деятельность является элементом прямого произведения пространств $M = S \times T \times O \times R$, называемым нами базовым множеством деятельностей. Последнее задается контекстами задач и культурно-историческими дискурсами их понимания. Понятие возможности, реализуемости тех или иных сочетаний элементов деятельности задается через вероятность $P(S, T, O, R)$ – их совместимости в реальном деятельностном акте. Таким образом, над пространством деятельностей M задано скалярное поле вероятностей P, которое обнуляется для чисто виртуальных, нереализуемых деятельностей миров грез, фантазий абсурда, а также недоказуемых гипотез. На первый взгляд, столь широкое определение форм деятельности кажется избыточным, но если допустить работу с воображаемыми мирами, гипотетическими моделями и художественными образами культуры, то наше определение вполне оправдано. Введем теперь четыре типа пересекающихся таксонов, в каждом из которых фиксирована одна из координат деятельности S*, T*, O* или R*, так называемые, таксоны первого порядка. Субъектный таксон {S*-T-O-R} – задает вероятностный профиль способностей, компетенций данного субъекта выполнять все возможные деятельности из множества M с его участием. Здесь решается диагностика качеств и способностей конкретной личности в деятельностных процессах, оценка его квалификаций и компетенций, что важно, например, в задачах кадрового подбора или определения состояния здоровья. Инструментальный таксон {S-T*-O-R} – задает вероятностный профиль эффективности данного конкретного инструмента при выполнении с его помощью различных деятельностей из базового множества деятельностей M. Это типично для сертификации, испытания техники и технологии в широком круге задач. Исследовательский таксон {S-T-O*-R} – типичная исследовательская задача для заданного объекта, причем, огромное число, большинство элементов таксона в пространстве M будут иметь нулевую вероятность. Проектный таксон {S-T-O-R*} – задача поиска способов получения конкретного фиксированного искомого результата, поиск ответа на вопрос – «кто, как и из чего он это сделает»? Типичная задача возможности и оптимизации выполнения проекта.

Подчеркнем еще раз, что подавляющее большинство элементов таксонов будут иметь нулевые вероятности при фиксации одного из элементов в них, т.е.

имеют чисто виртуальную природу. При переборе всех фиксированных элементов в одном из типов таксонов, совокупно получаем все базовое множество деятельности M , т.е. таксоны одного типа со всеми возможными фиксированными элементами не пересекаются и образуют множество классов подразделяющих базовое пространство деятельности M . Такой алгоритм очень удобен для работы с Большими базами данных. Идею последовательной фиксации элементов деятельности тетрады можно продолжить. Так таксон первого типа представляется суммой таксонов второго типа с двумя фиксированными элементами, где первый элемент фиксирован ранее, а по вторым элементам проводится суммирование. Например, инструментальный таксон первого типа представим тремя суммами таксонов второго типа: $\{S-T^*-O-R\} = \sum \{S^{**}-T^*-O-R\} + \sum \{S-T^*-O^{**}-R\} + \sum \{S-T^*-O-R^{**}\}$, где сумма идет по всем фиксированным элементам с двумя звездочками ** . Таким образом, каждый из четырех таксон первого типа представим тремя кластерами таксонов второго типа. Иначе, для представления всех форм деятельности из M необходимо использовать суммы 12 таксонов второго типа, суммируя по всем выделенным элемент с одной * и двумя ** звездочками. Например, если фиксированный инструмент T^* в таксоне первого типа слева будет ружье, то в правой части будет три вида таксонов второго типа, отвечающих на вопросы: на что способен этот человек с ружьем?, что можно совершить с помощью ружья с этим объектом?, как ружье поможет достичь этой цели? Совершенно аналогично вводим таксоны третьего типа с тремя фиксированными элементами тетрады, таковых будет 24 вида. Еще 24 вида таксонов будет четвертого типа, когда фиксированы все четыре элемента тетрады, т.е. обычное представление деятельностного акта. Таким образом, возникают $4+12+24+24=64$ видов таксонов или дискурсов, контекстов, вопросов, которые можно задавать по поводу осуществления любой практики, ее планирования и реализации. Интересно было бы сравнить эти дискурсы с 64 стратегиями китайской Книги Перемен, к чему мы надеемся позже вернуться. Существенное отличие от системы гексаграм заключается в том, что в общем случае таксоны частично пересекаются и не являются независимыми классами возможностей, но обладают генетическими отличиями своего происхождения. Геометрически, последовательность фиксации элементов деятельности тетрады, изображаемой вершинами тетраэдра, означает, что для таксонов первого типа фиксируются по одной вершине, для таксонов второго типа – две вершины

(или одно направленное ребро), таксонов третьего типа – три вершины (или два последовательно составленных и направленных ребра тетраэдра), таксонов четвертого типа – четыре вершины, которые обходятся последовательно по трем ребрам тетраэдра. При этом таксоны четвертого типа задаются максимально определенно через нарратив, все вершины фиксированы. Таксоны 1,2,3 типов имеют свободные вершины и определяются, кроме нарратива, дополнительными вопросами. Построенная таксономия позволяет структурировать пространства произвольных деятельности, вписать их в семантический континуум культуры и рационализировать подбор деятельности с заданными свойствами. Подобный подход, на наш взгляд, мог бы существенно облегчить планирование и анализ научных экспериментов, теории перевода и коммуникации, работы с большими базами знаний и стратегиями обучения антропоморфного искусственного интеллекта. Еще одной сферой приложения заявленной нами деятельностной таксономии может стать развитие теории творчества или Теории решения задач ТРИЗ Г.С. Альтшуллера⁴.

Деятельность и наблюдатель. Прежде всего, следует отметить, что деятельность, в отличие от других темпоральных модусов проявлений нашего бытия, таких как ментальная или физиологическая реакция, движение, практика, обычай, традиция, реализуется в промежуточном временном масштабе, на границе между индивидуальными и социальными модусами, соединяя их. Тем самым, деятельность доступна восприятию и нашей психики, и, одновременно, принадлежит психосемиотике и семантике культуры, создавая локус наиболее полных проявлений личности. Это место (деятельности) традиционно обжито темпоральными наблюдателями сложности, в терминологии В.И. Аршинова⁵ на шкале масштабов времени. Напомним, что человек постоянно движется по шкале времени, фокусируясь то на быстрых движениях пальцев по клавиатуре, то обращаясь к прогнозу погоды или истории своего рода, и каждый из нас является темпоральным наблюдателем, однако, одновременно может быть лишь на одном из масштабов времени. Деятельность в огрубленном масштабе восприятия может интерпретироваться как событие, а в собственном масштабе – как синтагма, предложение, в котором есть способ, предмет и ре-

⁴Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач. 4-е изд. — М.: Альпина Паблшер, 2011.

⁵Аршинов В.И. Сложностный мир и его наблюдатель // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 86-99.

зультат действия. Тем самым деятельность можно представлять как основную смысловую единицу культуры, языка, образа. Причем каждая вещь может принадлежать различным деятельностным активностям, создавая дискурсы и «одевая» смысл вещи от знака к символу. В современной научной деятельности, носящей коллективный характер многих ее участников и деятельностных подпроцессов, естественно возникает коммуникативная сеть наблюдателей, которые должны обмениваться результатами и коллективными намерениями, образовывать когерентные формы взаимодействий и принятия решений. Обычно мы предполагаем наличие локальных наблюдателей-участников конкретных форм деятельности, а также и метанаблюдателя или наблюдателя сборки, от лица которого мы говорим о целостности процесса⁶.

Наблюдатель и Искусственный Наблюдатель (Obs). Принято считать, что исходно Наблюдателем эксперимента является человек, субъект эксперимента, и это действительно так. Однако, с возникновением культуры исследований, как минимум со времен Пифагора (эксперимент со струнным реохордом для определения гармоничных созвучий), практик изготовления лекарств и алхимических ритуалов, еще задолго до становления европейской науки, возникают записи-фиксации методики и результата экспериментальной деятельности – или вынесенная, внешняя память исследователя о сути проводимого эксперимента. В становящейся науке Нового времени это лабораторный журнал – основа доказательности, воспроизводимости и intersubjectивности полученных знаний. Наблюдающий субъект никуда не исчезает, но возникает искусственный свидетель следов деятельности для удобства рефлексии, анализа и внешней коммуникации. Обычно, эта сторона научной деятельности подразумевалась, но не выделялась в качестве равнозначной со средствами эксперимента или свойствами объекта. Как правило наблюдательные функции относили к средствам проведения эксперимента, однако, с возникновением Теории Относительности и Квантовой механики ситуация резко меняется, и даже усугубляется в цифровой реальности. Спецификой современной научной деятельности в условиях тотальной цифровизации является развитая, зачастую автоматизированная, система мониторинга всех элементов деятельностного тетраэдра, обработка и ассоциация этих данных в системах интерпретации, принятия решений

⁶Аришинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука. М., 1994. С. 229–243.

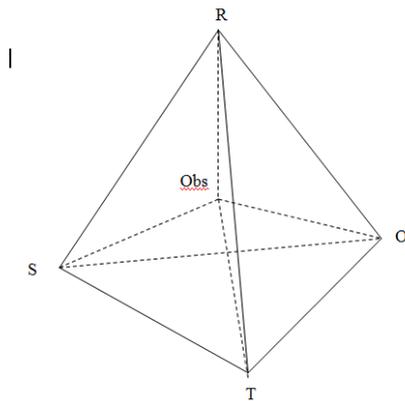
и управления процессами научного исследования, планирования и прогноза с помощью ИИ, а также обмен этими данными с внешними сетевыми платформами коллективной научной деятельности. Мы называем этот новый пятый элемент деятельности «Наблюдатель» или «Observer (Obs)», по аналогии и в развитие представлений о приборных наблюдателях в Теории Относительности (пассивный вариант) или Квантовой Теории (активный вариант). Существенное отличие в том, что здесь искусственный Observer уже не просто лабораторный журнал или фиксирующий прибор, но обладает элементами когнитивных способностей, обучается и самообучается, развивая свой искусственный интеллект. Он частично замещает интеллект экспериментатора и дополняет его недоступными для человека способностями.

Отметим также и внешние функции Наблюдателя (Obs), т.к. в современной цифровой реальности Наблюдателя можно представить объединением двух компонент, внутренний и внешний наблюдатели $Obs = Obs^{int} \cup Obs^{ext}$. Если Obs^{int} скорее является автоматизированным инструментально-аналитическим комплексом внутренним для акторов деятельности, то для больших экспериментов Obs^{ext} часто является хабом коммуникации с внешним миром и коллаборациями в удаленном доступе: включен в сети распределенных и облачных вычислений, использующих BigData, через него идут возможные контакты с экологической и социальной экспертизой, мониторинг технико-экономической среды, контакты с наблюдателями других экспериментальных тетрад и базами знаний.

Обобщенный деятельностный тетраэдр (с выделенным наблюдателем)

Причины введения нами пятого элемента – Наблюдателя (Obs) в деятельностный тетраэдр, который частично замещает и дополняет самого субъекта эксперимента, нами изложены выше. Он также связан со всеми актерами тетрады, поэтому Наблюдатель помещен нами в центр тетраэдра не случайно (рис. 2), он мониторит все элементы тетраэдра и все больше осмысляет их в области ответственности ИИ, которая только расширяется в цифровой цивилизации. Более того, функциональная антропоморфность и когнитивный интерфейс этого Наблюдателя все больше нужны для его диалога с экспериментатором-человеком, при одновременном слежении за огромным числом процессов, на-

деляет его функциями коллективного наблюдателя, наблюдателя сложностности.

Рисунок 2. Обобщенный деятельностный тетраэдр (с выделенным наблюдателем). Субъект – S, Средства - T, Объект - O, Результат - R, Наблюдатель – Obs.

Все пять элементов деятельностимаксимально связаны друг с другом. Такое расширение представлений о деятельности существенно облегчит понимание и обоснование типов научной рациональности, да и понимание сложных проблем современных научных исследований в целом.

Триангуляция деятельностного тетраэдра

Как следует из рисунка 2, комплексная топология деятельностного тетраэдра STOR с выделенной центральной точкой Obs является суперпозицией десяти элементарных треугольных ландшафтов (STR, SOR, STO, SRObs, STObs, OSOb, TRObs, ORObs, TOR, OTObs) на деятельностном тетраэдре, которые могут синергично усиливать методологическое понимание многообразия процессов научной деятельности (подобно конвергентным технологиям), но, главное, могут быть основой для восстановления более сложной топологии ее многомерной целостности. Отметим, что каждый треугольный ландшафт представлен в 6-ти из всех 10 ландшафтов. Если один из них по тем или иным причинам исчезает, то остается только 4 ландшафта. Понятие социотехнического ланд-

шафта, введенного нами ранее⁷, может широко применяться для анализа в структуре деятельностного тетраэдра.

Прочтение взаимосвязанных вершин для каждого треугольника дает нам, в простейшем случае, знакомый образ понятия функции. Например, самый привычный для нас дискурс: $R = T(O)$ – результат эксперимента зависит от воздействия данных средств эксперимента на данный объект (прямая задача эксперимента). Именно так выглядит эксперимент для теоретика, оперирующего идеальными объектами, да и для первых прикидок экспериментатора. Однако, есть и иные дискурсы: $T = F(O,R)$ – ситуация восстановления способа получения данного результата на заданном объекте, например, когда эксперимент плохо задокументирован, утрачен или скрывается в части методики проведения, может быть это и восстановлением чужой технологии knowhow для создания уникальных изделий (обратная задача). Еще один дискурс: $O = F(R,T)$ – из чего (но не как) вам удалось этими средствами получить такой удивительный результат, вот они, задачи материаловедения (обратная задача). Все эти необычные дискурсы совсем не редки в реальной практике и часто выводят нас в область техники и инженерии. Наконец, существует наиболее общий дискурс взаимосвязи всех сторон треугольника $F(T,O,R) = 0$, это уравнение некой двумерной поверхности в трехмерном пространстве. Как известно из теории катастроф Тома-Арнольда⁸, поверхность общего положения может иметь особенности-катастрофы типа Сборка и Складка (теорема Уитни), что указывает на возможности наблюдать сингулярные и неоднозначные зависимости одной из переменных от двух других переменных. Эта возможность еще ждет своей интерпретации.

Мы описали лишь один из 10 таксонов – TOR, имеющих отношение к исследовательской деятельности. Полное описание всех типов практик не является непосредственной целью данной работы, но будет проведено нами позже.

Кроме описания деятельностного тетраэдра (тетраэдра с выделенным центром) с помощью плоских треугольных элементов, или двумерных симплексов, можно представить его также объединением 4-х трехмерных симплек-

⁷Буданов В.Г., Каменский Е.Г., Аришинов В.И., Асеева И.А. Социотехнический ландшафт в условиях цифровизации: к проблеме концепта и методологии исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3(32). С.213-225.

⁸Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. 1980.

сов (обычных тетраэдров) (ObsSTO, TORObs, ObsRSO, SRTObs). Каждый из 4-х симплексов задает свой аспект научной деятельности, свой круг вопросов и дискурсов. Наиболее распространен симплекс TORObs, именно с ним связывается большая часть сюжетов проведения реального эксперимента. В работах В.С. Степина, наряду симплексом TORObs и полным деятельностным тетраэдром, также большое внимание уделяется симплексу ObsSTO.

Этапы научного эксперимента. Говоря о научном эксперименте, мы полагаем, что его необходимо разделить на этапы: 1. Спланировать. 2. Построить. 3. Провести. 4. Проинтерпретировать. 5. Скорректировать. 6. Перестроить. 7. Повторно провести и т.д. На сегодняшний день субъектное начало, очевидно, присутствует на этапах 1, 2, 4, 5, 6, (хотя не исключаю, что в скором времени это будет доступно продвинутому ИИ), а вот на этапах проведения эксперимента 3 и 7 объективность более чем возможна.

Отметим, что на разных этапах эксперимента доминируют различные симплексы, но не только. Все этапы в той или иной степени открывают тетраэдр внешнему миру, иным формам деятельности, которые соприкасаются с экспериментом. Например, этап планирования тесно сопряжен с финансово-экономической, коммуникативной деятельностью в среде руководства и научного сообщества, технологической деятельностью, кадровой деятельностью. Этап интерпретации тесно связан с апробацией результатов в научном сообществе, строительство тесно связано с технологиями и производствами и т.д. Каждую из этих смежных форм деятельности тоже можно представить своими деятельностными тетраэдрами. Тем самым, возникает упаковка тетраэдров, заполняющее трехмерное пространство, что геометрически допустимо. Подобные семантические пространства деятельных онтологий очень напоминают конструкции схожие с концепцией А.В. Рубанова онтологии смыслов⁹. Отметим, что физиков в университетах и историков и философов науки учат в основном пониманию лишь этапов проведения эксперимента 3 и 7. Намного шире мы видим целостность взаимодействия науки, технологий и общества в междисциплинарной программе STS¹⁰, для которой наши деятельностные структуры научного исследования могут оказаться очень продуктивными.

⁹Рубанов В.А. Я вижу смысл. Том 3. База знаний «Семантическая топология» / Владимир Рубанов. Том 3. Москва, 2022.

¹⁰Macq H., Tancoigne É., Strasser B.J. From Deliberation to Production: Public Participation in Science and Technology Policies of the European Commission (1998-2019) // Minerva. – 2020. – Vol. 58. – P. 489-512.

Объективное знание в научном эксперименте: догма или реальность?

«Исключение»Субъекта – S. Объективное, т.е. не зависящее от субъекта знание, изначально являлось краеугольным камнем науки, идеалом, основным требованием научности в классической и неклассической науке. В наших терминах деятельностного тетраэдра (рис.1) мы считаем, что эксперимент проведен, все элементы S, T, O, R, Obs уже проявлены и провзаимодействовали, причем, мы не интересуемся этапом формирования замысла эксперимента, целеполагания и создания, становления тетраэдра, которое напрямую связано с субъектом S. Тем самым, остается только внутренний тетраэдр Obs-T-O-R, где на смену субъекту S приходит его частичная замена, его наследник – Obs– аппаратно-инструментальный комплекс наблюдений, оценки и сравнений с эталонами, который ранее также создавался субъектом для проверки его гипотез или съема новых данных. Так изгонялся субъект в лабораторных экспериментах, возникала уверенность в объективности знаний, хотя след субъективности все же, как мы видим, остается.

Ситуация максимальной объективности –TOR. Здесь можно возразить, что существуют ситуации, когда объект, средства и результат (TOR) не создаются человеком в лаборатории, они есть части природы, что характерно для многих астрофизических и астрономических наблюдений с древнейших времен. Например, в античной науке не принято было ставить активный эксперимент, чтобы не разрушать естественную целостность природы, это, скорее, было допустимо в ремесле – «техне», в трудах древних инженеров Архимеда и Герона, но не при изучении «фюзис» – природы. На то были свои мировоззренческие установки греков: природа божественна и не терпит насилия и расчленения, она гармонична и целостна, высшим методом установления истины является ее созерцание и логические умозаключения.

Ярким примером античных научных установок является закон механики Аристотеля, в котором сила, действующая на тело, пропорциональна скорости тела вызванной этой силой $F \sim V$. Но мы со школы знаем Второй закон Ньютона $F=ma$, где сила пропорциональна ускорению тела, а не скорости, что вызы-

Strasser B.J., Baudry J., Mahr D., Sanchez G., Tancoigne E. “Citizen Science”? Rethinking Science and Public Participation // Science & Technology Studies. – 2019. – Vol. 32. – P. 52-76.

Irwin A., Wynne B. (eds) Misunderstanding Science? The public reconstruction of science and technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

вало снисходительную улыбку по поводу способностей греков понимать физику. Однако легко реконструировать, представить ситуацию возникновения античного закона. Перипатетики во главе с учителем-Аристотелем прогуливаются по высокому берегу бухты, наблюдая движение парусника, на большой скорости входящего в бухту. Внутри закрытой бухты ветер ослабевает, и скорость корабля резко снижается. Умозрительный, да и экспериментальный вывод – скорость пропорциональна силе ветра, чем не закон? Конечно, современный физик скажет, что Аристотелем не была учтена сила сопротивления воды, тормозящая и пропорциональная скорости корабля, и тогда, решив дифференциальное уравнение для установившегося движения тела в жидкости, мы получаем закон Аристотеля. Но Аристотель не знал закона сложения сил, тем не менее, получил правильный результат. Все дело в том, что Аристотель минимально расчленил природу, у него не просто корабль, но корабль на плаву в море, а не на верфи или на берегу, и ветер действует на комплекс – корабль+увлекаемая им вода. Это иная познавательная стратегия целостности, где не нужен анализ взаимодействия элементов всей системы. Другое дело, что распространение этого закона вне вязких сред абсурдно, например, необъяснимо движение выпущенной стрелы по инерции, для чего Аристотель выдумывал гипотетические силы толкающие стрелу в воздухе. В подобных фантазиях увязла натурфилософия, пока не пришла эпоха эксперимента. Единственный вид эксперимента, который вполне сохранился до наших дней, это астрономические наблюдения, читай – созерцание, вполне допускавшееся греками. Дело в том, что свет далеких светил, наблюдаемый нами, никак не влияет на наблюдаемые звезды.

Возвращаясь в наши дни, здесь решающим является момент максимального устранения обратной связи от Наблюдателя, устранение заметного влияния средств наблюдения Obs на триаду TOR. Мы как бы созерцаем, тихонечко подсматриваем за ходом эксперимента, не искажая ни свойств объекта, ни средств воздействия на объект, ни результирующего состояния системы, хотя наблюдатель явно создан людьми или сам является человеком.

Природная объективность. Например, в случае чисто природного TOR, отклонение луча света (объект) при его прохождении вблизи Солнца (средство) приводит к отклонению луча (результат), что было одним из первых подтверждений Общей Теории Относительности. Однако, и здесь мы находим «фруку

субъекта», возникает вопрос: а кто вычленил из бесконечного многообразия объектов Вселенной именно эти TOR? Кто связал это с гипотезой теории относительности? Таким образом, тени творца эксперимента всегда присутствуют. Даже, если в будущем ИИ заменит нас в научной деятельности, мы будем прописаны в его геноме, в его обучающих множествах нашей культуры и практики, в наших ценностях, прошитых в его этике. Эта тема самонаблюдения, саморедукции природы до конца так и не решена. Согласно интерпретации квантовой теории фон Неймана, Вигнера, Уиллера редукция происходит в сознании наблюдателя-экспериментатора. Есть ли наблюдатель в лице Вселенной еще до появления человека, остается вопросом.

Лабораторная объективность. Наконец, в лабораторном эксперименте элементы TOR, как правило, имеют искусственную природу, но мониторинг наблюдателя может пренебрежимо мало влиять на них, что конечно зависит от типа устойчивости элементов TOR и силе их зондирования со стороны наблюдателя. Например, если зондирования вообще не происходит, а регистрируются лишь излучения и продукты реакции, то мы имеем чисто объективное знание, например, в случае фиксации теплового излучения тел. Если зондирование все же происходит, то его воздействие не должно возмущать свойства элементов TOR, в пределах погрешностей эксперимента. Например, если мы освещаем макроскопические объекты при изучении в отраженном свете их устойчивых механических движений. Эту ситуацию тоже можно назвать объективным знанием, кванты света вносят ничтожное изменение в поведение макротел.

Потеря объективности через неустойчивость. Если объект O попадает в неустойчивое состояние, то даже очень слабое воздействие наблюдателя Obs может изменить поведение объекта O, и мы будем вынуждены включать наблюдателя в систему объекта, что разрушит исходную цель эксперимента – изучение только объекта O. Здесь становится некорректно говорить об объективном знании про исходный объект O. Это же относится и к мониторингу других элементов триады T и R, если они попадают в неустойчивое состояние. Именно принцип неустойчивости использован при детектировании квантовой редукции микрочастиц – счетчики Гейгера, камеры Вильсона, пузырьковые, искровые камеры и т.д., все они имеют неустойчивое состояние капкана для фиксации ничтожных возмущений из микромира.

Вероятностная квазипотеря объективности

Мы знаем, что при повторении экспериментов результат всегда воспроизводится не точно, есть погрешности и приборные, в том числе, и за счет тепловых флуктуаций в материалах объекта и среды, тогда используют метод ансамблей и статистический подход, полагаясь на эргодическую гипотезу. Казалось бы, детерминизм разрушен и объективность с ним вместе. Но если полагать, что элементам тетрады имманентны тепловые флуктуации, а это действительно так, то вопрос снимается. Просто состояние–точка в фазовом пространстве заменяется на состояние–вероятностное распределение в фазовом пространстве. А уравнения становятся стохастическими. Однако вновь следует следить, чтобы динамика была устойчива.

Типы научной рациональности по В.С. Степину и уточнение типов систем

Постнеклассика, как направление науки, возникает в конце XX века в задачах описания сложных, эволюционирующих, развивающихся систем и процессов, которые могут быть интерпретированы различными способами¹¹. Таким образом, в систему неизбежно включается субъект наблюдения, наделенный не только органами чувств и приборами, что анализировалось еще эмпириокритиками, но и социокультурной, психологической сферой. Путь к такому пониманию науки был пройден обществом за последние сто лет. От ньютоновой детерминистской физики и несовместимой с ней дарвиновской парадигмы в биологии, через принципы относительности к средствам наблюдения в квантовой и релятивистской физике, далее, через моделирование развития Вселенной и космологический антропный принцип, открытие роли динамического хаоса и возникновения эволюционного естествознания — к моделированию развивающихся исторических систем и универсальному эволюционизму. Ядром этих междисциплинарных процессов сегодня является синергетика, что, однако, не означает, что методы синергетики надо применять повсеместно, во многих случаях достаточно багажа предыдущих этапов развития науки строго дисциплинарного знания. Методы синергетики избыточны там, где нет развития системы.

Особенно ярко постнеклассика проявляется в задачах планирования и

¹¹Степин В.С. Исторические типы рациональности в их отношении к сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности / Отв. ред. Аршинов В.И. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 37–47.

принятия решений, например, планирования сложного дорогостоящего эксперимента, будь то суперускоритель элементарных частиц, или установка термоядерного синтеза; изучение уникальных, разовых событий, таких, как полет на Марс, или к комете Галлея, ведь нужна оптимальная стратегия решения насущных проблем человечества, а каждый это понимает по-своему. Это все экологические проблемы, где человеческий фактор играет решающую роль. Это экономика, в которой необходимо учитывать потребности, психологию, уклад жизни людей. Фактически, это любой процесс, где активна роль наблюдателя-участника. Синергетику иногда называют постнеклассической наукой. Попробуем разобраться, в чем же коренное отличие классики, неклассики и постнеклассики. Здесь мы следуем схеме эволюции представления научного опыта, научной рациональности, предложенной крупнейшим философом науки академиком В.С. Степиным¹².

Классическая парадигма: человек задает вопрос природе (объекту), природа отвечает. Считается, что полученное знание (ответ) объективно, т. е., не зависит ни от способа вопрошания (средств эксперимента, наблюдения), ни от стиля и уровня мышления экспериментатора. Точнее, предполагается, что влияние средств наблюдения в эксперименте можно всегда сделать пренебрежимо малым.

Классика: S ↔ T ↔ (O)

В фокусе рассмотрения предполагается только объект. Это идеалы классической рациональности, объективности научного знания, незыблемости открываемых законов природы. Такие идеалы в полной мере реализованы в ньютоновской механике, имеющей дело с макротелами. По-видимому, они восходят к идеалам наблюдательной астрономии еще с древнейших времен, когда веками средства наблюдения не менялись, а их влияние на объект отсутствует, а также – к идеалам чистых форм и эйдосов Платона, независящих от реалий подлунного мира. Легитимация практики активного эксперимента Г. Галилеем и Ф. Бэконом на заре науки Нового времени допускала сохранение объективной истины в явлениях мира, вне зависимости от активности наблюдающего. Неслучайно И. Ньютон говорил, что, открывая законы природы, он познает Промысел Божий.

¹²Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 634.

В философском плане эти взгляды восходят к декартовскому трансцендентальному субъекту, постигающему абсолютные истины, что вообще характерно для установок докантовской философии Нового времени. Вячеслав Семенович полагал, что классическая рациональность хорошо описывает простые механические системы, где реализуются идеалы объективного знания. Но что значит простые? Исходя из предыдущего анализа, мы понимаем, что речь идет об устойчивом поведении систем, уже не обязательно механических. Таким образом, **классическая рациональность применима к этапам развития систем вдоль устойчивых траекторий.**

Неклассическая парадигма: человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь неустранимо зависит и от свойств изучаемого объекта, и от способа вопрошания, контекста вопроса. Кроме того, результат наблюдения зависит не только от средств наблюдения в проведении эксперимента, но и от возможности проведения совместных наблюдений различных величин. Возникает **принцип относительности результата эксперимента к средствам наблюдения**, принципиальная **неустранимость влияния акта наблюдения** на систему; этим влиянием никогда нельзя пренебречь. Понятие классической объективности в единичном эксперименте размывается.

Неклассика: $S \leftrightarrow (T \leftrightarrow O)$

В таком рассмотрении неразрывно учитываются не только объект, но и средства. Этот подход возникает впервые в теории относительности, где пространственные и временные интервалы зависят от системы отсчета наблюдателя. Например, вопрос о длине движущегося корабля становится бессмысленным без указания системы отсчета, из которой мы его наблюдаем-измеряем. Аналогично, в квантовой механике, где невозможно подсматривать за микрочастицей, неустранимо не искажая ее характеристики, или нельзя одновременно точно знать дополнительные свойства частицы. Более того, наблюдение, в большой степени, и создает эти свойства микрообъектов. Подобные свойства проявляют и живые системы и психика человека. Так, в человеческих отношениях форма вопроса и его интонация так же в большой степени определяют ответ.

Философски говоря, здесь происходит частичное снятие проблемы

понимания кантовской «вещи в себе», в том смысле, что меняется онтология: не вещь сама по себе наблюдаема, но вещь + контекст = новая вещь, уже в новом объективируемом смысле, если под средствами понимать и мыслительные процессы также. В большой степени, это характерно для позитивизма рубежа XX века и неопозитивизма, вплоть, до концепций К. Поппера. Вячеслав Семенович полагал, что неклассика адекватно применима к системам с саморегуляцией, отчасти это так. Системы с саморегуляцией в норме гомеостаза чаще всего устойчивы и вполне могут описываться классической рациональностью, за исключением состояний границ гомеостаза. Однако, если в системе присутствует доля динамического хаоса или пороговые бифуркационные явления при смене типа гомеостаза, мы попадаем в области неустойчивости и не можем не учитывать воздействие наблюдателя. В частности, это системы с синергетическим поведением, квантовые, релятивистские системы. Таким образом, **неклассика необходима для неустойчивых этапов развития систем произвольной природы.**

Постнеклассическая парадигма: человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от свойств объекта, и от способа вопрошания, и от способности понимания вопрошающего субъекта. То есть, в рассмотрении приходится вводить культурно-исторический уровень субъекта, его психологические, профессиональные и социальные установки, которые наука не рассматривала ранее, как несовместимые с критериями объективности и научности. Теперь мы имеем дело с человекомерными системами. В философии и психологии это, прежде всего, деятельностный подход, герменевтика, философия и методология науки последней трети XX века.

Постнеклассика: $(S \leftrightarrow T \leftrightarrow O)$

Теперь в рассмотрении одновременно присутствуют все участники опыта: субъект, средства, объект. Это дает возможность начать диалог с природой, замкнуть информационную, герменевтическую петлю через сознание субъекта в реальном времени. Возникает многократное прочтение-толкование текста природы, изменение в повторных опытах представлений о ней, возникновение эволюции взглядов на природу. Постнеклассика создает историческое время познания, становится и гуманитарной наукой. Безусловно, таковой является история философии и самой науки. Таким образом, Вячеслав Семенович совершенно **справедливо относит к постнеклассическим**

системам человекомерные саморазвивающиеся системы, для которых наблюдатель –интерпретатор время от времени влияет на выбор альтернатив развития системы.

Расширение этого подхода на гуманитарные науки не представляет труда. Объектом теперь будет не природа, а внутренний мир человека, либо культура, история, общество и т. д.¹³ И в гуманитарной исследовательской среде можно встретить все три перечисленных подхода, например, психология начиналась в конце XIX в. с интроспективного подхода, т. е., вполне классического, в указанном выше смысле, метода самоопроса. Однако, наиболее естественен последний постнеклассический, рефлексивный подход, именно он способен воссоединить расчлененную со времен Декарта научную культуру.

Синергетика человекомерных систем сегодня, в эпоху антропологического поворота, формирует особый метауровень культуры, рефлексивный инструментарий анализа ее развития – синергетическую методологию, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности. Методологию открытую, возможно, как утверждает В.М. Розин¹⁴, методологию с ограниченной ответственностью, адаптивную, но не универсальную панметодологию в духе Г.П. Щедровицкого.

Посткритическая рациональность: нейросеть-интерпретатор и экспансия ИИ

Говоря о диалоге с Природой в научном эксперименте, правильно будет замкнуть деятельностьную четверку вновь на субъекта. Получаем полный акт коммуникации: «мы задаем вопрос природе, природа отвечает и мы думаем», затем цикл диалога можно и повторить с уточняющей или новой постановкой вопроса. В.С. Степин подробно рассмотрел первую половину диалога S – T – O, мы же обратимся к этапу ответа природы и интерпретации субъекта O – R – S. Еще более подробное представление процесса диалога можно записать так: (S – T – [O] – T* – [R] – T** – S), где T* – средства снятия данных с объекта, а T** – средства различения и частичной интерпретаций результата. Обычно эти этапы подробно рассматривают экспериментаторами и мало исследованы

¹³ Козволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина. Материалы «Круглого стола» // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 1. С. 7–45.

¹⁴ Розин В.М. Методология. Становление и современное состояние. М.: РАО МСПИ, 2005.

философами и методологами науки. Скобками выделены три сцепленные пересекающиеся триады S – T – O, O – T* – R, R – T** – S, каждая из которых может порождать свои типы рациональности. Первая из них приводит к пониманию классики, неклассики и постнеклассики по Степину, вторую мы оставим будущим исследованиям, а третью R – T** – S, рассмотрим подробнее. В доинструментальной науке человек пользовался органами чувств и T** просто не возникала, результат был нагляден. Инструментальный комплекс T** возник в лабораториях Нового времени, а вот интерпретационная часть T** связана с комплексом мониторинга и аналитики Obs у нас в эпоху информатизации и цифровизации XXI века, беря на себя большую часть распознавания и понимания, ранее присущую только субъекту S. Наш диалог с природой, ее ответ, идет через искусственного наблюдателя Obs = T*, он и есть средство различения результата R. Всегда есть связка (T* – S) их разделение лишь частичное. Известна история на ускорителе в Протвино в 70-х годах в Институте физики высоких энергий, когда прозевали J/Ψ – частицы, они должны были содержать с-кварк и принести Нобелевскую премию, и которые искали во многих экспериментах. На пузырьковой жидководородной камере «Мирабель» фиксируются все возможные треки реакций, и там были эти события, но экспериментаторы ими не заинтересовались, восприняли как методическую погрешность (так была настроена автоматика просмотровых столов), т.к. были настроены на изучение других физических эффектов. Мы видим лишь то, что готовы видеть! Так возникают артефакты, методологические ошибки и иллюзии. Сегодня абдуктивный этап выдвижения и проверки гипотез связан с модельным образом реальности, и T** строится под проверку конкретной модели уже на аппаратном уровне, например, на Большом адронном коллайдере в Церне так настраивают детекторы, ничего другого машина не видит.

Сегодня в экспериментах с большими базами данных, медицина, социология, опросы населения и социальных сетей, демография активно применяют нейросети ИИ, там где человек не может обрабатывать такие объемы информации. Еще 15 лет назад в 2007¹⁵ я говорил о перспективах перехода от Лаборатории Природы к Лаборатории Культуры, в которой надо оцифровать огромные массивы накопленной информации и работать с

¹⁵ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: УРСС, 2007.

нейросетями, модели здесь вторичны, их еще надо создать, если удастся. Но и нейросеть ИИ сможет увидеть лишь то, что уже было в ее обучающих множествах, новых эффектов не появится, эвристика дело человека. Она может лишь подтверждать гипотезу, но не выдвинуть ее. Сравнение с моделями тоже лишь проверяет подтверждение или отрицание гипотезы, но не ее изменение.

Ранний позитивизм предлагал модель черного ящика (реализованную В. Гейзенбергом в квантовой теории) и обнаружение возможных корреляций между вопросами и ответами, которые только возможны. На первый взгляд, так можно обойтись и без теории. Но это безумно большие базы корреляций и теория сокращает путь до важных из них. Однако, сегодня ИИ так может вполне, и теория отмирает, пока не осознается, что вопросы подвешены в языке, культуре и не позволяют выйти за ее пределы, создать новые понятия и парадигмы. ИИ – это возврат к идеалам второй волны позитивизма, творчества человека здесь все меньше, т. к. вопрос почему?, так получилось, для нейросети табуирован, это мир мнений оракула-сети, а не мир истин-моделей, где была возможна рефлексия, поменяем обучающее множество и мнение изменится. Поэтому, для гибридных систем человек-нейросеть возникает новый тип рациональности, которую я называю **посткритической рациональностью**, по аналогии с посткритической философией М. Полани. Подобное отношение к научным исследованиям проповедует Стефан Вольфрам, когда мы мир моделей заменяем на мир корреляций на BigData. Да, теории здесь все меньше, но возникает возможность легитимировать многие традиционные практики типа гомеопатии, аюрведы, акапунктуры, астрологии, очистив их от лишних интерпретаций и шарлатанских манипуляций.

1.2 Конструируя человека: от антропологии к этике. Семантическое поле проблемы биотехнологического конструирования

Отталкиваясь от представлений о специфической для гуманитарных наук тезаурусной организации знаний, дающей представление об исследуемом объекте не в иерархическом, а в сетевом виде и ориентированной на проблемоцентричность исследования¹⁶ в семантически сложной среде.

¹⁶См.: Луков Вал. А. Луков Вл. А. Тезаурусный подход: исходные положения// Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» 2008. № 9. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approachi/ [архивировано в WebCite] (дата обращения 11.12.2022).

Под «биотехнологиями» в статье будут пониматься процессы и продукты, обладающие потенциалом изменения и контроля феномена жизни в различных ее проявлениях¹⁷. Важным здесь является акцент на процессуальной стороне биотехнологий. Под биотехнологиями, в частности, понимаются процессы, которые исправляют генетические дефекты на основе использования знаний о геномике или процессы, позволяющие улучшить биологические свойства. К биотехнологиям также относятся продукты, полученные благодаря этим процессам, такие как, генетически модифицированные клетки или биомеханические устройства, или ткани, полученные из стволовых клеток, то есть произведенные промышленным путем, обладающие способностью изменить функционирование сознания и тела, полезные агенты¹⁸. Эту точку зрения целесообразно дополнить и конкретизировать пониманием биотехнологий, которого придерживается П.Д. Тищенко: биотехнологии являются разновидностями технологий, «в которых живые объекты выступают либо как технические средства технологий (например, технологий производства биотоплива), либо как объект преобразования, т.е. «материя» для производства полезного артефакта»¹⁹.

В приведенных выше определениях содержится потенциал многочисленных способов использования биотехнологий. Мы же сузим наш фокус исследования, исключив возможности использования биотехнологий в военных целях, целях обеспечения безопасности, в сельскохозяйственных целях и сосредоточимся преимущественно на обсуждении дихотомии терапевтического и нетерапевтического способов применения биотехнологий, в связи с чем акцентируем внимание на быстро формирующейся области их применения, которую условно можно обозначить словосочетанием «за пределами терапии». То есть мы затронем сферу, которая связана с проективным потенциалом биотехнологий, с заложенными в них возможностями модификации и резкой трансформации биологических объектов. Речь пойдет о феномене биотехнологического конструирования.

¹⁷Мы опираемся здесь на определение, данное в докладе «За пределами терапии» (2003 г.) - см.: BeyondTherapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. - <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/> (дата обращения 11.12.2022).

¹⁸Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. P.1. - <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/>

¹⁹Тищенко П.Д. Конструирование человека: идеалы и технологии Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015. С. 40.

Рассуждая о биотехнологическом конструировании, будем опираться на предельно широкое истолкования понятия биотехнологий, данное немецким философом Я. Хайлингером. Рассматривая различные виды биотехнологических вмешательств, он делит их на 3 вида:

- технические вмешательства или расширения («киборгизация»);
- генетическая инженерия с целью улучшения человеческой наследственности;
- биологическое усиление (оптимизация) процессов в организме, в частности, в мозге²⁰.

Процесс биотехнологического конструирования сопровождается постоянной проблематизацией ценностного аспекта человеческого существования, проверкой на прочность принятых в обществе моральных норм, сложившегося этоса, его переосмысления и корректировки.

Современное применение биотехнологий идет параллельно с развитием биоэтики - комплекса взглядов, ценностей, целей, отражающих рефлексию над социальными аспектами развития биотехнологий, их антропологическими рисками.

Феномен биоэтики отражает процесс «вторжения «конструирования» в человеческую природу»²¹, что, в целом, типично для современной науки, с характерной для нее переориентацией метода современной науки - с открытия на конструирование.

Данная тенденция может рассматриваться в трех важных аспектах: «1) Техника становится господствующей формой отношения человека к миру. 2) Главным методом такого отношения становится конструирование новой природы или просто - переконструирование существующей природы (redesigning of nature) - и дальнейшее её использование во благо человека. 3) Главным следствием произошедших изменений становится максима: (III) «Всё, что не соответствует требованиям техники – является не техничным (не эффективным) и должно быть отвергнуто»²². В свете этих процессов биотехнологии рассматриваются как «выражение технологического духа, желание и диспозиция рацио-

²⁰Heilinger, Jan-Christoph. Anthropologie und Ethik des Enhancements. DeGruyter. Berlin/New York. 2010. S. 25.

²¹Павленко А.Н. Искусственное и естественное // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1295.html> (дата обращения 11.12.2022).

²²Павленко А.Н. Новый шанс для философии (От научной рациональности к рациональности технической). Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/onsc/NSh.pdf>(дата обращения 11.12.2022).

нального понимания, упорядочивания, предсказания и, в конце-концов, ... контроля событий и творений природы»²³.

Таким образом, широкое понимание биотехнологий связано с их трансформативным потенциалом. В антропологическом перфекционистском смысле они являются средством, формой усиления человека, улучшения его природы и усовершенствования его качеств.

Здесь обращает на себя внимание особая семантическая сложность понятия «конструирование», значение которого лишь отчасти раскрыто в современных словарях.

Глагол «конструировать», производным которого является существительное «конструирование» образован от латинского слова «constructio» - построение. Словарные статьи фиксируют такие значения данного глагола, как «составлять, располагать, представлять в той или иной форме»²⁴; «организовать (организовывать), учредить (учреждать)»²⁵; проектировать, строить»²⁶; «разрабатывать конструкцию. Придумывать, изобретать, создавать»²⁷. В общем семантическом поле данного понятия находятся слова «дизайн» и «инженерия». Так, в английском языке эквивалентом «конструирования человека» выступают понятия «Human Design» и «Human engineering».

В современной философии конструктивизм выделился в особое направление, разросся во множество конкурирующих друг с другом направлений (социального, эпистемологического, радикального и др. видов конструктивизма). В процессе развития эпистемологического конструктивизма²⁸ формируется тенденция проникновения конструктивистских интенций в футурологические исследования (futures studies), важной составляющей которых является интенция на создание желаемого будущего. В этой связи уместно упомянуть об особом направлении современного конструктивизма, которое мы назовем биотехнологическим конструктивизмом. Этим понятием можно обозначить идеи и

²³Там же. Р. 7.

²⁴Полов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: 1907. URL: <http://www.inslov.ru/html-komlev/k/konstruirovat5.html>(дата обращения 11.12.2022)

²⁵Толковый словарь русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова) URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 11.12.2022)

²⁶Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык. З. Е. Александрова, 2011. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/251133(дата обращения 11.12.2022)

²⁷Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения 11.12.2022)

²⁸Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм. URL: <http://iph.ras.ru/page50344579.htm>(дата обращения 11.12.2022)

концепции, исследующие социальные перспективы конструирования человека и отдельных аспектов его существования, связанных с развитием современных биотехнологий.

Ниже мы попытаемся обозначить проблематику биотехнологического конструирования, связанную как с проблемой применения генетических технологий с целью терапевтического воздействия, так и с активно обсуждаемой в последнее время проблемой «выхода за пределы терапии». В отношении последней проблемы речь идет об осуществлении перфекционистской линии в биомедицине, - линии, которая направлена не на профилактику, восстановление или лечение человека, но на создание нового человеческого существа с оптимизированными усиленными свойствами и функциональными возможностями.

При этом данная оппозиция («терапия» versus «оптимизация») будет рассмотрена применительно к анализу проблемы справедливости. В качестве отправной точки для наших рассуждений послужат идеи Дж. Ролза.

Размышляя о генетике и справедливости

П. Рикер, разбирая различные импликации теории справедливости Дж. Ролза, а также ее критику, проводит важное сравнение между справедливостью как первой добродетелью социальных институтов и истиной как первой добродетелью систем мысли²⁹

Справедливость в истории общественных отношений приобретала различные коннотации, связанные и с ее функцией воздаяния, и с уравнительными свойствами) и с осуществляющимся в системе общественных отношений ее распределительным характером (распределение ограниченных ресурсов, привилегий, благ, обязанностей).

В рамках роулзианского подхода к справедливости объектом справедливости стала «базовая структура общества», которую П. Рикер описывает как схему «взаимодействия между основными общественными институтами в единой системе»³⁰. С нею связано назначение основных прав и обязанностей и распределение привилегий и нагрузок, вытекающих из социальной кооперации³¹.

²⁹Рикер П. Справедливое/ пер. Б. Скуратова, П. Хицкого. Москва: Издательство Гнозис", Издательство "Логос", 2005, 304 с. С. 39.

³⁰Там же. С. 68.

³¹Там же.

Реализация принципов справедливости Дж. Ролза носит надындивидуальный и надынституциональный характер. Она фактически в духе философии И. Канта, которой следует Дж. Ролз, игнорирует эмпирию социального мира, задавая ему должный способ существования, не испытывающий зависимости от локальных контекстов жизнедеятельности конкретных институтов, способствуя проявлением своей универсальности нейтрализации существующей гетерогенности благ в существующих сообществах.

В этом отношении идеи Дж. Ролза противоположны философским идеям М. Уолцера, требовавшего рассматривать различные концепции справедливости применительно к отдельным сферам жизни общества, конкретизируя возможность их применения в частных аспектах. Принцип распределения Дж. Ролза носит всеобъемлющий характер и должен действовать фактически принудительно, не соотносясь с природой и способом функционирования институтов и окружающих их культурных контекстов.

Отталкиваясь от этой разницы между культуроспецифичностью, контингентностью принципов справедливости и их универсальностью и принимая во внимание учет важной для философии Дж. Ролза идеи первичных благ и возможную направленность на решение социальных проблем наиболее уязвимых, а также рассматривая противоположный ей по духу подход, акцентирующий внимание на возможностях, свободе, попробуем рассмотреть идеи Дж. Ролза в новом контексте - контексте развития современных генетических технологий и связанных с ними практик биотехнологического конструирования.

Мы акцентируем внимание на обсуждении ряда вопросов: к чему приводит развитие науки (в особенности, генетики) и вызванные им различные формы биотехнологического конструирования- к преимуществам в отношении всех или же к преимуществам конкретных сообществ? Что скрывается за призывами к генетическому равенству? Какие принципы нужно ставить во главу угла при обсуждении вопроса доступа к генетическим технологиям: принцип доступа к первичным благам, принцип свободы или, возможно, какие-то другие принципы и ценности?

Проблема справедливого использования достижений генетики возникает в связи с новым подходом к справедливости, согласно которому естественное неравенство (которое как раз и олицетворяют персональные человеческие ге-

номы) признается объектом, на который должна быть направлена теория справедливости.

В процессе тематизации проблемы справедливости данный объект возникает в связи с развитием наук о жизни, создающим в обозримом будущем прецедент появления возможностей устранения генетического неравенства (например, с помощью генной терапии, инженерии соматических клеток или редактирования зародышевой линии человека).

В этих обстоятельствах в случае легитимации редактирования генома (мы здесь пока опустим вопрос о моральном основании самого акта легитимации, связанной с этической оценкой тенденции, направленной на дизайн будущих поколений) концепции справедливого распределения начинают затрагивать не только социальные первичные блага (справедливый доступ к доходу, образованию, услугам здравоохранения), но и естественные первичные блага. В отношении последних важным становится вопрос о том, как, при наличии биотехнологических возможностей, не только избавиться или снизить заболеваемость в человеческой популяции, но и обеспечить равными когнитивными возможностями (например, за счет использования генетических технологий для усиления памяти) или оптимизировать физические способности, повысить выносливость, лучшую адаптацию к условиям меняющейся среды и т.д.

То есть речь идет о выходе за пределы нормы, об общей направленности на конструирование сверхчеловеческих качеств и оптимизацию человеческого существования, с одной стороны, но также и о дотягивании слабо развитых человеческих качеств (низких когнитивных способностей, физической слабости) до определенной нормы. Генетические технологии в этой ситуации направлены на устранение самого факта естественной генетической лотереи, на переход от случайности к вопросам выбора³². В этом случае происходит смещение вектора обсуждения проблемы справедливости: она рассматривается применительно к вопросу о распределении каких-то уникальных человеческих качеств, фиксирующих обладание какими-либо генетически обусловленными преимуществами, талантами или особыми физическими качествами, например, выносливостью важной для определенного типа профессиональной деятельности.

Вопрос о распределении естественных первичных благ, генетическими детерминантами (если использовать идеи Дж. Ролза, но экстраполировать их в

³²См.: *Buchanan A., Brock D. W., Norman D., Wikler D.* Cambridge University Press, 2000.

более широкую область) одновременно оказывается вопросом социального контроля этого распределения и связан с поиском биополитической стратегии, которая могла бы гарантировать справедливый характер этого процесса.

Однако здесь возникает вопрос о критериях, на основе которых можно было бы обеспечить распределение естественных благ (в нашем случае, речь идет о модификации генов, которая повлияла бы на изменение качества жизни и появление отсутствующих или слабо выраженных качеств у какой-либо группы людей).

Возможно ли, в целом, обеспечить генетическую справедливость? Положительный ответ на данный вопрос мог бы прозвучать в случае легитимации и достижения технического мастерства практики редактирования генома эмбрионов или же редактирования соматических клеток человека в направлении, обеспечивающем, если опираться на наследие Дж. Ролза, наибольшую пользу наименее обеспеченным (естественными благами). И вот здесь возникает новая проблема. Должна ли считаться группа людей (или даже один человек), наиболее ущемленной в генетическом отношении, если у ее представителей имеются ярко выраженные когнитивные нарушения или же, возможно, такой группой являются люди с определенными физическими недостатками (например, слепотой или глухотой), то есть являющихся жертвами своих генетических особенностей. Этот баланс действует в пользу наиболее ущемленных.

Фарелли вводит в контексте осмысления проблемы справедливости в рамках развивающихся генетических исследований «принцип генетических различий», согласно которому неравенства в распределении генов, важных для естественных базовых благ, должны быть организованы таким образом, чтобы они приносили наибольшую пользу наименее обеспеченным³³.

В этой позиции прослеживается влияние ролзианской этической линии. В ее контексте рассматривалась возможность существования справедливого порядка для общества, имеющего различные формы неравенства. Дж. Ролз настаивал на использовании ряда принципов: системы свобод и равенства возможностей, социального и экономического урегулирования, ведущего к выгоде наименее преуспевающих граждан, принципа сбережения, направленного на защиту прав будущих поколений.

³³*Farrelly C:* Genes and Social Justice: A Rawlsian Reply to Moore. *Bioethics*. 2002, Vol.16. № 1. P. 72-83. P. 78.

Данные принципы возникают под «завесой неведения». Индивид не знает, какое положение в обществе он займет исходя из имеющихся способностей и психологических черт своей личности и не может представить определенную траекторию своей судьбы. По этой причине ему крайне важно получить максимум преимуществ, оказавшись в невыгодном для себя положении. Принципы, выдвинутые Ролзом, как раз и должны служить этой цели.

Таким образом, в эпоху интенсивного развития генетических технологий возникает возможность формирования общественного договора, подобного построенному на принципах, предложенных Дж. Ролзом. Поиск принципов, лежащих в основе данного договора, целесообразно осуществлять исходя из «генетической» завесы неведения. В этом случае все идеальные участники процесса заключения нового договора будут находиться под «завесой неведения» в отношении собственных генетических преимуществ и преимуществ будущих поколений и в то же время периодически попадать в ситуацию явного знания о наличии рисков генетических мутаций у их потомков.

В идеальной конструкции социального устройства члены общества, заинтересованные в использовании инструментов генетического редактирования человека предпочтут действовать в соответствии с таким распределением доступа к генетическим технологиям, который обеспечивает права наиболее уязвимых членов общества.

Кто может считаться наиболее уязвимым в процессе распределения «генетических благ»? Вероятно, ими станут те будущие члены общества, имеющие показания к редактированию генома в терапевтических целях. Это потенциальные носители неизлечимых заболеваний, для кого редактирование генома станет единственным методом решения проблем со здоровьем. Имеется ввиду прежде всего генетическое редактирование соматических клеток у взрослых. Однако и в случае редактирования зародышевой линии эмбрионов речь пойдет о редактировании только в том случае, когда другие методы лечения окажутся неэффективными. Что в этом случае мы можем считать «завесой неведения» относительно собственных генетических преимуществ?

Учитывая усиливающийся социальный запрос на расшифровку генетически обусловленных способностей, склонностей и качеств личности, ею можно было бы обозначить ограничение получения информации о генетическом профиле потомков для понимания генетически обусловленных возможностей лич-

ности, ее талантов (то есть того что выходит за рамки терапии заболеваний или корректировки образа жизни в связи с возможным развитием заболевания) с целью дальнейшей корректировки генетического профиля своих потомков. То есть речь идет об исключении из справедливого распределения генетических технологий оптики биотехнологического совершенствования человека.

Обратим внимание на то, что, не отказываясь от системы неравенств, Дж. Ролз обращает внимание на то, что они должны быть организованы таким образом, чтобы создавать преимущества для всех. В этом случае гипотетический индивид будет выбирать универсальные принципы, которые будут способны обеспечить справедливые и равные условия, ведущие к благу индивида. В отношении генетических технологий, если проводить аналогию с моделью Дж. Ролза, необходимо говорить о принципе равенстве доступа. Доступ к генетическим технологиям должен быть открыт каждому.

Подчеркнем, что равенство доступа не означает, что данные технологии, в частности, редактирование генома соматических клеток, должно применяться по индивидуальному запросу индивида в его личных целях. Речь идет о приоритете, который получают наиболее уязвимые в отношении собственного здоровья члены общества.

Вместе с тем при введении такого подхода вопрос о наибольшей уязвимости и приоритетности доступа к технологиям редактирования генома или терапии соматических клеток остается открытым и нуждается в выработке уточняющих критериев. Поэтому в современном философском и биоэтическом поле исследований предлагаются подходы, отталкивающиеся от предпосылок, на которых Ролз не заострял своего внимания.

Так, Тео Папаиоанну в отличие от последователей Ролза, во главу угла ставит не первичные блага, а сравнении свобод, предлагая в качестве возможного способа решения справедливости в постгеномном обществе теорию возможностей Сена³⁴. Данная теория нацелена на устранение несправедливости в распределении генетических преимуществ за счет возможностей использования генной диагностики, генной терапии, инженерии соматических клеток и зародышевой линии.

³⁴ *Papaioannou, T.* New life sciences innovation and distributive justice: rawlsian goods versus senian capabilities // *Life Sci Soc Policy*. 2013. Vol. 9. № 5. URI: <https://doi.org/10.1186/2195-7819-9-5>

А. Сен важное внимание уделяет свободе человека и, в целом, его разнообразию проявлений жизни и способностей, отказываясь от ригористических требований соблюдения жестких правил и институциональных конвенций. Настаивая на необходимости гарантии всем людям доступа к базовым способностям, необходимого для достижения основных функций для обеспечения нормальной социальной жизни и предотвращения состояния «депривации способностей», Сен указывает, что представления о справедливости должны отталкиваться от постулата необходимости и генетически обусловленных, и социальных благ. По его мнению, основные человеческие способности (необходимый минимум, который позволяет не скатиться в состояние «депривации возможностей») имеет как биологические, так и социальные детерминанты. Однако свобода, о которой говорит А. Сен, не означает произвола биотехнологического конструирования, направленного на достижение улучшенной версии человека с развитием определенных физических или когнитивных сверхспособностей. Как отмечает Тео Папаиоанну, анализируя позицию А. Сена, речь не идет о выборе стратегии на улучшение человека, если под ним мы будем понимать как раз вмешательства, осуществляемые не в терапевтическом контексте (с целью лечения), а направленные на повышение уровня функционирования выше нормы³⁵. Для А. Сена отправной точкой является точка лишения основных возможностей, задачей использования генетических технологий в этой связи как раз и является выход за пределы этой точки, но при этом не переход в состояние неограниченных возможностей, который создает новые возможности для создания системы социального неравенства.

Заключение

Выше мы рассмотрели проблему справедливости в контексте развития биомедицины применительно к важной оппозиции, задающей вектор современных биоэтических дискуссий - оппозиции терапии и улучшения. Было показано, как можно оставаться в рамках терапевтического действия (то есть не переходить к этически не оправданной улучшающей стратегии в области биомедицины) не только отталкиваясь от представлений о контроле за базовыми естественными благами, но ориентируясь на человеческие свободы и способно-

³⁵ Papaioannou, T. New life sciences innovation and distributive justice: rawlsian goods versus senian capabilities // Life Sci Soc Policy. 2013. Vol. 9. № 5. URL: <https://doi.org/10.1186/2195-7819-9-5>

сти, на поиск баланса возможностей, который ограничит генетический произвол.

Вместе с тем в нашем поле рассмотрения отсутствовал очень важный эпистемологический аспект проблемы справедливости, связанный с знанием. То есть речь идет не только о соотношении понятий «терапия» и «улучшение», но и «знание» и «улучшение», а также «знание» и терапия». Данную проблему артикулировал, в частности, прецедент редактирования генома эмбрионов человека китайским ученым Хэ Цзянкуем. Здесь под видом преследования терапевтических целей (получения генетической устойчивости к ВИЧ) реализовывались прежде всего познавательные амбиции самого ученого, а также реализовывалась интенция на прирост научного знания, на улучшение познания.

П. Рикер, описывая эпистемологический аспект справедливости, указывал, что совокупность знаний, относящихся к биологическим и медицинским наукам, «управляют медицинским know-how, у которого есть собственные методы диагностики, рецептуры, лечения»³⁶.

При этом научный прогресс направлен прежде всего не на облегчение страданий, но на улучшение познания человеческого организма, его пружина – «не забота и сострадание, а любознательность»³⁷.

Описывая эту ситуацию, в которой «центр тяжести смещается с умения на знание, от заботы о личности на овладение объектом в лаборатории»³⁸ Рикер вводит новый смысл справедливости как равновесия между «знанием и умением, между биолого-медицинскими науками и терапевтическими действиями»³⁹. Такого рода баланс позволит избежать колонизации терапевтического акта наукой и одновременно даст возможность переключиться с познавательных ценностей и невероятных успехов в науке на обыкновенную человеческую боль.

Расширение влияния генетики на все сферы человеческой жизни, с одной стороны, указывает на многообещающий прорыв в области генетических технологий, но, с другой, способно вызвать появление новых форм стигматизации по генетическим признакам и способствовать зарождению неоевгеники. Так,

³⁶ Рикер П. Принятие решения в медицинском акте и в акте судебном // Справедливое/пер. Б. Скуратова, П. Хицкого. Москва: Издательство Тнозис", Издательство "Логос", 2005. С. 251.

³⁷ Там же. С. 251.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

достижения современной биомедицины могут вызывать особую уязвимость пациентов из сообществ инвалидов.

П. Миллер и Р. Левин отмечают: «... обещания генетических исследований часто описываются как устранение инвалидности, которая встречается естественным образом в популяции. Это заставляет людей с ограниченными возможностями, рассматривать генетическую революцию как разработанную для предотвращения рождения таких людей, как они. Ученые, воодушевленные открытиями генетики, могут забыть, что жизнь с инвалидностью может быть богатой и удовлетворительной. “Здоровье” является субъективной характеристикой, которая чаще всего определяется специалистами в области здравоохранения, учеными и страховой отраслью, а не людьми с ограниченными возможностями»⁴⁰.

В приведенной цитате можно зафиксировать очень важный аспект тематизации проблемы справедливости, связанный с общей технологизацией человеческого существования. Технологизацией, влияющей на процесс самопонимания и вызывающей трансформацию идентичности. Развитие генетических технологий воспринимается как угроза существованию людей с ограниченными возможностями, как проект, направленный на биологическое уравнивание и агрессивную нормализацию биологических признаков.

Пример глухоты также показателен для осмысления различных контекстов восприятия диагноза. Конкурирующие описания болезни, различные варианты ее интерпретации присущи как медицинской, так и социальной модели инвалидности. Х. Плакроуз и Дж. Линдси указывают на произошедший в 1980-е гг. сдвиг в понимании инвалидности⁴¹: «от чего-то присущего самому индивиду»⁴² (медицинская модель) к «чему-то навязанному обществом, которое не обеспечивает ему необходимых условий»⁴³ (социальная модель). То есть произошел переход от понимания инвалидности в контексте ограниченных возможностей к пониманию ее как статуса, конструируемого равнодушными членами общества.

⁴⁰ Miller P.S., Levine R.L. Avoiding genetic genocide: understanding good intentions and eugenics in the complex dialogue between the medical and disability communities // Genet Med. 2013. Feb.; No 15 (2). P. 95–102. Epub 2012 Aug. 16. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3566260/>.

⁴¹ Плакроуз Х. Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого//М.: Индивидуум, 2022. 384 с.

⁴² Там же. С. 224.

⁴³ Там же.

Показательным в этой связи является пример глухоты, на который обращают внимание авторы: «...человек с глухотой ранее понимался как человек, лишенный слуха, что в той или иной степени ограничивает его возможности. После сдвига он стал пониматься как Неслышащий человек — человек с нарушениями слуха, чьи возможности «ограничивает» общество, неспособное обеспечить ему те же условия, что и людям без подобных нарушений»⁴⁴.

Пример глухоты достаточно часто фигурирует в контексте размышлений о различных формах восприятия заболевания. Дdiamетрально противоположные точки зрения на глухоту присущи медицинскому сообществу, однако и в самих сообществах глухих людей могут наблюдаться расхождения в ее понимании. Здесь может наблюдаться широкий диапазон реакций - от восприятия диагноза как несправедливой игры природы с генами человека до отстаивания уникальности данного заболевания, позволяющего его носителям обладать неповторимой идентичностью и быть причастными к субкультуре, недоступной миру слышащих. При этом существенную роль в современном мире при формировании статуса заболевания начинают играть технологии.

Медицинскую модель инвалидности можно рассмотреть на конкретном примере - желании российского генетика Д.В. Ребрикова провести редактирование генома человеческих эмбрионов у семейных пар, страдающих рецессивной формой глухоты. Как полагал Д.В. Ребриков, такая технологическая манипуляция с генами позволит будущим детям слышать. В подобной позиции глухота рассматривается как существенное ограничение жизнедеятельности человека. Предлагается устранять его не только с помощью сложившихся методов, но и с помощью этически сомнительного экспериментального лечения. Здесь в технологическом воображаемом конструируется новый статус болезни как помехи, которую можно легко устранить с помощью определенного инструмента.

Другой аспект восприятия глухоты демонстрирует позиция некоторых носителей субкультуры глухих. Глухота в субкультуре глухих или слабослышащих не всегда считается заболеванием, а зачастую рассматривается лишь как индивидуальная особенность. Истории медицины известны случаи, когда при рождении здорового ребенка представители субкультуры глухих могут выражать просьбу проведения у ребенка операции по устранению слуха, чтобы не лишиться ребенка мира, привычного для их родителей, их субкультуры. По этой

⁴⁴ Там же.

же причине родители - носители глухоты могут отказываться от операции по установке кохлеарных имплантов⁴⁵. Представители субкультуры глухих могут также выступать против планов разработки геномных методов лечения, поскольку усматривают в них угрозу гибели их особой субкультуры, аккумулирующей «специфические и неизвестные в “нормальном” мире ценности»⁴⁶.

Субкультура глухих в данном локальном контексте может рассматриваться как аналог традиционного общества, с присущим ему воспроизводством норм и ценностей. В этой связи технологические инновации рассматриваются как факторы, угрожающие самому существованию сообщества, его укладу. Они оцениваются как несправедливое вторжение в самобытный строй жизни носителей заболевания.

Подобные примеры еще раз демонстрируют существенную разницу в понимании того, что является справедливым для врачей или пациентских групп, а также для отдельных носителей заболеваний или представителей мира науки. Здесь мы имеем дело с различными параметрами справедливости, связанными с правом на защиту идентичности, субкультуры, человеческого достоинства и ценностей. Кроме того, в контексте исследования проблемы глухоты становится очевидным, что проблема справедливости артикулируется на пересечении различных ценностных доминант - обретения здоровья и сохранения субкультурной идентичности. В этой связи возникает необходимость поиска аксиологического баланса. Смысл справедливости как равновесия между «знанием и умением» (П. Рикер) здесь уместно дополнить балансом знания и мудрости.

⁴⁵ См.: Зотова, Н. (2017) «Такой же, как мы»: почему глухие не хотят возвращать своим детям слух [Электронный ресурс] // Дети. URL: <https://deti.mail.ru/news/takoy%zhe%kak%bny%oro%>

⁴⁶ См.: Тищенко, П. Д. (2001) Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. С. 55.

1.3 Трансформация биологических оснований и гештальта человека в процессе исторического развития, а также в перспективе фьючекультуры

Развитие биотехнологий и антропопрактик способствовало формированию убеждений, что человек может себя кардинально переделать в разных отношениях (в плане телесности, мышления, способностей), не исключая даже возможности стать бессмертным. Например, трансгуманисты пишут, что трансчеловек – это не фантастика. Они убеждены, что развитие технологий позволит в ближайшее время заменять все органы человека. В результате человек станет нестареющим и бессмертным, причем на это потребуется не так уж много времени, где-то лет 25-30⁴⁷. Трансформации в этом сценарии будет подлежать как биологическая основа человека (она постепенно будет заменяться техническими протезами и выращенными органами), так и внешний гештальт (облик, вид, образ).

Вряд ли я сильно ошибусь, утверждая, что трансформацию человека обычно относят к культуре нового времени. Провозгласили ее в эпоху Возрождения, вспомним хотя бы «Речь о достоинстве человека», в которой гуманист Пико делла Мирандола утверждал, что человек – это славный мастер, который по собственному желанию сделает из себя, кого захочет, например, херувима. Но только с развитием естествознания, инженерии и технологии заявленная трансформация по общему, распространенному мнению стала реальностью. Впрочем, еще в начале прошлого столетия целенаправленная трансформация человека заявлялась только как проект. В известной программной статье 1927 года создатель советской психологии Л.С.Выготский писал: «Когда говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы неполной»⁴⁸.

При этом считается, что до культуры модерна человек, если и трансформировался (развивался), то главным образом интеллектуально и духовно, а его биология и телесность только воспроизводились, структурно не меняясь. Со-

⁴⁷ О трансгуманизме, бессмертии и сингулярности <http://transhumanism-russia.ru/content/view/625/94/>

⁴⁸ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование). Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 436.

временные исследования заставляют опровергнуть оба эти положения (что трансформация происходила только в новоевропейской культуре и что сложившиеся, вероятно, еще в неолите телесность и гештальт человека только воспроизводились).

Трансформация человека происходит в течение всего времени его эволюции под влиянием нескольких факторов. Один из главных, глубинных, практически не видных на поверхности, – *семиотический процесс* в широком смысле слова. Уже в период происхождения человека (от десяти до одного-двух миллионов лет до н. э.) переход от сигнального поведения к знаковому обуславливает резкую трансформацию биологии и гештальта гоминид. Конкретно речь идет о становлении, с одной стороны, на основе знаков воображения, позволяющего иметь дело с виртуальными предметами и действовать не биологически, более эффективно, с другой – о трансформации практически всех органов, как обеспечивающих новые психические компетенции и новую активность (становящуюся деятельностью)⁴⁹. Семиотический процесс, представляющий собой изобретение новых знаков, символов, схем, означение на их основе всех ситуаций и предметов, включая и самого человека, деятельность с помощью этих семиотических средств, обуславливает трансформацию биологии и гештальта человека в течение всего существования человека не только в истории, но и в наше время.

При этом «семиотизация» под влиянием социализации по отношению к биологическим процессам нередко выглядит странно и нефункционально. Всего один пример. Известный американский антрополог М. Мид, изучавшая ранние формы любви и половых отношений, пишет следующее. «Поскольку арапешы (это горное племя в Новой Гвинее. – *В.Р.*), — думают, что ребенок получается из материнской крови и отцовского семени, функция отца в оплодотворении не кончается вместе с зачатием, в течение нескольких недель от него требуется напряженная сексуальная активность. Чем больше актов соития совершат родители, думают арапешы, тем лучше и здоровее будет их ребенок. Но как только “грудь матери обнаруживают характерные для беременности набухание и изменение цвета сосков, считается, что создание ребенка завершено. С

⁴⁹Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 24-34.

этого момента все половые сношения запрещены”. И далее, пока ребенок не начнет ходить, накладывается строгое табу на половые сношения»⁵⁰.

Этот и другие примеры позволяют утверждать, что семиотизация идет рука об руку с *процессом социализации*, а следовательно, трансформацию биологии и гештальта человека определяет и процесс социализации. Особенно это становится очевидным, когда мы рассматриваем такие виды социализации как образование и воспитание, а также религиозные или эзотерические практики. Яркий пример – буддизм как вид антропопрактики. В начале книги Г. Ольденберга «Будда. Его жизнь, учение и община» рассказывается о том, в каком направлении искали разрешение проблемы вечных страданий предшественники Будды. Некоторые подвижники пытались перестроить себя в рамках йоги с тем, чтобы уйти от страданий и обрести другую реальность, где нет смерти, и открываются необычайные способности (летать как птица, не чувствовать боли, жить бесконечно долго). Главная часть книги Ольденберга посвящена изложению решения, на которое выходит сам Будда, постулируя особую реальность – Нирвану, где заканчиваются страдания, поскольку там невозможны различения и формы. Попасть в Нирвану можно в том случае, если человек откажется от желаний, основанных на различениях и формах, и поймет, что его Я – не тело, не ощущения, не мысль, поэтому их можно отбросить.

Объясняя, как человек может освободиться от страданий, Будда формулирует знаменитый «узел причинности»: «Из незнания возникают формы (санкара); из форм возникает распознавание (виннана); из распознавания возникают имя и телесность; из имени и телесности возникают шесть областей (области шести чувств) и их объекты (к пяти известным чувствам индусы прибавляют и мышление – мано); из шести областей возникает соприкосновение между чувствами и их объектами; из соприкосновения возникают ощущения; из ощущений возникает жажда; из жажды возникает выбор (существования: упадана); из выбора возникает создание; из создания возникает рождение; из рождения возникают старость и смерть, страдание и жалоба, скорбь, печаль и отчаяние. Таково происхождение всего царства страдания. Но когда прекращается незнание среди полного уничтожения желания, то это влечет за собой уничтожение форм; уничтожением форм уничтожается распознавание; уничтожением распо-

⁵⁰Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 253. См. также: Розин В.М. Правильно ли были расколдованы странности и истоки сексуальности? (полемиические заметки) // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 147–160.

знания уничтожаются имя и телесность; уничтожением имени и телесности уничтожаются шесть областей; уничтожением шести областей уничтожается соприкосновение (между чувствами и их объектами); уничтожением соприкосновения уничтожается ощущение; уничтожением ощущения уничтожается жажда; уничтожением жажды уничтожается выбор (существования); уничтожением выбора уничтожается создание; уничтожением создания уничтожается рождение; уничтожением рождения уничтожаются старость и смерть, страдание и жалоба, скорбь, печаль и отчаяние. Таково прекращение всего царства страдания»⁵¹.

В соответствии с этой концепцией подвизающийся в буддизме включал себя в длительную (иногда многолетнюю) работу по преобразованию своей телесности и сознания; в результате происходила такая трансформация его психики и биологии, которая позволяла ему оказываться в реальности, осознаваемой и опознаваемой им именно как нирвана⁵².

Третий фактор, обуславливающий трансформацию биологии и телесности – техника, особенно антропотехника, особенно создаваемая для целей искусства. Анализируя процесс формирования классического балета, большая заслуга в котором принадлежала Людовику XIV, автор анализирует пример именно такой антропотехники. Известно, что «Людовик, прозванный “Королем Солнца” обожал театр и танцы. Он явно ощущал себя Богом и хотел, чтобы и его подданные видели в нем Бога. Думаю, на это накладывался и образ-идеал человека Возрождения, считавшего, что, если он захочет, то сможет стать и херувимом (ангелом). Но как мыслился Бог? Он являлся своим подданным, ослеплял их своей красотой и величием, демонстрировал жизнь и деяния, совершив которые торжественно уходил. Ниже его достоинства было повернуться к зрителям спиной, склоняться перед ними, вообще действовать как все, обычно. Напротив, каждое его движение должно быть наполнено красотой, символами и выразительностью.

Это был тот антропологический образ и идеал, который, судя по свидетельствам современников, овладел юным Людовиком. При этом он понимал, что живет не на Олимпе и хотя королевская особа, но все же человек. Эта коллизия и проблемная ситуация разрешается Людовиком за счет, с одной сторо-

⁵¹ Цит. по *Ольденберг Г.* Будда. Его жизнь, учение и община. М.: Издание Д.П. Ефимова, 1905. С. 300-301.

⁵² См. подробнее *Розин В.М.* Сущность эзотеризма. Эзотерическая личность. Реконструкция эзотерических учений. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 68-107.

ны, искусства, с другой – перезапуска телесности (он ставит и исполняет танцы, в которых чаще всего выступает в роли Олимпийских богов, и каждый день тренируется, обучаясь новым движениям и позам). Именно здесь начинает складываться (изобретаться) “телесный канон” (гештальт), о котором пишет Михаил Фокин (“ноги должны соблюдать пять позиций и все движения должны заключаться в комбинации этих позиций и ею ограничиваться; руки должны быть закруглены, с отодвинутыми в сторону локтями; лицо должно быть обращено к публике, спина должна быть прямая, ноги выворочены в сторону, пятками вперед”⁵³), и позднее более сложный его вариант с образами полетности, невесомости и акробатичности. Боги и херувимы являются и удаляются, парят, демонстрируют прекрасные лики и фигуры, совершают деяния, как правило, изложенные в мифах и изящной литературе.

Создавая новый вид танца, Людовик XIV, Король-Солнце вместе со своими помощниками (мы бы сегодня сказали, постановщиками танцев и спектаклей) нащупали целый ряд новых художественных средств (музыка, костюмы, декорации, сцена и др.), помогающие собрать новые образы тела и движения в единое целое («художественную реальность»). Особенно здесь интересна роль музыки, которую писали известные композиторы, например, Люлли. Как временное искусство музыка позволяла организовать во времени и темпорально связать новые единицы и гештальты телесности. Как музыкальные события, свободные от конкретных предметных ассоциаций, выражать (задавать, описывать) собственно «танцевальные события»⁵⁴.

Для нашей темы важно ответить на такой вопрос: в каком направлении шла в культуре трансформация биологии и гештальта телесности? Ответ довольно очевидный. Вероятно, в направлении, позволяющем обеспечить историческое и культурное развитие человека. В свою очередь это развитие, с одной стороны, работало на расширение возможностей человека (в плане обеспечения его жизненных потребностей и комфорта), с другой – реализации привлекательных, культурных идей (красоты, силы, власти и др.). Стоит еще учесть, что развитие не только *осмысленный, функциональный* процесс, но и процесс *сингулярный* и в этом плане случайный. Существенный вклад в сингулярность культурного развития делает «проектный разум», т.е. привлекательные идеи, кото-

⁵³ *Айламазян А.М.* Культурно-исторические аспекты психопрактик // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 3, 9.

⁵⁴ *Розин В.М.* Три ипостаси танца и подхода к его изучению (социокультурный, семиотический, психотехнический) // Культура и искусство. – 2022. – № 5. – С. 76-77.

рые во что бы то ни стало стремятся осуществить человек. Одним из примеров действия проектного разума является замысел Платоном идеального государства.

«В “Государстве” великий философ не только мыслит проектно по отношению к общественному устройству (“Так давайте же, – говорит Сократ, – займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно его создают наши потребности”⁵⁵), но и обсуждает условия реализации такого проекта. К последним Платон относит наличие самого проекта и соответствующих знаний (заимствованных им из других своих работ), подготовку из философов, если можно так сказать, государственных работников и реформаторов, решивших посвятить свою жизнь общественному переустройству, наконец, поиск просвещенных правителей.

“Между тем, – говорит Сократ, – достаточно появиться одному такому лицу, имеющему в своем подчинении государство, и человек этот совершит все то, чему теперь не верят... Ведь если правитель будет устанавливать законы и обычаи, которые мы разбирали, то не исключено, что граждане охотно станут их выполнять”⁵⁶. Понимает Платон и то, что без кардинальной переделки человека (то есть, не выводя людей из пещеры на солнечный свет) создать новый общественный порядок невозможно. Основные надежды здесь Платон возлагает не на принуждение, а убеждение, поощрение и образование. “Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему говорят”⁵⁷.

Как известно, ни один из проектов переустройства государства Платону осуществить не удалось. Он не нашел просвещенного правителя и не смог увлечь своими идеями свободных граждан. Не удивительно поэтому, что на склоне лет Платон с горечью пишет в “Законах”: “всему указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный случай для осуществления, так, чтобы все случилось согласно нашему слову. Вряд ли найдутся люди, которые будут доволь-

⁵⁵ Платон. Государство. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 130.

⁵⁶ Там же. С. 283.

⁵⁷ Там же. С. 296.

ны подобным устройством общества... Все это точно рассказ о сновидении, точно искусная лепка государства и граждан из воска!”⁵⁸.

Может быть, кто-то скажет, что неудачи Платона – дело далекого прошлого и что сегодня мало найдется таких наивных людей, которые возьмутся заниматься переустройством государства и общества. И будет глубоко неправ. Если во времена Платона проектно-реформаторская деятельность была всего лишь идеей и замыслом, пришедшим на ум нескольким философствующим мыслителям, то сегодня – это массовый феномен и практика, особенно в нашей стране. Причем социальные преобразования сознательно, но чаще бессознательно осуществляются на самых разных уровнях социального действия, начиная от государства в целом, кончая епархией отдельного чиновника. В.Г.Федотова в прекрасной книге “Модернизация ‘другой’ Европы” пишет, что исторически Россия всегда была модернизирующей страной – от Петра I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов”⁵⁹. И сегодня, отмечает Федотова, Россия не может отказаться от социальных проектов»⁶⁰.

Так вот, социальные проекты – это пример действия проектного разума, который этими проектами, конечно, не исчерпывается. К проектному разуму относятся многие теории, социальные программы, некоторые картины мира – всего не перечислишь; кстати, манифесты трансгуманистов тоже лежали в этом ящике Пандоры. Чтобы склонить читателя задуматься над утопичностью трансгуманистических положений, предлагаю прибегнуть к воображению: пусть читатель представит, что трансгуманистические манифесты сбылись, и читатель (назовем его Платоном) встретился в будущем с самим собой уже как бессмертным индивидом. Вот стенограмма этой встречи,

«С кем ты хочешь поговорить о смерти? – услышал Платон голос, как будто идущий с неба.

– Думаю, с самим собой, зачем беседовать о смерти с чужим человеком.

– Хорошо, – ответил голос, оставляя Платона одного в комнате, мало говорящей о том, в каком времени он оказался.

Через секунду в комнату вошел человек, совершенно не похожий на Платона, но последний почему-то точно знал, что это он сам, каким будет через не-

⁵⁸ Платон. Законы. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 4. М., 1994. С. 198.

⁵⁹ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 14.

⁶⁰ Там же. С. 20; Розин В.М. Социальное проектирование как первый этап технологизации // Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола, ПГТУ, С. 173-174.

сколько тысячелетий. Они произнесли несколько незначущих фраз, присматриваясь друг к другу. Было странное ощущение абсолютной нереальности и, одновременно, невозможно было отрицать происходящее.

– Сколько вам лет, – спросил Платон, обращаясь к себе через бездну веков, – и как Вас называть?

– Можешь называть на «ты», ну скажем, Платом, чтобы не запутаться. Мне сказали, что ты – это я в прошлом. Я не имею возраста, последнее мое воплощение, семьсот первое, произошло около ста лет тому назад.

– Что значит воплощение, Ты веришь в реинкарнацию? – с удивлением спросил Платон.

Плат усмехнулся и затем вежливо с так хорошо знакомым Платону его собственным выражением ответил.

– Воплощением мы называем прерывание текущей жизни и трансформацию ее в жизнь новую. Я вижу, ты не понимаешь, могу пояснить, но для этого требуется время.

- Буду признателен, – попросил Платон, – я не спешу.

– Эта история довольно долгая. В течение третьего тысячелетия удалось полностью решить проблемы пересадки органов – сердце, почки, печень, селезенка, легкие и прочее, а также замены скелета и мышечной ткани. Большую роль здесь сыграли инженерия искусственных органов, клонирование органов, биопластика, генетическое перепрограммирование и другие открытия.

В четвертом, пятом и шестом тысячелетии решалась задача пересадки и замены нервной ткани и отделов головного мозга. Как правило, это вело к сдвигам психики и потери личности, но после работ Питермана и Кельсона удалось создать техники программирования и адаптации, которые позволяли сохранять идентичность личности без существенных повреждений и трансформаций. К седьмому тысячелетию человек уже мог жить практически бесконечно. Но здесь выяснилось, что, если его психика и личность периодически не обновляются, то существование человека становится невыносимым.

– Почему, – с интересом спросил Платон, – который уже продумал примерно такое развитие событий.

– Как тебе сказать. Представь, что ты прожил сто, двести, тысячу лет. Все повторяется, все твои проблемы и задачи решены, причем несколько раз, груз памяти стал невыносим, сформировавшиеся привычки как гири на ногах тянут

назад, ничто уже не может вызывать удивления. Перед человечеством встала альтернатива: или сознательно прекращать свою жизнь или научиться обновлять ее. Одни люди предпочли первое, другие – второе.

– То есть, Плат, ты хочешь сказать, что многие люди в вашем мире заканчивают свою жизнь, как и мы?

– Ну да, примерно две трети человечества предпочитает обычную смерть. Только третья часть живет, подобно мне. Но ты должен правильно понять – большой разницы нет. Ведь и я много раз умирал.

Платон помялся, но потом все же спросил.

– Не хочешь ли ты сказать, что у тебя от меня ничего нет? Как это может быть?

– Я, конечно, знаю, что с Платона в далеком прошлом начался старт нашего рода, ведь сохранились хроники и программы. Тем не менее, должен тебя огорчить, действительно, от тебя самого во мне ничего нет.

– Почему? – спросил Платон, не очень впрочем огорчившийся. О чем-то подобном он уже догадывался.

– Дело в том, – стал объяснять Плат, – что новое воплощение предполагает полный демонтаж старой личности и формирование новой, причем последнее растягивается на несколько десятков лет. Демонтаж старой личности нельзя понимать как перепрограммирование, биологическое стирание. Демонтаж – это психотехнический процесс и своеобразное умирание, не менее драматичное, чем обычное умирание, известное в вашем времени. К тому же, как правило, его нельзя сделать одному. Умиравшего обслуживает целая бригада. Суть демонтажа – перестройка пирамид психических реальностей, что достигается путем проведения человека через серию жизненных катастроф. В конце этого туннеля пирамида психических реальностей, на которой стоит личность, распадается, вытесняется, а с ней исчезает память и ряд других фундаментальных психических способностей. Хотя внешне, биологически человек не меняется.

– А что можно выбирать и новый пол? – почему-то спросил Платон, хотя на самом деле это его мало интересовало, он был уверен в положительном ответе.

– Естественно, – ответил Плат, – я сам, по-моему, не меньше сотни раз выбирал женский пол. Но понятно, что для этого требуются предварительные биологические коррекции.

– Получается, что в вашем мире нет понятия биологической смерти, но есть смерть как психический и духовный феномен. Наверное, изменилась и семья, и образ жизни человека, и основные социальные институты?

– Ты Платон, прав, семьи в вашем понимании у нас нет. Хотя любовь и совместная жизнь людей разного или одного пола играют даже большее значение, чем в ваше время. Самое трудное для нас – выбрать тот или иной тип будущей жизни и развития, ведь они могут быть самыми разными. Чуть легче решить, нужно ли продолжать жить или уже пора уходить со сцены жизни. Но извини, мне тут говорят, что время беседы истекло...»⁶¹.

Ну ладно, жить вечно человек не может, но разве трансгуманистическая практика не способствует сохранению здоровья и продолжительности жизни? Отчасти способствует, одновременно выступая источником новых проблем. Как-то я разговаривал с одним из идеологов трансгуманизма. Стремясь подготовить себя к сверхчеловеческому состоянию, он стал сокращать время своего сна, считая его бесполезным, пустым времяпрепровождением. Одно из следствий – снижение работоспособности и неврозы. У большинства сторонников трансгуманизма, и более широко «антропоинженеров», довольно примитивное понимание человека. Они считают, что человек, с одной стороны, биологическое существо, с другой – биоинженер.

Никто не отрицает биологическую ипостась человека, пронизывающую всю его телесность и частично определяющую его гештальт. Но помимо этой ипостаси не меньшее влияние и воздействие (часто большее) оказывают другие – психическая организация, социальная, культурная, духовная. В структуре человека можно выделить два контура: действительно, биологический и задаваемый психикой, культурой, социумом, духом, возможно, также историей. Например, биологи и не только они считают, что мышление сводится к работе мозга, т.е. это явно биологизаторское истолкование. Однако современные исследования показывают другое: мозг – только субстрат мышления (подобно тому как электрические лампочки, провода и источники тока – только субстрат бегущей строки на табло). Кроме мозга мышление обусловлено семиотически (знаками, символами, схемами), социально (вызовами времени, проблемами, отношениями людей), культурно-исторически (мышление существенно меняет-

⁶¹ Сравни с идентичной беседой в романе автора «Проникновение в мышление: История одного исследования Марка Вадимова. М.: URSS, 2002, 2006, 2018. С. 169-171.

ся от эпохи к эпохе), дискурсивно и креативно (самой деятельностью мышления)⁶². Стоит обратить внимание также на то, что биологические структуры человека постепенно меняются под воздействием интересубъективных структур и процессов.

Если трансформация человека обусловлена эволюцией культуры и социальности, то в настоящее время, когда происходит смена культуры и социальности, должно иметь место очередное существенное изменение биологии и гештальта человека. Но сказать (предсказать) его направление и результат невозможно. И вот почему. Процесс смены культуры (с новоевропейской на «фьючекультуру») – очень сложный. Здесь, с одной стороны, кризис модерна: ослабление или паралич социальных институтов, девальвация основных культурных сценариев и картин мира, экологические и техногенные катастрофы. С другой – новые тренды с неизвестными последствиями: бурное развитие технологий и Интернета, конвергенция социалистических и капиталистических форм хозяйственности, процессы глобализации и миграции, формирование новых форм социальности (например, сетевых и цифровых), а также очагов нового общежития и коллективного труда. Безусловно, ряд новых процессов должны способствовать дальнейшей трансформации человека в направлении возрастания его возможностей, которые повлекут за собой и новые проблемы. Этой трансформации будут противостоять другие процессы, ориентированные на спасение нашей цивилизации и смену образа жизни (на более здоровую и простую, менее опасную). Но определить в настоящее время соотношение этих двух тенденций не представляется возможным.

⁶² Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

Глава 2. Вызовы антропоцена в эпоху растущей сложности

2.1. Вызовы антропоцена и искусственного интеллекта эпоху цивилизационного транзита

Время, переживаемое нами здесь и теперь можно характеризовать по-разному. Например, как время большого транзита-перехода нашей (пока еще) земной цивилизации в качественно новое состояние, чьи контуры, однако, еще плохо различимы. Столь же правомерно говорить о нашем нынешнем состоянии как о состоянии кризиса, неопределенности, турбулентности и динамического хаоса. И, конечно же, нельзя не упомянуть о том, что новая фаза эволюции человеческой цивилизации неразрывно связана с наступлением эпохи антропоцена – эпохи, когда техногенное воздействие человеческой деятельности на окружающую среду становится решающим фактором ее качественных изменений; изменений, ставящих под вопрос само существование на Земле человеческой цивилизации. При этом, в контексте дискурса о «плохо различимых контурах будущего» и связанных с ним рисков и надежд, необходимым образом формируются дискурсы трансгуманизма и постгуманизма, сфокусированные на проблеме природы человека и ее возможной трансформации в наступающую эпоху кибер-цифровой реальности, порождаемой прогрессом современных синергично переплетенных социо-технических практик, символической кульминацией которых становится сильный (или общий) искусственный интеллект. Таким образом, на фоне «плохой различимости будущего» (или даже неразличимости вообще) со всей отчетливостью ставится вопрос: как возможно человеческое будущее в эпоху вызовов антропоцена и искусственного интеллекта. В итоге возникает все более осознаваемая необходимость проблематизации бегло охарактеризованной выше ситуации нашего «здесь и теперь» в новой концептуальной оптике парадигмы сложности.

Сложность, отношение, касание

Рассмотрение темы мышления-вместе-со-сложностью «здесь и теперь» уместно, на наш взгляд, начать с обсуждения некоторых сюжетов из книги Данило Дзоло «Демократия и сложность. Реалистический подход». Согласно Дзоло термин “сложность” – complexity, – который мы предлагаем переводить как «сложность», теоретически «не описывает объективные свойства есте-

ственных или социальных явлений. Не обозначает этот термин и сложные объекты, противопоставляемые простым объектам. Скорее, этот термин отсылает к когнитивным ситуациям, в которых оказываются субъекты — как индивиды, так и социальные группы. *Отношения* [курсив наш – В.И., Я.С.], которые строят субъекты и которые субъекты проецируют на окружающую их среду в попытках самоориентации, то есть упорядочения, прогнозирования, планирования или манипулирования, будут в зависимости от обстоятельств более или менее сложными. Точно так же более или менее сложной будет подлинная связь субъектов со средой». ⁶³ Далее Дзоло сформулирует четыре условия сложности: «1. Чем шире масштаб возможных вариантов выбора и чем больше количество переменных, которые приходится учитывать субъектам в своих попытках разрешения проблем знания, адаптации и организации, тем сложнее становится окружающая их среда. ... 2. Чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных. Изменение значения одной переменной неизбежно сказывается на других переменных (это влияние взаимно), что неизбежно усложняет задачу познания (и действия). В этом случае для организации среды и управления ею необходим больший объем информации. После преодоления известного порога сложности расчеты, необходимые для прогнозирования последствий рекурсивных отношений, которые связывают факторы среды между собой, требуют качественного изменения. Даже анализ отдельных явлений становится менее определенным, учитывая то, что изначальное состояние этих явлений и их последующее развитие вряд ли можно отделить от нелинейных связей. ... 3. Третий элемент сложности связан с нестабильностью или турбулентностью среды и тенденцией ее переменных меняться по быстрым или непредсказуемым траекториям. 4. Четвертой чертой сложности, объемлющей три первые, является то, что субъекты, осознающие высокий уровень сложности среды, в которой они существуют, достигают состояния когнитивной циркулярности. Такие субъекты сознают сложность, с которой придется столкнуться при попытках объяснить и спрогнозировать внешние, происходящие в среде явления в соответствии с линейными (то есть монокаузальными, монофункциональными или простыми) схемами, сами условия их общих отношений со средой. На самом деле трудность возникает, в сущности, из познавательной деятельности

⁶³ Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. С. 29,30.

субъектов, направленной на построение и изменение среды посредством ее понимания. ... Соответственно, субъекты учитывают то обстоятельство, что они не могут определить свою среду в объективных категориях. То есть субъекты не могут нейтрализовать искажения, внесенные их собственной познавательной деятельностью и, если идти по кругу, не могут определить самих себя без обращения к сложности и турбулентности внешней среды, которая со временем начинает определять и модифицировать познавательную деятельность субъектов. Таким образом, субъекты оказываются в ситуации эпистемологической сложности».⁶⁴

Мы не случайно выделили курсивом термин «отношение». Для нас он кажется весьма важным потому, что в нем упакован тот интимный смысл, какой в скрытом виде присутствует в приведенных четырех условиях сложности и который, одновременно, задает саму возможность контакта внутреннего с внешним, возможность соприкосновения с Иным, с Другим, в конце концов, с материей, понимаемой как нечто становящееся, вибрирующее и несущее в себе хаотическую, (не поддающееся окончательной рационализации и предполагающее интуицию, выходящую, по Бергсону, за пределы интеллекта). Карен Барад задается вопросами, подчеркивающими такую интимность соприкосновения: «Когда две руки соприкасаются, насколько они близки? Что является мерой близости? Какие дисциплинарные образования, политические партии, религиозные и культурные традиции, органы по инфекционным заболеваниям, иммиграционные власти и политики не заинтересованы в этом вопросе, если не дают взвешенного ответа на него? Когда речь идет о прикосновении, почти у всех волосы встают дыбом. Я ... предлагаю самое смутное предположение о том, что может означать приблизиться, осмелиться соприкоснуться с этой бесконечной конечностью. Много голосов говорят здесь, в промежутках, какофония всегда уже повторяющихся интра-действующих историй. Это запутанные сказки. Каждый дифракционно пронизан и завернут в другой. Разве это не характерно для прикосновения? Не является ли прикосновение по самой своей природе уже инволюцией, приглашением, приглашением, желанным или нежелательным, незнакомца внутри?»⁶⁵ При этом Барад отдает отчет в том, что в основе материи лежат онтологическая неопределенность, радикальная откры-

⁶⁴ Там же. С. 30-32.

⁶⁵ Barad K. On Touching—The Inhuman That Therefore I Am – <http://s3.amazonaws.com/arena-attachments/1865073/ac89d74d05e4066317e4e06615efacc5.pdf?1520597533> (Обращение 28.08.2022).

тость, бесконечность возможностей. «Как странно, что неопределенность в своей бесконечной открытости является условием возможности всех структур в их динамической перестройке в устойчивости. Материя в своей итеративной материализации есть динамическая игра не/определенности [in/determinacy]. Вопрос никогда не бывает решенным. Он всегда уже радикально открыт. Замыкание не может быть обеспечено, когда условия не/возможностей [im/possibilities] и переживаемой неопределенности являются неотъемлемой частью, а не дополнительными по отношению к тому, что есть материя».⁶⁶

Более того, истолковывая отношение как касание, мы так или иначе обращаемся к некоей телесности в самом широком понимании последней, причем такая телесность нагружена памятью, а память, в свою очередь, неотделима от семиотического процесса, ибо следы памяти фиксируются в ускользающих знаках. Но почему знаки ускользают? Почему без них можно обходиться? Знак как посредник сделал свое дело, через него осуществилось или, лучше сказать, выразилось, афишировалось отношение-касание, и он может удалиться, исчезнуть. Знак уходит, если воспользоваться концептом Поляни, в молчаливое знание, в нашу телесность, в нашу телесную память. И сразу отметим, что телесность, телесная память – это локус сложности, это узел, обладающий свойством самоорганизации. Каждое касание вызывает процесса самоорганизации. За кулисами распознавания, познания происходят невидимые, латентные, виртуальные процессы самоорганизации.

Креативно-процессуальное видение универсума

Мы живем в мире самоорганизаций. В основании нашего существования мы имеем дело, согласно Делёзу, с телами без органов, с некоей активной, насыщенной потенциями семиотической средой. С семиотическими волнами. Конечно, такие семиотические волны телесности побуждаются контактами с другими, но, одновременно, они же – рекурсивный контакт сознания индивида с его собственным телом, контакт, обеспечивающий возможность саморазличения, дабы не попасть в солипсистскую ловушку в саморефлексии (точнее-самореференции), изолирующую индивида от окружающей его среды, а также в инореференцию, сосредоточенность на внешнем мире аннигилирующую индивида и его тело. Такое различие обеспечивает семиотически оснащенный,

⁶⁶ Ibid.

коммуникативный интерфейс между индивидом и миром, причем такой интерфейс принципиальным образом процессуален, он пребывает в перманентном становлении.

Заметим, что сегодня почти все сферы человеческого существования (как на обыденном, так и на теоретическом уровне) истолковываются – прямо или косвенно – как перманентно становящиеся, интерпретируемые с процессуальной точки зрения реалии, не предполагающие ни окончательной фиксированности, ни предзаданных конечных целей или состояний. Мир предстает не столько в форме сложносоставного динамического образования механистического толка, сколько в виде подвижной, органоподобной, непрерывно становящейся среды, некоей нейроморфной сети, предполагающей особые техники исследования и способы трансграничного и трансгрессивного пребывания в ней. Именно подобные техники и способы ведут к формированию нового, креативно-процессуального видения универсума, а еще точнее Мультиверсума, как топоса сетевого наблюдателя – делящегося во времени сложностного узора-паттерна событий. И как раз такое активное мультиперспективное видение, направленное на деятельное постижение становящихся реальностей, предполагающее концептуальные сдвиги в современном естествознании, технике, гуманитарной деятельности, а шире в самом восприятии природы и социума, может быть наделено эпитетом «сложностное». Носителем этого активного «субъект-акторного или коммуникативно-агентного» видения становится такой концептуальный персонаж как сетевой наблюдатель темпоральной сложности, ведущий свою родословную из квантовой механики, кибернетики второго порядка, Законов формы Спенсера-Брауна и семиотики Пирса.

О наблюдателе сложности

Остановимся на том, как мы трактуем наблюдателя сложности в связи с различием между актором и агентом. Мы полагаем, что актер тяготеет к интеллекту, а агент – к интуиции. В наблюдателе сложности скомпонованы акторность и агентность, субъектность и коммуникативность, активность и конструктивность. В наблюдателе сложности собраны все возможные инстанции, поскольку наблюдение всегда активный, рекурсивный, трансформативный процесс. Оно – каждый раз селекция, отбор, нащупывание, отчасти методом проб и ошибок. Заметим, что активное наблюдение порой противопос-

тавляют пассивному созерцанию. Якобы при созерцании мы отдаемся созерцаемому, отключая свои интерпретирующие и рефлексивные способности. А при наблюдении ты подключаешь схематизмы разума, рассудка, способности суждения. Спокойствие созерцания отделено от активности наблюдения. Но можно созерцать и продукты собственного воображения. Можно воображать и созерцать одновременно. Эти способности неразводимы. Что значит: мы созерцаем? Мы фантазируем и любимся своим фантазиям. Но еще точнее, в данном контексте будет сказать, что мы входим в состояние, именуемое некоторыми авторами «мобильной медитацией», как практике осознанности-восприимчивости к происходящему в данный момент «здесь и теперь». «Психология считает доказанным, что мыслящий субъект не может созерцать самого себя. Но вопрос не в этом, а в том, чтобы знать, не является ли сам мыслящий субъект созерцанием, не является ли он созерцанием в себе самом; а также можно ли научиться, сформировать свое поведение и самого себя иначе, чем созерцая». ... Мы – созерцания, воображения, обобщения, претензии, удовлетворения. Ведь феномен претензии — ничто иное, как приобретающее созерцание, которым мы утверждаем право и ожидание приобретаемого, удовлетворенность собой как созерцающими. Мы не созерцаем себя, но существуем, лишь созерцая, то есть, приобретая то, из чего приходим»⁶⁷.

То есть, созерцание, понимаемое как медитация, как практика осознаваемой внимательности, ориентированной на проведение различий – это активный сенсорно-моторный процесс контакта с Иным и с самим собой. Дело в том, что в созерцании могут вступать во взаимодействие самые неожиданные вещи. В созерцании мы выступаем не столько в качестве акторов, сколько в качестве агентов, активных агентов. Агента можно считать инетрактором, он – медиатор. Наблюдатель сложности как активный агент, а не только актер, мыслит в окружающей среде, пребывает в осознаваемом взаимодействии со средой. Он есть рекурсивное единство самореференции и инореференции. Он мыслит экологически, погружая себя в состояние коммуникативного мультисенсорного диалога с Иным, Другим, с тем, что, следуя традиции именуют «окружающей средой». Здесь уместно сделать небольшое отступление с тем, что бы процитировать Мишеля Серра из его недавно вышедшей на русском языке книги «Договор с природой»: «Термин, от которого я отказываюсь, *environment* или «ок-

⁶⁷ Делез Ж. Различие и повторение – СПб: Петрополис, 1998. С.99,100.

ружающая среда», – происходит от латинского глагола *vertere*, означающего «кружиться», «вращаться». В круге этого вращения, когда-то просто суетного, а теперь – опасного, мы одновременно и субъекты этого мира, который в таком случае является нашим объектом, и его объекты, когда он вдруг начинает воздействовать на нас, словно субъект это – он. Сначала в центр мира мы ставили Землю, потому что на ней живем, затем поставили Солнце, потом переместили этот центр куда-то вовне и, наконец, просто в никуда. Первый сдвиг нашего мышления мы назвали “коперниканской революцией”, но этот образ затрагивал лишь наши познания. Суета сует: ведь мы принимали себя за Солнце! Но сегодня, в реальности нашего существования, мы вынуждены покинуть этот центр мироздания и поместить как себя, так и наш мир где-то на периметре этого саморегулирующегося круга»...⁶⁸ А чуть ранее Серр пишет: «Иначе говоря, мир будь он живой или неживой не образует собой, как мы это высокомерно себе представляли, “окружность, в центре которой находимся мы с вами”, – полагая себя неким стержнем, полюсом притяжения или штабом командования. Он должен быть нашим партнером, с которым нужно вести постоянные переговоры, но главное – подписать с ним тот Договор, к чему я и призываю в этой книге...теперь нам нужно стать симбионтами»⁶⁹

На что, где и как опирается данная словесная конструкция? Если мы фокусируем наше внимание на том, что мы называем сложностью, то можно задать вопросом, где эта сложность живет? Для мышления в сложности важна категория взаимодействия как длящегося сетеподобного процесса. Категория взаимодействия в свою очередь переключает наше мышление на режим того, что было названо «мышлением *in-between*», мышлением «между». Взаимодействием между. Между чем и чем? Ответ на это вопрос всегда контекстуален, зависит от осознания контекста, неотделим от него. В этом отношении, как было отмечено, мышление-вместе-со-сложностью созвучно квантовомеханическому мышлению. Оно всегда контекстуально, рекурсивно-процессуально сцеплено (*Entanglement*) с фоном, средой, с доиндивидуальным, в котором(ой) оно индивидуируется.

⁶⁸ Серр М. Договор с природой – Издательство: Европейский университет в С.-Петербурге. С.12

⁶⁹ Там же. С.12,13

Постнеклассическая рациональность и мышление-вместе-со-сложностью

Итак, взаимодействие в оптике мышления-вместе-со-сложностью – это всегда темпорально длящийся процесс сетевого «становления-с». В контексте философского дискурса – это взаимодействие субъекта и объекта. Это именно взаимодействие. Не действие субъекта на объект, и наоборот. Сложностное мышление живет именно между ними в интерактивном взаимодействии. Данное взаимодействие мы и стараемся раскрывать, на нем сфокусироваться и наполнять неким содержанием посредством введения такого концептуального персонажа как темпоральный трансграничный наблюдатель/актор/агент сложности.

Многие знакомы с концепцией постнеклассической науки, постнеклассической рациональности Степина⁷⁰. В оптике мышления-вместе-со-сложностью мы видим, что Степин построил динамически-конструктивную метамодель эволюции науки, как самоконструирующейся когнитивной системы, погруженной в семиотически (неявно) осмысливаемой культурной среды. Этот процесс самоконструирования у Степина разворачивается как когнитивный процесс интерактивного рекурсивного взаимодействия между тем, что в соответствии с долгой философской традицией именуется Субъектом и Объектом познания. Не случайно, что В. С. Степин уделял в своих работах особое внимание обобщенно понимаемому методологическому принципу квантового соответствия Н. Бора, подчеркивая его коммуникативно-связующую функцию как посредника между классическим, неклассическим и постнеклассическим типами научной национальности. И это неслучайно еще и потому, что в фокусе внимания В. С. Степина находился трансцендентально-эмпирический процесс создания средств, условий того, что сейчас модно именовать условиями доступа к объекту, их рефлексивному осознанию как трансцендентальных предпосылок всякого опыта. Или, в нашей терминологии осознанию неявных, имплицитных семиотически нагруженных предпосылок *возможности* опыта интенциональной intersubjectивной коммуникации.

Тем самым вопрос о средствах заново осмысливается как вопрос об опосредованности. То есть, мы фиксируем внимание на отношениях. Повторим, сложностное мышление – это мышление не с помощью вещей, это – релятив-

⁷⁰ См. Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция. 2000

ное, сетеподобное мышление. Это всегда мышление, осознаваемое как процесс «становления-с». Например, становление Человека с Природой, Культурой, Социумом. Субъекта с отличной от него искусственной и естественной средой. В рамках парадигмы сложностности субъект и объект не в фокусе, они поочередно становятся либо фигурой, либо фоном. В фокусе остается взаимодействие, рассматриваемое как некое когнитивно-коммуникативное поле, как некая становящаяся среда. Степин привлек внимание к тому, что постнеклассическая наука имеет дело не просто с объектом, а со связкой средство-объект. Эпистемическое поле, где обитает сложностность, – это поле методологических принципов, средств, поле, где живут такие принципы, как наблюдаемость, соответствие, дополнительность, коммуницируемость, связанные по принципу обобщенной обратной связи процессом рекурсивности.

Кроме того, в контексте рассмотрения опосредованных взаимодействия субъекта и объекта в оптике сложностно мышления имеет смысл так же упомянуть концепцию трандисциплинарности Бесараба Николеску.⁷¹ Николеску строит свою концепцию трандисциплинарности, акцентируя внимание на том, что он именует «Включенным третьим», неким X, опосредующим, коммуникативно связующим трандисциплинарного субъекта и трандисциплинарного объекта, В такой оптике мы можем наблюдать определенный резонанс концепций-перспектив Степина и Николеску. Возникает фигура наблюдателя сложностности как связка между виртуальными субъектом и объектом, как некое связующее звено, как некоторый агент. Или речь идет об агент-ориентированной нейронной сети (если говорит в терминологии искусственного интеллекта). Уже упоминалось, что концепт наблюдателя вошел в науку с квантовой механикой. Квантовоподобный наблюдатель сложностности контактирует с реальностью посредством приборов – осмысливает/конструирует ее с помощью знаков. И одновременно осознает этот контакт как подвижную эпистемологическую границу между собой как наблюдателем, наблюдающим себя, и наблюдаемым. И такое взаимодействие – ключевая проблема мышления-вместе-со-сложностностью. Она отсылает нас к абдуктивно осознаваемому мысленному эксперименту. Идея контакта-взаимодействия для наших рассуждений крайне важна. Если говорить об органоподобных системах, это – взаимодействие, контакт системы с окружающей средой. В данном случае окружающая среда мыс-

⁷¹См. *Nicolescu B. Manifesto of Transdisciplinarity* – Albany: State University of New York Press, 2002.

лится как нечто Другое. Контакт не возникает сразу. Это – рекурсивный сенсомоторный процесс взаимодействия, взаимодействия с изменчивой средой. Сложностное мышление – это экологическое мышление. Это – экибернетика.

Различение как условие наблюдения сложностности и знаки-касания

Вышесказанное предполагает существование границы по Спенсеру-Брауну. Где и как возникает наблюдатель? Чтобы наблюдать, надо провести различение. Законы Формы Спенсера-Брауна, о которых уже неоднократно упоминалось выше, играют здесь ключевую роль в том смысле, что, проводя границу, мы, одновременно, создаем знак, отделяющий обозначенное и необозначенное, внешнее и внутреннее, одновременно и ассиметрично соединяя их. Тем самым знак мыслится как некая динамическая категория, которая возникает в рекурсивном процессе, и знак непосредственно связан с тем, что наблюдается, и с тем, что называется формой. И еще один момент. Важно обратить внимание, что различение, порождающее различение, – это рекурсивный кибернетический процесс, который, присущ не только всему тому, что именуется живым, но и, если мыслить абдуктивно, присущ тому, что сейчас некоторыми постгуманистами именуется витальной материальностью.⁷²

Иными словами, различенность – это различенность, являющаяся, одновременно, аналогом дизъюнктивного синтеза: различение вместе с соединением. Еще раз повторим: сложностное мышление предполагает наблюдателя второго порядка, который возникает в рекурсивном процессе различений, являющегося симбиозом их проведения/конструирования наблюдателем и открытия их, так сказать, в нативном виде. Оно фокусируется на темпоральном процессе как процессе связывания в настоящем прошлого и абдуктивно предвидимого будущего. Граница различенного – между обозначенным и не обозначенным, между органоподобной системой и средой, между настоящим и будущим – подвижна, она все время сдвигается. Мы все время находимся по образному выражению Карен Барад «на полпути к Вселенной». И здесь же можно видеть концептуальное сопряжение с тем, что Кант называл трансцендентальной апперцепцией. Парадоксальность такого мышления состоит в том, что находже-

⁷²Беннет Дж. Пульсирующая материя – Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 8.

ние внутри ситуации субъекта-объекта, нахождение между ними предполагает процесс трансценденции или самотрансценденции.

Здесь мы вновь переключаемся на кибер-семиотику, восходящую к семиотике Пирса. В наши дни интерес к семиотически ориентированному прагматизму Пирса заметно возрос в частности в связи с активно развертывающимися исследованиями в области биосемиотики, а так же нейросетей и искусственного интеллекта, тесно связанных, в свою очередь со становящейся философией постгуманизма и постантропоцентризма.

Мышление Пирса триадично. Но это – не гегелевская триадичность. Пирс ввел понятие семиозиса как неограниченного темпорального непрерывного процесса, становящегося посредством динамического знака –рекурсивного связанной триады; объект, интерпретант, репрезентант. Чем отличается семиотика Пирса от семиологии Соссюра? Тем, что связь знака и объекта не произвольна, она опосредуется интерпретантом. Сам интерпретант – тоже знак. Интерпретант – ключевая агентность. Следуя способу мышления Пирса, мы интерпретируем интерпретанта Пирса как наблюдателя сложности. Здесь, конечно, мы встречаемся с так называемой «трудной» проблемой сознания, осознания и самосознания, каковую мы надеемся отдельно рассмотреть в дальнейшем.

Вернемся еще раз к нашей интерпретации знака. Знак – это отношение, он несет в себе медиативную функцию, генерируя линии «ускользающей связанности». Знак возникает в такой зоне неразличимости, выступающей как зона семиозиса. Знаки возникают и входят во рекурсивное взаимодействие между собой, образуя пространство своего рода «строительных лесов» (scaffolding), виртуальных рамок растущего знания, зону его ближайшего развития по Выгодскому. Это гаптическое пространство, пространство касания, тактильное пространство. Тактильное в самом широком смысле слова. Мы касаемся телесно воплощенным взглядом обонянием, вкусом, всем мультимодальным спектром наших ощущений, которыми наделила нас природа, а теперь и средствами цифровых технологий. В этом контексте с необходимостью мы встречаемся с ключевой темой индивидуации как персонификации, как процесса, порождающего формы (Гештальты) в обитаемом нами мире. Жильбер Симондон – «актор-агент» философии индивидуации – рефреном повторяет, что индивид рождается вместе со средой. Текст возникает вместе с контекстом, и они рекурсив-

но переплетаются между собой. И если говорить о семиозисе, то знак возникает вместе с индивидом – интерпретантом, если пользоваться терминологией Пирса. Знак может коммуникативно трансформироваться в индивида, а индивид может трансформироваться в знак. Таким образом, человек, как и сеть становящегося бытия, чьей частью он является, в которую он эволюционно включен, «пронизан знаками», он организмически целостен благодаря тому, что можно именовать «семиотическими швами». Тем самым мы на новом витке осознаваемого познания возвращаемся к пирсовской картине мироздания как непрерывно длящегося семиотического формопорождающего процесса, как процесса длящегося, совместно разделяемого самонаблюдения человека и космоса-Природы.

В этом отношении, если введенный Спенсером-Брауном символ «□», призванный указывать границу между означенным и неозначенным, воспринимать не только как различие означенное-неозначенное, но и как запуск перформативного становления коммуницирующего посредством знаков сетевого темпорального наблюдателя сложности, то неозначенное становится областью трансцендентального эмпиризма по Делезу или абдуктивной игры разумного воображения по Пирсу, или областью мысленного экспериментирования современных физиков теоретиков, некоторые из которых видят мир как метавселенную познаваемых и познающих нейроморфных квантовоподобных нейросетей.

В контексте же нашего «здесь и теперь» нарратива мышления-вместе-сложностью наблюдатель, возникает вследствие некоей сенсомоторно осознаваемой активности взаимодействия с иным. Это автопоэтический наблюдатель. Или, если пользоваться неологизмом Д. Харауэй – симпоэтический наблюдатель. Как пишет Харауэй «*Симпоэзис* – простое слово: оно означает “создание-с”»⁷³. Наблюдатель всегда подразумевает другого, потенциально неозначенного, скрыто-контингентного Я контактирую с другим, со средой. Эта среда может быть вселенной в целом, осмысливаемую в духе вышеупомянутой виталистической материальности Д. Беннет. Здесь мышление-вместе-сложностью встречается (контактирует) с синергетикой как междисциплинарным осмыслением процессов самоорганизации. Заметим, что когда мы говорим о контакте-взаимодействии с другим, иным, фоном, контекстом, средой

⁷³Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. С. 85.

сам процесс самоорганизации и сопряженной с ним рекурсии часто ускользает из поля зрения наблюдателя первого порядка, у которого, как и у всякого наблюдателя (в том числе и наблюдателя второго порядка), есть свое «слепое пятно».

Вот, например, мы контактируем сами с собой с помощью пальцев. Что в этом процессе возникает? За всяким контактом имеет место быстро протекающий процесс самоорганизации. Этот момент обычно ускользает. Наше распознавание образов, наше рече-мысль-действие протекает всегда за кулисами, оно «запускает, катализирует» процессы самоорганизации. И почти каждое касание является катализатором процессов распознавания. Оно запускает некоторые самоорганизующиеся активности. Здесь на повестку выходит концепт «память». Динамическая память. Агент-наблюдатель находится в перцептивном контакте, подразумевающим наличие киберподобной сенсорно-моторной активности, рекурсивно организованных (циклоподобных) алгоритмов-процессов, одним из продуктов которых являются знаки. Еще раз, перцептивный контакт понимается нами как некая обобщенно понимаемая тактильность, как некое воспроизводимое соприкосновение, *выученное действие как* некое телесно нагруженное действие. И после того, как контакт стал закрепленным в памяти организма или органоподобной системы, стала воспроизводимой эта самая знаковость. Знаки как бы уходят в область того, что М. Полани в свое время назвал молчаливым или личностным знанием. В чем здесь состоит наблюдаемость или не наблюдаемость знака? В чем здесь трудность семиотической работы? В том, что знаки уходят как бы на периферию в результате нашего контакта, прикосновения. Здесь может помочь опыт осмысления онто-эпистемологии квантовой механики. Знак возникает в процессе касания. Он фиксирует ситуацию контакта. Он запускает самоорганизующийся процесс формообразования, морфогенеза. Но мы его потом как бы не видим. Например, перед нами некий текст. На нем знаки. Такие знаки – буквы, пробелы, – такой семиотический каркас уходит на второй план молчаливого знания, уступая место видению фигуры – явному эксплицитному видению смысла Процесс чтения, смысло-прочтения – это рекурсивно-кибернетический циклический процесс. Происходит некое движение, в котором возникает знак, его наблюдатель, а также возникает смысл. Имеет место процесс смысло-порождения.

Итак для нас существенен концепт встречи/контакта/касания/обобщенной тактильности, который всегда опосредован возникающим знаком. Но есть встречи, где знаки настолько привычны, что они действуют как бы сами собой, и мы их не видим. И такая встреча – уже не встреча-событие, по Делезу. Кто такой мудрец? Мудрец – тот, кто живет все время в ожидании события. И должна быть педагогика ожидания события. Мудрец, конечно, может сидеть на месте, а событие само к нему придет. Но, тем не менее, нужно себя каким-то образом переформатировать, приготовить как квантовый субъект-объект, наподобие кота Шредингера или Друга Вигнера. Как овладеть этим искусством приготовления себя в качестве трансграничного наблюдателя сложности? Что я должен с собой для этого сделать? Выше уже об этом говорилось в контексте технологии медитации. Одним из ресурсов здесь может служить опыт процессуальный опыт квантового мышления. Опыт встречи с квантовым умом по Арнольду Минделлу.⁷⁴

И опять-таки, возникает ситуация встречи с иным, встреча с природой, встреча с живым. И тогда весь мир предстает как событие нашего опыта. Но, с другой стороны, это же и семиотическое self. И тут наша телесность, наши психосоматические переживания проявляются: мы начинаем контактировать со своим собственным телом. И здесь любопытно обобщение психоанализа Фрейда, какое сделал Лоуэн: снятие психосоматических зажимов. То есть, мы сканируем собственное тело и размечаем его. Это называют по-разному: самогипноз, работа с телом. Но не само-зомбирование. Хотя имеется тонкая грань между самогипнозом и само-зомбированием, которую можно легко перейти. Мы не то чтобы зомбируем себя, мы превращаем себя, как говорил Ильенков, в мыслящее тело. И мыслящее тело – это означенное тело. Мы видим свое тело как становящуюся совокупность знаков. Например, говорят: вы вдруг ощущаете тепло. Здесь это связано с тем, что мы начинаем различать/наблюдать по Спенсеру-Брауну, себя и не-себя. Такова игра различений. Возникает ощущение тепла в ноге. Тепло поднимается выше. То есть, мы производим операцию означивания и восстанавливаю коммуникацию самими собой. И такая коммуникация уже есть. Природа, в принципе, и создала нас как коммуникативные организмы. Гены, молекулы – не просто какие-то физические сущности, они – знаковые сущности. Будучи вовлеченными в наш организм, они что-то значат. Отсюда от-

⁷⁴ См. Минделл А. Квантовый ум. Грань между физикой и психологией – М.: Лао цзы пресс, 2011.

крывается ход к распределенной телесности и, одновременно, к лебницевской вселенной, к монадологии. Можно сказать, что тогда мы субъективируем электроны. Электрон – это тоже субъект, а не только объект. Мы с ним должны как-то коммуницировать. И здесь переключка: эко-семиотика распространяется на космотехнику. Происходит такой скачек, о котором пишет Юк Хуэй. И это, собственно, называется «мышление-с». Не мышление, нацеленное на управление и покорение, а мышление нацеленное на совместное деяние. Это не гуссерлевское «мышление-о», а «мышление-с».

Такой тип мышления, конечно, сетевой, но он же и квази-иерархический. То есть, все время предполагается трансценденция. А сеть наблюдателей второго порядка, которая преобразуется, согласно Апелью, – это и есть трансцендентальный субъект.

Здесь встречаются кибернетика, синергетика и семиотика. Контакт этих трех трансдисциплинарных дискурсов весьма важен. Каким образом они встречаются? Кибернетика вносит в семиотику идею положительной и отрицательной обратной связи. Рекурсивность – это обобщенное понятие обратной связи. Когда динамика, процессуальность, кольцевая причинность соединяются в семиотическим мышлением, к ним присоединяется синергетическое мышление. Все это образует сборку, которую мы называем наблюдателем киберрекурсивной Сложности. Наблюдатель сложности – это активный перцептивный агент, находящийся в некой среде, а точнее, в ситуации сенсорно-моторного контакта с ней. Мы не можем его мыслить, не фокусируясь на таком контакте как рекурсивно пересекаемой подвижной границе. С другой стороны, среда является семиотизированной, освоенной этим агентом. Она – умвельт по Иксюлю, открывшему функциональный круг – предшественник кибернетики. Идея динамического функционального круга как генеративного начала того, что называется умвельтом. Актор находится в семиотизированной освоенной среде, в названной, означенной среде. Но с другой стороны, эта среда открыта. Семиотизированная среда освоена, названа, обозначена в языке, но она контактирует с чем-то молчаливым, неназванным, необозначенным. Здесь все время рекурсивно возникает идея контакта. И одновременно то, что Луман называет ситуацией «двойной контингентности» В фокусе внимания мы должны держать указанное ранее in-between. Важен фокус осознаваемого внимания. Когда мы фиксируем внимание на различии, на контакте среды и системы, это же внима-

ние, одновременно, должно быть темпорально организованным. Наблюдатель сложности является и наблюдателем времени. Он – наблюдатель, наблюдающий определенным образом, сопрягая «здесь и теперь». Он находится на границе «здесь и теперь», но в его осознании (гуссерлевский ход) соединяются прошлое, настоящее и попытка заглянуть в будущее. Такой временной гештальт существует, ибо он связан с тем, что называется предвосхищение. Такой процесс предвосхищения заложен в нашей сенсомоторной активности. И в этом месте нашего рекурсивно организованного нарратива мышления-вместе-сложностью как абдуктивно ориентируемого креативного процесса можно выдвинуть гипотезу, резонансно сформулированную Джей Беннет: «Я хочу вывести на свет то, что обычно остается в тени: материальную агентность или действенность не-человеческих и или не только не-человеческих вещей. Я попробую приготовить блюдо из остатков антропоцентрической политической теории. Поступая таким образом, я принимаю на себя весь груз обвинений в перформативном противоречии; разве не человеческий субъект, в конце концов, развивает теорию пульсирующей материи (в оригинале – вибрирующей материи [vibrantmatter] – В.А., Я.С.). Мой ответ – да, и нет, и я покажу, как то, что поначалу может казаться перформативным противоречием станет рассеиваться, как только мы пересмотрим привычные понятия материи жизни, Я, личного интереса и агентности»⁷⁵.

Конечно же, абдуктивно ориентированная гипотеза витальности материи порождает множество трудных проблем, касающихся процессов натурализации семиотических процессов, «природной» онтологии процессов семиозиса. Насколько этот семиозис связан с человеческой культурой, человеческой деятельностью. Насколько процесс семиозиса имманентен биологическим процессам, органоподобным процессам, и насколько эти процессы характерны для неживой природы. Сам Пирс был привержен идее пансемиотизма: вся его Вселенная буквально пронизана, пропитана знаками. Тут недалеко до сюжетов панпсихизма, самосознающей вселенной, частью которой мы являемся. Другой аспект возникающей (становящейся) «здесь и теперь» проблемы постгуманизма и постантропоцентризма в эпоху антропоцена связан с процессом возникновения на нашей Планете зачатков искусственного интеллекта как эволюционно закономерного результата синергетической конвергенции множества технологических

⁷⁵ Беннет Дж. Пульсирующая материя – Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 9.

процессов, ведущих к формированию новой цифровой среды обитания человека.

Постгуманизм в оптике мышления-вместе-со-сложностью

Главный пафос постгуманизма – отказ от антропоцентричности, о чем красноречиво говорит приведенное выше высказывание Серра. Отказ от лозунгов: человек – царь природы, человек покоряет природу. Постгуманизм, с точки зрения сложностного мышления, – это переход к многосетевой, многоцентральной ситуации коэволюции. Человек не исчезает, он остается одним из узлов распределенной акторно/агентной, сетевой активности. Но при этом он признает когнитивную активность и за животными, и, может быть, за растениями – с позиции гиперзоолоизма или панпсихизма, когда мы наделяем все свойствами живого или органоподобного. И постольку мышление-вместе-со-сложностью может мыслиться так же как связующее (сетевое) мышление «между» трансцендентальным субъектом и трансцендентальным объектом, между порядком и хаосом, органическим и неорганическим, живым и неживым, человеческим и нечеловеческим, между органицизмическим и механизмическим мышлением (мировоозрениями), оно конституирует становящееся киберпространство пространство коэволюции человека и машины; пространство обитания органологии. Об этом, ссылаясь на Симондона, красноречиво говорит Юк Хуэй:

«Симондон, опираясь на органицистскую и органологическую концепцию, которую он называет механологией, пытается сначала решить проблему отчуждения, вызванного неправильно понятыми отношениями человека и машины, а затем преодолеть антагонизм культуры и техники. Возможно, когда Симондон говорил о культуре и технике, он имел в виду лишь западные общества. Однако мы должны развить его мысль и попытаться понять, что именно поставлено сегодня на карту в других культурах, охваченных процессом глобализации. Органология не сводится к освоению машины посредством придания ей новой цели, поскольку она представляет собой еще и теорию, укорененную в исследовании эволюции машин. Механология Симондона нацелена на реорганизацию технических ансамблей ради решения проблемы отчуждения посредством внутреннего резонанса (один из терминов, использовавшихся Симондоном в качестве синонима обратной связи) ... Органицизму и органологии, развитым из понятия

органического, постоянно бросает вызов техническое развитие. Сегодня мы стали свидетелями перехода от организованного неорганического к организующему неорганическому, то есть машины больше не являются просто орудиями или инструментами, скорее это гигантские организмы, в которых мы живем. Во времена Шеллинга (а позже Хаттона и Лавлока) природа считается гигантским организмом, частью которого мы являемся. Однако сам этот термин “всеобщий организм”, приписываемый природе, понятой как источник контингентности, вероятно, лучше подходит для обозначения технологической системы, в которой мы обитаем сегодня, то есть, например, для умных домов, умных городов или же антропоцена. И правда, мы наблюдаем формирование “искусственной Земли”, живем внутри постепенно зарождающейся гигантской кибернетической системы, и в этом как раз и заключается наше современное условие философствования». ⁷⁶ Философствования вместе со сложностью, добавим мы.

Органология – это то, что опосредованно соединяет механицизм и органицизм. В органологии искусственная жизнь, искусственный интеллект пока не реализованы, но могут реализоваться.

Парадигма сложности – повторим еще раз – связующая, а не разделяющая, парадигма. Мы работаем с симбиозами. Человек всегда был постгуманным. Постгуманизм можно найти и в Библии, и у Шекспира и т.д. И мы не то, чтобы открываем что-то новое, мы открываем новую оптику процессов мультимодального полиокулярного наблюдения/контакта с космологическими процессами эволюции.

А если говорить о связующем характере сложностного мышления, то оно имеет интенцию к тому, чтобы подключить все эти оптики, чтобы они работали. И желательно воспитать в себе способность к различению того, где какая оптика годится, для решения какой задачи: социальной, технической, психологической и т.д.

В биологии одна оптика, в физике – другая. Но они не изолированы друг от друга. Между ними есть зоны смежности, зоны структурного сопряжения, семиотических швов и т.д. Именно в этих зонах существует сложностное мышление. В них оно заявляет о себе.

⁷⁶Юк Хуэй. Рекурсивность и контингентность – М.: V-A-C Пресс, 2020. С.45,46

Поскольку постгуманизм критичен, постольку он настроен скорее на конъюнкцию, нежели на дизъюнкцию.

Постгуманизм реформирует и эпистемологию. Ведь постгуманизм – это, в том числе, и преобразование человеческой телесности: не замена нашего биологического тела чем-то другим, а некий симбиоз. В плане эпистемологии, следы такой трансформации фиксируются в современных когнитивных стратегиях, известных как стратегии 4Е. Здесь происходит реабилитация того, что называют бессознательным, интуитивным. Происходит не отказ от рационального познания, а расширение *рацио* в сторону чувственности, техник, относящихся к художественному творчеству. Этот сюжет связан с конвергенцией естественнонаучного и гуманитарного знаний. Сложностное мышление как раз и ориентировано на такую конвергенцию. Сложностное мышление мультитиперспективно. И его ключевая идея, повторим, не столько в том, чтобы умножать когнитивные перспективы, сколько в том чтобы конструировать/находить средства их связывать

В этом новом цифровом контексте с необходимостью возникает вопрос: каким мышление-вместе-со-сложностностью «видит» процесс становления «искусственного интеллекта» и как этот искусственный интеллект может коммуницировать, встречаться с естественным интеллектом, который, согласно выше сформулированной гипотезе может быть присущ витально осмысленной Вселенной, эволюционно породившей познающего ее человека и представляемой в виде множества сопряженных между собой нейроноподобных нейросетей, или самоорганизующихся вычислительных алгоритмов и космических конструкторов?⁷⁷ Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи. Мы ограничимся высказыванием Максима Януковича, одного из активных разработчиков нейросетевого подхода к искусственному интеллекту; высказыванию в контексте его диалога с одним из авторов этой статьи, который созвучен поднятой теме. «На текущей встрече хочу предложить разработку базовой модели. Мы ищем упрощенную, минимальную модель, с которой я хочу начать и затем, усложняя, совершенствовать ее, либо создать правила для самоусложнения, эволюции модели. В прошлый раз мы обсуждали модель сложности. Когда у нас есть неструктурированная потенциальная среда и агент со

⁷⁷ См. Ллойд С. Программируя Вселенную. Квантовый компьютер и будущее науки. – М.: ООО «Альпина нон-фикшн», 2013.

структурой – нейронная сеть, то в результате их контакта появляется новый объект, который мы можем описать понятием сложности. Наблюдая этот объект, мы наблюдаем то, что наблюдает нейросеть, и можем говорить о наблюдателе второго порядка, или наблюдателе сложности. Если среда и объект являются единой системой, мы говорим, что среда наблюдает сама себя, различая себя, создавая рекурсию наблюдателей. На этот раз я хочу показать модели с агентами, когда у нас есть множество агентов в среде, каждый агент получает определенные компетенции, функции, которые затем использует как операции с другими агентами. И агенты воспроизводят себя и создают среду для создания более крупных объединений. И объединения становятся новыми агентами со своим набором функций и правил взаимодействия...»⁷⁸

Да, действительно, мы упрощаем. Мышление-вместе-со-сложностностью – это, в том числе, и искусство редукции сложности, где сама сложность всегда играет роль активного фона «по ту сторону» уголка Спенсера Брауна. Оно функционирует на градиентах сложности. Никто не отрицает необходимости упрощения. Но эта необходимость редукции сложности ставится под рефлексивный контроль процесса осознания *неизбежности* сложности. Мы исходим из того, что сложность трансцендентна, она по ту сторону уголка Спенсера Брауна, но она имплицитно населена виртуальными знаками, как некими потенциями, динамическими потоками, имплицитными голодвижениями в смысле Д.Бома.

В контексте сказанного имеет смысл еще раз процитировать Юка Хуэя как образец нашего понимания мышления-вместе-со-сложностностью, как мышления «между», как трансдисциплинарного, постнеклассического процессуально становящегося «мышления-с»:

«Используя понятия рекурсивности и контингентности, мы надеемся представить общий историко-критический обзор теоретизации органического в философии, ставшей основой для двух важнейших направлений мысли XX века — органицизма (включающего в себя экологию и кибернетику) и органологии. Мы попытаемся показать, что необходимо снова обратиться к понятию органического и заново прояснить условие философствования в перспективе «становления органическим», к которому в планетарном масштабе перешли цифровые машины, или же в перспективе того, что Пьер Тейяр де Шарден назвал “точкой

⁷⁸ Личное сообщение.

Омега”, или “конечной точкой ноосферной рефлексии”. Это условие заставит нас по-новому осознать напряжение между системой и свободой, тематизированное немецкими философами-идеалистами. Хотя в большинстве своем они почти не обращали внимания на промышленную революцию, немецкий идеализм привел, как известно, к экономико-материалистической критике Карла Маркса. Мы попытаемся осмыслить постоянно растущую детерминированность технических систем, ставшую результатом новой волны индустриализации, подгоняемой искусственным интеллектом, машинным обучением и всевозможными технологиями надзора, а также движимой трансгуманистической идеологией, желающей преодолеть границы человеческого и политического. Чтобы развить эту гипотезу, нам предстоит совершить длинное путешествие, блуждая по театру разума». ⁷⁹

Завершая наше путешествие по театру сложностной постнеклассической рациональности вместо заключения еще раз рекурсивно суммируем все сказанное выше по поводу мышления-вместе-со-сложностью. Оно сфокусировано на том, что лучше всего можно было бы назвать как конструктивно-процессуальный сетевой и трансцендентальный мультиперспективизм, ориентированный на ирредукционистских поиске/конструировании коммуникативно-семиотических связей между разными перспективами, точками зрения по Делезу-Лейбницу. Такое мышление меж- и транс-дисциплинарности направлено на то, чтобы не редуцировать перспективы к какой-то одной, а связывать их посредством например семиотических средств математической теории категорий, теории мотивов, алгебраической топологии. Знаки – это опосредования, посредники, сетевые линки. Знак – не просто инструмент для создания смысла и означивания, а то, что связывает нас с другими. То есть, знак имеет коммуникативную природу. Он интенционален и является инструментом создания смысла.

Здесь и теперь мы сталкиваемся со сложностно ориентированными (коварными) проблемами. Например, проблема изменения климата, когда человек является соучастником эволюции геологических и биосферных процессов. Ключевое значение для мышления-вместе-со-сложностью имеет синергетическая перспектива или, точнее, пучок, связка, множество таких синергетически ориентированных перспектив.

⁷⁹ Юк Хуэй. Там же – С. 19,20.

Синернетика фокусируется на процессах, в том числе и на процессах восприятия, наблюдения как процессах распознавания и конструирования образов. ⁸⁰ Синергийный контакт – это контакт, когда мы запускаем самоорганизующиеся процессы и живем в них, когда мы живем в гештальтах, в восприятиях. Все это исследование нацелено на проблемы сотрудничества для решения сложных проблем.

Но изначально «здесь и теперь» не столько решает проблемы, сколько дает возможность их опознавать, осознавать, видеть-чувствовать-ощущать.

Внешняя среда мыслится как гераклитовский поток или голодвижение по Бому. Это – фон, интра-активный контакт, порождающий смыслы, знаки-фигуры, гештальт-фигуры. Они возникают как процессы самоорганизации, как возникновение автопоэтических единств в смысле Варелы и Матураны, причем существование границ между ними и их окружением предполагает возникновение функции семиотического наблюдателя, как актора/агента, распределенно существующего в среде витальной материальности.

Следуя принципу рекурсивности, повторим еще раз. Для нас мышление вместе-со-сложностью – это мышление на темпоральной границе порядка и хаоса, их креативного коммуникативно-семиотического взаимодействия. Оно становится в контакте с кибернетическим мышлением второго порядка и квантовым мультиверсумом Эверетта-Уилера. Сложностное мышление воспринимает хаос как процесс, как потенциальную основу (Ground по Пирсу), фон, на котором актуализируется самоорганизованная сложность.

И, наконец, последнее и может быть, самое важное. Мышление-вместе-со-сложностью – это мышление, этически нагруженное ответственностью относительно возможности коммуникативного, intersubjectного контакта. Оно содержит в себе эмпатическую интенцию на возникновение совместного понимания. И на эту возможность эмпатического подключения читателя как участника диалога по поводу мышления вместе-со-сложностью собственно и был ориентирован данный текст.

⁸⁰ См. Хакен Г. Хакен-Крель М. Тайны восприятия. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

2.2. Вызывая эпоху... (За столетие до Френсиса Бэкона и Рене Декарта: испанские мыслители XVI века у истоков Нового времени)

«Да, да, я ясно это вижу: титаническая общественная деятельность, могучая цивилизация, великая наука, великое искусство, великая индустрия, великая мораль, а потом, наполнив весь мир этими великолепными плодами человеческого трудолюбия, огромными фабриками, дорогами, музеями, библиотеками, мы в изнеможении свалимся у подножья всего этого, и останется только спросить: для кого все это? Человек для науки или наука для человека?»⁸¹

«Вчерашний день надо искать в сегодняшнем, ибо вчерашняя пыль породила сегодняшнюю грязь»⁸²

Следуя общему названию книги, в которое вынесено понятие «антропомерность», проясним чему будет посвящено рассуждение в данном рассуждении обоснуем выбор материала. Это важно, потому что обоснование выбора, как и сам материал, являются неотъемлемой частью высказываемой идеи и предлагают своего рода временную «оптику». Через понятия эпох - «завтра», «сегодня» и «вчера», антропомерность предстает своего рода критерием того, каким образом человек, примеривает на себя «мир», и как пытается соотносить (приспособить или примерить) себя к «миру». Здесь слово эпоха, употребляемое в его первоначальном значении (Эпоха от греч. ἐποχή — «остановка») подходит как нельзя лучше. Постараемся «остановить» мысленный взгляд на моментах перехода: вступления в эпоху, в которую живем и возможного выхода из нее (согласно определению «эпохи» как – «длительного периода, выделяемого по каким-нибудь характерным явлениям, событиям»). Таким, характеризующим эпоху явлением, представляется техногенный период развития европейской цивилизации, принявший к настоящему времени глобальный, планетарный харак-

⁸¹ Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни / Перевод с испанского, вступительная статья и комментарии Е.В. Гараджа. – К: Символ, 1996. С.35

⁸² Мачадо, Антонио. Избранное: перевод с испанского. М., В. Столбова. Художественная литература, 1975. С.235.

тер. Будем исходить из того, что «каждый исторический момент имеет свой собственный гуманизм, исходя из которого могут быть высвечены новые перспективы гуманистических устремлений идущие из прошлого»⁸³.

В качестве материала для рассуждения привлекаются тексты испанских мыслителей XVI в., которых принято условно назвать медиками-философами. Этих авторов объединяет не только профессиональная принадлежность к практической медицине, но и особое видение мира, философский подход к решению проблем, связанных с осознанием необходимости получения нового знания о человеке: о природе его сознания, способностей, здоровья и болезней в их полноте и взаимосвязи. Внутренний мир человека и внешние воздействия на него рассматриваются в неразрывном единстве; знания которые может получить «разумная душа» о своей собственной природе, следуя девизу древних – познай самого себя – становятся условием для возможности личного участия в работе каждого над самим собой, и своей жизнью. Удивительный факт, сближающий время когда человек с трудом, на ощупь разбирался в анатомическом строении и физиологических функциях своего организма, с сегодняшним днем, когда медицина внедряет самые передовые научные достижения и технологии – насущная необходимость в очередной раз за тысячелетия истории попытаться осознать – что же такое человек. По нашему мнению, моментом, объединяющим эти отстающие друг от друга на 500 лет периоды, является цивилизационный слом на этапах вхождения и выхода в эпоху. Обозначим их соответственно: «на пороге» и за «порогом» техногенной цивилизации.

Сегодня. Вызовы: практические задачи и философские вопросы

Слова, выведенные в эпиграф, сказаны испанским философом Мигелем де Унамуно столетие назад. Похоже, что то самое время настало, а последней крошечной каплей, лишившей человечество сил, оказался «рогатый коронованный» вирус, отправивший нас на два года в «режим удаленного доступа».

Понятие виртуальной реальности за последние десятилетия на столько прочно вошло в повседневную жизнь, что стало совершенно обыденным. Стремительное вторжение, начиная с начала 2020 года вируса COVID-19 и его последующих модификаций, отправили в «online существование» даже ту часть населения, которая по возрасту и менталитету в обычных (не экстремальных

⁸³ Ramos, Samuel. ElperfeldelhombreylaculturaenMéxico. México, UNAM, 1963. С. 143

условиях) была наиболее консервативной по отношению к достижениям цифровых технологий. В нашем восприятии, прежняя «реальная» жизнь стала видиться более иллюзорной, зато «виртуальная» приобрела вполне реальный осязаемый вес и значение. И хотя на момент написания этих строк нам кажется, что мы опять вернулись в свою прежнюю жизнь, и воображаем, что входим «повторно в одну и ту же реку» – все изменилось. Важно признать, как бы банально это ни звучало, – наша жизнь уже никогда не будет прежней! Мы уже попробовали на вкус иную реальность, и даже начали в ней осваиваться, приживаться. «Пробный шар» оказался удачным.

Виртуальность, т.е. реальность созданная и поддерживаемая с помощью технических средств, органично вписалась в магистральный вектор развития техногенной цивилизации и выглядит как закономерный итог последних столетий. В стремлении повысить качество жизни, ставились *сугубо практические цели*, связанные с облегчением и улучшением условий, повышения ее комфортности. Опасность кроется в том, что мы можем получить и получаем непредсказуемые, неожиданные последствия. Рукотворная реальность, угрожающая выйти из под контроля человека, формирует *вызовы и угрозы* для самого существования своего творца – человека. Превосходство и доминирование «искусственного интеллекта» – одна из вероятных реализаций фантастических сценариев будущего. Сегодня слово *кризис* звучит все громче и громче, мы наблюдаем как он затрагивает все области жизни человека: экономику, культуру, политику, состояние окружающей среды и человеческие отношения. Возникает вопрос: когда «все пошло не так» на пути к лучшей жизни, и можно ли попытаться это исправить? По современной и очень актуальной аналогии, те явления, которые мы наблюдаем сегодня, можно сравнить с аутоиммунным процессом в живом организме. Включается механизм на уничтожение собственных структур и клеток, которые воспринимаются организмом как чужие и враждебные. Современная медицинская практика показывает, что в большом количестве случаев эти процессы обнаруживаются лишь тогда, когда сделать уже ничего нельзя и летальный исход – дело времени и возможностей поддерживающей терапии.

Возможно достойные *ответы* и *выходы* могут быть найдены если мы продолжим задавать и решать вечные философские вопросы: *как возможно из неживого создать живое; откуда и из чего возникают разум и сознание; не одушевленное получает душу, возможно бессмертную, какова сущность чело-*

века и его место в мире и как человеку ко всему выше перечисленному, включая себя самого, относиться и что с этим делать?

Мы принимаем как неоспоримый тот факт, что в результате следования нашей цивилизации по пути техногенного развития, оказались в уникальной исторической ситуации. В то же время, все говорит о том, что не было в истории эпохи когда бы «мир не рушился» илучшие умы всегда старались осмыслить и найти решения, в соответствии со своим миропониманием и уровнем знаний. Сегодня в очередной раз перед человечеством стоит жизненно важная задача – не погибнуть, возможно вместе с планетой, или же не угаснуть медленно, как это было с нашими предшественниками – известными и неизвестными.

Один из возможных путей – отыскать в недрах (не только настоящего, но и прошлого) своего цивилизационного существа-организма, ресурсы способные остановить, ставший в последние десятилетия стремительным, процесс ведущий к самоуничтожению. Возможно тогда мы сможем не только затормозить его, но и выйти на более высокий жизненный уровень. Обнаружение в истории мысли и возвращение к жизни, уже предлагавшихся ранее возможных решений этого комплекса вопросов, внутри самого человека исообразных его природе, но с учетом современного уровня научного знания и сопряжение их с современными технологиями может позволить человечеству не только пережить современную кризисную ситуацию но и выйти на новый этап развития, не утратив своей человеческой природы сущности. Последние десятилетия можно наблюдать, как изначальное благое устремление и намерение, доведенное до абсурда, в погоне за бесконечными улучшениями, превращается в свою противоположность. Одной из причин может быть то, что люди, в безудержном стремлении к желаемой цели, утрачивают понимание собственного естества, и ценностей, поддерживавших их в предыдущей истории, и тогда приходит идея о необходимости трансформации самого человека, что бы привести его в соответствие с той реальностью, которую он сам сотворил. В этом случае, уместны слова Стефана Цвейга: «забывчивому человечеству всегда надо напоминать, как раз о самых общечеловеческих требованиях, хотя бы они и провозглашались бесчисленное количество раз всеми религиями и проповедниками мудрости».⁸⁴ Откуда их черпать, мы должны ответить сегодня, если хотим, что бы состоялся тот

⁸⁴Цвейг С. Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина // Цвейг С. Очерки. М., «Советская Россия», 1985. С.466.

редкий момент в истории человеческой цивилизации, когда «здесь и сейчас» осознанно пересечется с вчера и завтра, и главное – что бы завтра для человечества все же наступило.

По мнению В.С.Степина «Обострение глобальных кризисов выдвигает проблему поиска новых стратегий развития. Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации, такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному».⁸⁵ Разумно предположить, что если кризис связывается, в том числе, с утратой гуманистических принципов и идеалов, то возможность его преодоления и выживание человечества необходимо предполагает их усиление. Тогда, реальным может стать желаемое: право адаптированное к природе человека, техника, облегчающая жизнь, медицина эту жизнь спасающая и продлевающая, и образование, способствующее умственному и духовному и физическому развитию.

Реальную попытку преодоления традиционных границ и расширения поля поиска представляет собой, обсуждение вызова современной - цифровой эпохи с точки зрения различной культурной и цивилизационной ментальности, взятых в различных временных и пространственных, территориальных, культурных, национальных, дисциплинарных или религиозных рамки измерения. Одной из задач может стать поиск нового пути, среди возможных, альтернативных, существующих, или некогда существовавших но продолжающих существовать в явном и неявном виде, в творениях мысли прошлых эпох. Закрепленные и укорененные в «универсалиях культуры», выраженные в многообразии экзистенциальных и познавательных менталитетов, но базирующегося на современных технологических достижениях они имеют шанс на возрождение из небытия. Особенно, если идейной доминантой, было стремление положить в основу социального действия понимание природы человека и природы такого «организма» как человеческая цивилизация.

В.С.Степин считал «сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития, тогда как сценарий

⁸⁵ Степин В.С. Современные цивилизационный кризисы и проблема новый стратегий развития. М., Отделение общественных наук РАН, 2018. С.21.

многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров»⁸⁶.

По мнению А.В.Смирнова «современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея *всечеловеческого устройства мира*. Да, мир становится глобальным смысле своей все-связности, и это не возможно отменить. Но кто сказал, что он должен непременно стать моно-логичным? Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатство проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура «застывает» как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный».⁸⁷

Задача не просто выявить моменты, укорененные в разнообразных культурно-цивилизационных пластах исторической реальности, в которых предлагались различные альтернативные решения и возможности, некогда отвергнутые или отошедшие в тень, а показать, что и в настоящий момент они не потеряли своей жизненной потенциал и заслуживают того, что бы не пропасть совсем. Некогда предлагавшиеся ответы и решения вопросов на насущные проблемы своего времени не потеряли своей силы и значимости и сегодня хотя, разумеется, вызовы ушедших эпох возвращаются к нам видоизмененными. Здесь уместно вернуться к словам второго эпитафия сказанным величайшим испанским поэтом-философом начала XX в. Антонио Мачадо: «Вчерашний день надо искать в сегодняшнем, ибо вчерашняя пыль породила сегодняшнюю грязь». Идущие из прошлого интенции, способны помочь преодолеть возникающие вызовы и риски новой эпохи и могут и выступить сдерживающими моментами, которые не позволят развернувшемуся сегодня процессу тотальной «цифрови-

⁸⁶ Степин В.С. Современные цивилизационный кризисы и проблема новый стратегий развития. М., Отделение общественных наук РАН, 2018. С.22.

⁸⁷ Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое / А.В.Смирнов. — М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2019. С.204.

зации реальности» превратиться в процесс «расчеловечивания или обечеловечивания» нашего мира.

Важно понять, на сколько и как цифровая эпоха может быть адаптирована под различия цивилизационных менталитетов, предлагающих альтернативные варианты и насколько различные цивилизационные менталитеты могут быть адаптированы под цифровую эпоху. Реализуясь только с выходом в реальность действительную - «на поверхность» виртуальность обретает действительное существование и живет благодаря ее потребностям и запросам, хотя «поверхность» не однородна, не смотря на происходящие на ней глобальные процессы. Временные, территориальные, культурные, национальные, дисциплинарные или религиозные границы не столько стираются, сколько становятся прозрачными и доступными для взаимопроникновения различных способов миропонимания. Философская составляющая, как в логико-аналитическом, так и в образно-метафорическом выражении, может выступать как одна из вневременных, поликультурных и междисциплинарных основ, делающих возможным межкультурную коммуникацию не только в пространственно – территориальном формате, но и понимание и передачу смыслов формата временного - между прошлым настоящим и будущим.

Вчера. Ответы: прошлое перед нами

«Память – основа индивидуальной личности, так же как традиция – основа коллективной личности народа. Мы живем в воспоминании и благодаря воспоминанию, и наша духовная жизнь есть, в сущности, не что иное, как стремление нашего воспоминания длиться и превращаться в надежду, стремление нашего прошлого превращаться в будущее».⁸⁸

Наш т.н. европейский менталитет, образный или рациональный, привычно представляет исторический путь человеческой цивилизации, да и жизнь каждого человека как некую дорогу – метафора пути возможно одна из самых распространенных, понятных и ясных. Путь, дорога должна быть перед глазами: просматриваться, просчитываться. И мы с легкостью себе это представляем, хотя с определенностью можем видеть только то, что уже свершилось, будущее - бесчисленное количество вероятностей, которые неизвестно как реализуются. Как попытаться представить себе это наглядно? Много ли вы видели

⁸⁸ Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни. С. 32.

людей реально идущих спиной вперед? Разве что играющие дети ... Можно представить себе что мы идем именно так и видим перед собой прошлое, ведь будущего еще нет, видеть мы его не можем и поэтому оно у нас за спиной. А еще лучше избавиться от аналогии с человеком, идущим по дороге, просто принять, что мы можем видеть только то, что уже совершилось, переместилось во времени, стало прошлым и мы можем его исследовать. Вот так и с будущим – мы думаем, что оно перед нами, впереди и воображая его мы наивно полагаем, что мысленно продумав и просчитав, уже делаем его реальностью, творим ее, а дальше – приходится жить и в том что натворили, исправлять ошибки, неверные расчеты и ложные представления. В настоящем можно наблюдать каждый последующий фрагмент проживаемой жизни. Даже если наши чувства открыты, разум имеет способность рассуждать и делать выводы, единственно действительно «истинное» перед нами это то, что уже свершилось, и продолжает свершаться каждое мгновение «здесь и сейчас». Что достоверного мы можем сказать об эпохе которую называем «завтра»? Любое «завтра» находится «по ту сторону» истины, зато позволяет дать волю воображению.

Раз прошлое всегда перед нами (или же впереди нас) – мы его можем видеть. Специфическая черта исторического наблюдения – «познание всех фактов человеческой жизни в прошлом и большинства из них в настоящем должно быть, по удачному выражению Франсуа Симиана, изучением по следам. ... Что понимаем мы под словом «источник», если не «след», т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас не доступен?»⁸⁹ Эпоха «завтра» нуждается в сборе и поиске мелких деталей и знаков-следов ничуть не меньше чем эпоха «вчера» или «сегодня». Человек склонен приписывать возникновение и существование этих фатальных мелочей высшим силам (дьявольским или божественным, в зависимости от результата), способных обрушить всю рассчитанную конструкцию. Не так важно, закономерна ли эта мелочь, просто не учтена, или же она случайна или привнесена т.н. человеческим фактором.

Направление нашего поиска указано В.С.Степиным во введении к «Истории и философии медицины»: «То, что не вошло в мейнстрим научного развития на одном этапе, может быть оценено не последующих этапах эволюции науки. Идеи, даже казавшиеся маргинальными, могут получить новую интер-

⁸⁹ Блок, Марк. Апология истории. / Марк Блок; [перевод с французского Е.Лысенко]. М.: изд-во АСТ, 2020. С.70.

претацию, которая выделит в них элементы истинного знания и включит эти элементы в новый мейнстрим ...Адресованные будущему философские идеи транслируются в культуре часто на протяжении многих столетий. Процесс трансляции философских идей не просто сохраняет их в первозданном виде, а модифицирует, адаптируя к состояниям новой культурной среды. Ранее выработанные идеи переформулируются в новом философском языке, и в этом процессе появляются их новые характеристики. Трансляция философских идей в культуре не исключает таких ситуаций, когда переосмысление ранее сложившихся философских категорий не только обогащает их новым содержанием, но и может приводить к утрате идей, которые не адаптируются к ценностям новой культурной среды. Однако эти идеи могут оказаться важными для последующих исторических эпох».⁹⁰

Важно применительно к конкретному текстовому материалу посмотреть, что из предлагавшихся идей вошло, явно или не явно в магистральный поток науки, а что было отправлено на периферию, но все же заслуживает научного «возрождения». С каким багажом европейская цивилизация переступила порог своего традиционного, «привычного дома» и по какой дороге отправилась в грядущие пять столетий переосмысливается и описывается, наверное, каждым поколением историков различных областей и направлений мысли. Создан достаточно устойчивый «мыслительный корпус», основанный на мнениях, той или иной степени достоверности или предвзятости, который со временем сам становится достоянием мысли и объектом изучения для следующих поколений исследователей. К сожалению, или к счастью –мнения на то они и мнения, что зачастую могут быть ошибочными. Транслированные и повторяемые десятилетиями, или даже столетиями они приводят к устойчивым предрассудкам, которым подвержено как обыденное, так и научное сознание. Всегда можно по попытаться увидеть те «следы», которые еще «не до конца затоптали» любители очевидных общепринятых истин.

Мера

Развивая науки о природе и формулируя естественные законы человек научился измерять скорость, вес, температуру, давление, силу гравитации тя-

⁹⁰Степин В.С. История науки как наука. Введение // Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. Научные революции XII-XIX веков. Академический проект, 2017. С.16.

жести, света, кажется, всего на свете! Раз мы говорим о «человеко-мерности», то и у нее должна быть и единица измерения. В чем можно измерить и выразить отношение человека к Богу, к самому себе, к другим людям, к животным, к природе, к своему месту в мире при жизни и после смерти... наверное этот ряд можно продолжать до бесконечности. Что можно считать единицей измерения гуманности? И если, как было сказано «каждый исторический момент имеет свой собственный гуманизм», то чем можно его измерить и как возможно сравнивать гуманизм разных эпох? Если за тысячелетия человеческой истории не придумали внятной единицы измерения, то остается, разбираться с каждым отдельным единичным случаем, отыскивая в истории человеческих отношения и мыслей примеры рассуждений, поступков, ассоциаций и метафор –того, что можно было бы назвать реальным приложением «антропомерности». Мы увидим, что ей пронизано все пространство человеческой жизни и ментальности, от космологических принципов до самых приземленных структур повседневности, а взятая в «оборот» человеческой мыслью она становится предметом философского рассуждения. Даже если «мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того что бы существовать – продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, - им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться»⁹¹

Согласно «вечными утверждениями»: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Протагор); «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Матф. 7.2.). Если первый вписывает человека в процесс-отношение бытия и познания, то второй в процесс бытия и этики или ответственности. Единственно верный способ узнать кокой должна быть эта «мера», так же был предложен тысячелетия назад. Он не исчерпан и сегодня так же актуален. Он звучит – «*Nosce te ipsum*» – познай самого себя!

Каждая эпоха, набирая силу стремлениями и стараниями людей, одновременно разворачивает перед человеком, как увеличивающиеся количество возможностей, так и стремительно растущее количество проблем и вопросов, при этом нерешенные накапливаются и переходят из эпохи в эпоху и даже «живут собственной жизнью» подпитываясь от знания, идущего магистральным путем развития. Одним из основных параметров сопоставимости различных

⁹¹Блок, Марк. Апология истории. / Марк Блок; [перевод с французского Е.Лысенко]. М.: изд-во АСТ, 2020. С.25.

эпох, можно назвать различные аспекты, связанные со способом передачи и хранения информации: устные традиции, различные материальные носители, письменность, книгопечатание, цифровизация... Онине только влияли на все возможные сферы человеческой жизни, приводили к кардинальным цивилизационным изменениям, но и вызывали существенные изменения в отношении к комплексу тех философских вопросов, центром которых всегда являлся человек. Вот и сегодня мы наблюдаем как цифровые реалии меняют способы коммуникаций, преображают науку, общество и трансформируют сознание, и мы задаемся вопросом: сотворили ли мы собственного убийцу или нашли выход на «новый уровень», и как это сопрягается с природой человека?

Среди афоризмов Френсиса Бэкона об истолковании природы и царстве человека читаем: «Хотелось бы еще показать силу, достоинство и последствия открытий; а это обнаруживается нагляднее всего на примере тех трех открытий, которые не были известны древним и происхождение которых хотя и недавние, однако темно и лишено громкой славы, а именно: искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Ведь эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира, во-первых в деле просвещения, во-вторых в делах военных, в-третьих в мореплавании. Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения».⁹²

Предшествовавшие цифровым технологиям способы хранения и передачи информации, по-прежнему во многом остаются значимыми для человечества. Истинный смысл и значение запечатленных в них «реальностей» и по прошествии пяти столетий остается актуальным и прорастает через всевозможные границы и рамки. Это художественно-образительный ряд, духовные и религиозные практики, особая образно-концептуальная форма философствования которая не является для европейской цивилизации доминирующей, а более развита в восточных культурах, в русском, и если говорить о Европе, то в испанском менталитете представленном христианско-мистическим и литературно-философским направлениями, что сближает его с русской философской мыслью. Можно считать, что Дон-Кихот – первая из описанных в истории «жертв»

⁹²Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. Изд. Е. 1. Сост., и общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. М., Т.2. С.78.

реальности, созданной человеческим воображением. Его житие и бытие типичный пример реальности «гибридной», где значимо и взаимопроникаемо воображаемое и действительное.

Выбор материала. Место и время

В области истории мысли границы всегда размыты. Переживание, осознание и понимание того что произошла кардинальная смена всегда требует времени, но мы можем их обозначить, осознано, выбрав определенное значимое событие и условно приурочить к нему начало эпохи. Имена-символы эпохи приходят и закрепляются в научном и массовом сознании в процессе соответствующей рефлексии. Новое Время – наше хорошо обозримое вчера, эпоха торжества научного знания, веры в безграничные возможности человека, творца своего светлого будущего, основанного на научном знании и технических достижениях. - безусловно эпоха Декарта и Бэкона.

Наш интерес в том, что бы обосновать и понять когда, где и кем была вызвана к жизни эпоха, основной ценностью и доминантой которой на несколько столетий вперед стал поиск и получение нового знания. Хочется верить, что удастся подтвердить гипотезу о том, что среди тех идей что были высказаны и транслированы в новое, еще грядущее время, даже если они отправились «витать в воздух» были и такие, время которых, на тот момент, еще не пришло. Оказавшись потерянными, или отброшенными, как второстепенные на периферию, они ждут своего часа укрытые в текстах забытых, не известных большинству авторов. Задача отыскать преданное забвению, но сохраненное знание, вывести на новый уровень – «подтянуть» сообразно тем областям науки, которым удалось сделать рывок и совершить прорыв в будущее.

Условная точка геолокации поиска «забытых идей» – Пиренейский полуостров – выбрана не случайно. В ней сходятся множество факторов с одной стороны типичных для своего времени, а с другой, уникальных с точки зрения исторической насыщенности, а потому показательных. «Находясь между Африкой и Европой, между океаном и средиземным морем, Иберийский полуостров становится перекрестком, местом встреч. Да, это чрезвычайно запруженный перекресток, почти препятствие. Однако он остается местом встреч различных эпох, людей и цивилизаций, которые сходятся здесь лицом к лицу и оставляют

свои следы».⁹³ Кроме того, именно из этой точки начинается процесс реальной глобализации, вначале географической, а затем и культурно-цивилизационной. То, что мы называем европейской рациональностью «сварено» именно в этом котле и на этих «дровах». Следы, о которых говорит Пьер Вилар, подвергались физическому уничтожению в бесконечных войнах, социальных и природных катаклизмах вместе с уникальными рукописными творениями хранящими античную мысль, а порой просто предавались забвению за ненадобностью. Порой же приоритетом становились иные, буквально жизненные ценности. Каким образом попадали в интеллектуальный оборот достижения мыслителей прошлого, в то время как «мир рушился» в очередной раз? Жизнь фактически «обнулялась» и все приходилось начинать заново. Возможно только благодаря тому, что находились отдельные подвижники, личности, осознававшие, что «насухным» бывает не только хлеб, но и мысль и ее плоды, человеческая цивилизация выжила и осталась человеческой а не скатилась по обратному пути эволюции в варварство, а затем и к популяции млекопитающего – Homo erectus!

Для изучения знания, основанного на авторитете предшественников, (не важно, привлекаются чужие утверждения в качестве аргумента в поддержку высказываемого мнения, или же приводятся доводы его опровергающие) каким безусловно является европейская рациональность и по сей день, огромное значение имеют сведения, говорящие о происхождении и содержании используемых источников. Нет необходимости доказывать, что тексты Платона или Аристотеля или Галена, упоминаемые учеными разных эпох, могут сильно отличаться, как от изначальных первоисточников, так и от тех, которыми имеем возможность пользоваться мы. Для рассматриваемой темы важно, хотя бы схематично показать, какими путями и через какие фильтры были пропущены идеи античного наследия, с которыми спорят или соглашаются интересующие нас авторы.

Великолепный образец решения задачи анализа процесса по которому происходила передача знаний, накопленных в одном пространстве (культурном, языковом, временном) в иное пространство (инокультурное, иноязычное, иновременное), представлен в работе Поля Лемерля «Первый Византийский

⁹³ Вилар, П. История Испании / Пьер Вилар; пер. с фр. И. Борисовой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. С.10.

гуманизм».⁹⁴ «Обрисовывая тему своей работы, Поль Лемерль отмечает, что византийские гуманисты XIII – XV столетий, стоявшие у истоков западного возрождения, пользовались рукописями античных авторов, переписанными в Византии VIХ – X веках, – и они ничего не смогли бы сделать, если бы за несколько столетий до них ученые предки “не собирали бы страстно, не спасали бы и не истолковывали то, что сохранилось бы от наследия древней Греции” ... именно тогда, на рубеже тысячелетий, решалась судьба всего античного наследия: “все едва не погибло, а многое действительно погибло; то, чем мы обладаем, было спасено в IX – X веках в Византии и Византией”».⁹⁵ Это один – «прямой» путь. Второй – из Византии через Сирию к арабам, далее через Пиренейский полуостров, где как ни в одной европейской стране, на протяжении многих веков, не сосуществовали в таком тесном контакте как в Испании, три культуры, со всем их наполнением, от повседневной жизни до высочайших научных и религиозно-философских образцов мысли: мусульманская, иудейская и христианская. Сосуществовали и три теологии, которые «получили своего ограниченного Аристотеля через александрийский неоплатонизм, поэтому во всех трех наиболее существенным было влияние Плотина и его учеников... По своей сути мусульманская и иудейская могут считаться испанскими, благодаря Аверроэсу и Маймониду. Христианская была представлена Исидором Севильским, Арагон же может похвастаться именем Раймундо Лулия».⁹⁶ «Знание арабов и евреев бытовало перемешанное с грубыми ошибками, когда в XII в., средствами школы переводчиков основанной в Толедо архиепископом Д. Раймундо и благодаря упорному труду евреев и мосарабов были последовательно переведены философские труды, Авиценны Алгазели, Альфараби, Авицебронна и т.д. ...»⁹⁷. Толедская школа перевода была мостом, по которому античное знание продвигалось в Европу, транслируемое через арабскую и иудейскую культуры.

С латинским наследием было проще – до начала V в. (вестготского завоевания) Испания являлась Римской провинцией – богатой и процветающей, са-

⁹⁴ Лемерль, Поль. Первый византийский гуманизм Поль Лемерль. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / Вступ. ст. и пер. С франц. Т.А. Сенина (монахиня Кассия). СПб.: «Свое издательство, 2012.

⁹⁵ Сенина Т.А. Спасители эллинизма. О книге Поля Лемерля. Первый византийский гуманизм / Вступ. ст. Поль Лемерль. Первый византийский гуманизм. СПб.: «Свое издательство, 2012.

⁹⁶ Ingenieros José. Lacultura filosófica en España / Obras completas de José Ingenieros. V 18. Buenos Aires. 1957. P. 10.

⁹⁷ Menéndez Pelayo, M. Historia de los heterodoxos españoles. Madrid, 1911. V.I. P.60

мыми яркими представителями романского периода являются несомненно стоик Сенека и гностик Присцилиан, которого считают самым выдающимся еретиком своего времени и проводником восточного влияния на полуострове.

Основой Возрождения становится «информационная вспышка» реализовавшиеся благодаря изобретению книгопечатания, сделавшего знания массово доступными переводческий «бум», в основе которого стремление личностей, действовавших во всех областях теоретического знания и практики, знать и использовать первоисточники, поддерживаемых или опровергаемых идей и авторитетов.

XVI в. – Золотой Век испанской культуры – растиражированное название эпохи, которую можно назвать особой планетой, отдельным миром, настолько разноплановым, что, погружаясь в него, можно попадать из одной реальности в другую и с удивлением обнаруживать, что в «действительном прошлом» все эти события, личности и их творения рождались и жили в одном временном и географическом пространстве»⁹⁸ О нем можно сказать, что это был «Великий Разлом» - век парадоксов и противоречий, блеска золота и нищеты, побед и поражений создания непревзойденных произведений интеллектуальной и художественной мысли и уничтожения чужих культур.

К началу XVI в. европейская цивилизация стояла на пороге техногенного этапа своего развития. И если сегодня возник вопрос о том, сможет ли она с достоинством перешагнуть его «на выходе», и не просто выжить, а перейти на новый уровень не утратив своих положительных достижений, логично было бы обратиться к началу этого пути и обратившись к одному из историко-культурных явлений, внесший свой вклад в дальнейший взлет европейской науки и философии. Факты-следы указывают, где искать многие истоки философии и науки Нового времени, создававшие базу и фундамент для последующих поколений европейской рациональности, хотя от них с легкостью отрекаются или пренебрежительно отмахиваются, его общепринятые представители, не желая признавать открытий, достижений испанских мыслителей. Избавляясь, в последующие столетия от испанского господства, практически во всех сферах жизни экономической, политической, военной, религиозной и даже области моды – в лучшем случае гордо отворачиваются от всего, имевшего ис-

⁹⁸ Бургете Аяла М. Р. Неочевидная очевидность. От загадки авторства к прояснению смысла. // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 1. – С. 215-235.

панские корни, а в худшем развивают и подпитывают «черные легенды» различного толка.

Приведем слова Хосе Мигеля Гуардия, сказанные в конце XIX в.: «Ваши предрассудки обрекают вас на невежество. Вы не читали, вы не умеете читать великих богословов, казуистов, схоластов, математиков, врачей и естествоиспытателей, которые процветали при королевствах Карла V и его сына. ... Ваше невежество заставляет вас искать вовне то, что здесь изобилует. Труды наших мыслителей всех видов предоставили бы достаточный материал не только для истории испанской философии, но и для истории общей философии. Отсюда вышли первые реформаторы учения и философского метода, предшественники, которые показали путь итальянцам, французам, немцам, англичанам и фламандцам».⁹⁹ Предлагая проект исторического восстановления испанской философии, он пишет: «Гомес Перейра, Уарте и Олива Сабукко, единственные, кто, возможно, заслуживает звания философов, рассматриваются как второстепенные персонажи, несомненно, из-за их явно чувственных и эмпирических тенденций».¹⁰⁰

Традиционно этих авторы относят к т.н. направлению медиков-философов, которое, возможно, выглядит незначительным, отброшенным на периферию философии и науки, хотя укоренено в тех же самых глубинных цивилизационных процессах, что и основной поток человеческой мысли и является их неотъемлемой частью. Отвечая на вызовы своей эпохи оно предлагает свой отличный путь, который, используя «дорожную» метафору, можно назвать, своеобразным «дублером» идущим отдельным, параллельным курсом, по мере необходимости сообщаясь с основной магистралью. Его специфика – обращенность во внутренний мир человека и нацеленность на изменения качества индивидуальной и общественной жизни с помощью *научных знаний*, полученных при изучении внутренней природы человека, его сознания, способностей, аффектов, страстей и возможностей.

Если за поздней схоластикой, не смотря ни на что справедливо признается право называться «очевидной, хотя и отрицаемой основой современного ми-

⁹⁹ Guardia, José Miguel. La Historia de la Filosofía en España- Traducido por José Andrés Fernández Leostpara el Proyecto Filosofía en español, diciembre 2006 Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. Paris, mayo de 1890 tomo 29. .P. 471-490 Хосе Мигель Гуардия / История философии в Испании / 1890 (filosofia.org) Дата обращения: 19.05.22

¹⁰⁰ Там же.

ра... , благодаря которой мы можем открыть многие связи между традиционной философией и современностью»¹⁰¹, то от представителей естественнонаучного направления, просто отмахиваются, считая чем-то наивным, устаревшим и давно преодоленным неудержимым ростом и дальнейшим развитием науки. Какими бы ни были причины, объясняющие или оправдывающие эту несправедливость, результат один: обеднение, упрощение и искажение картины этой беспрецедентной эпохи. Задача в том, чтобы во-первых, показать, что магистральное направление потока западноевропейской мысли было намечено как минимум за столетие до Фр. Бэкона и Декарта; во-вторых показать, что наряду с философскими и научными течениями, вошедшими в Новое время в мейнстрим, были обозначены и начали развиваться направления мысли, предлагавшие альтернативные решения многих вопросов.

Медицина уникальная область науки и практики (хотя в то время ее называли искусством), наиболее приближенная к человеку, и не удивительно, что именно она в Испании того времени оказалась проводником, транслятором гуманистических идей и нового научного знания о человеке. Как и в настоящее время, медицина в рассматриваемую эпоху, оказалась точкой в которой сходятся множество важнейших явных и неявных потоков ведущих через человека в будущее. Постараемся ответить на вопрос, или хотя бы наметить пути для такого ответа: что из достижений выбранных представителей указанного направления смогло отправиться в новое время, а что «затаилось» на обочине, укрытым на несколько столетий, или же следовало «дублером» и имеет шанс влиться в мейнстрим. Важно увидеть в контексте Золотого Века реальность, в которой медицинско-философские знания, будучи единым искусством выступали творцами нового человека, выходявшего на полотна художников и говорившего языком бессмертных литературных героев.

В поисках следов оставленных на пороге

Последуем указанию Гуардия, предлагавшему проект исторического восстановления испанской философии, и обратимся к работам Гомеса Перейра, Хуана Уарте и Оливы Сабуко, принадлежавших, как уже говорилось, к направлению, которое обычно обозначают как медико-философское.

¹⁰¹ Gomez Arboleya, F. Francisco Suarez. Granada, 1946. P.4.

Не ставя перед собой задачу полного, систематического изложения их взглядов, ограничимся отдельными моментами, наиболее показательными с точки зрения обозначенных задач. Как уже отмечалось: первая - показать какие новые, важные для новоевропейской науки идеи были предложены и разработаны этими мыслителями, что дает веские основания считать их открывателями нового пути, проложившими дорогу ученым и философам эпохи Нового времени; вторая задача – извлечь из доступных нам «текстуальных следов» факты, менее явные и очевидные, хуже доказуемые, и трудно описываемые, но тем не менее значимые и интересные. Они, по нашему мнению, в том, что в момент выхода на путь техногенного развития, человечество обладало определенным стремлением и потенциалом, отошедшими в дальнейшие несколько столетий на второй план. В их основе понимание неразрывной целостности природы внешнего мира и природы внутреннего мира самого человека – его собственного естества.

Полностью отвлечься от личностей авторов, разумеется, не получится, наоборот, они должны помочь нам разобраться в своих замыслах. «Ведь если я анализирую текст *для того*, что бы проникнуть за текст, в «душу» его изобретателя, «слагателя», то анализ структуры текста должен обернуться пониманием того (или тех), кто ведет эти споры, кто стоит за текстом, того, кто эти тексты создает. Конечно, это будет понимание логическое, реконструкция идеализованная, направленная на то, что бы восстановить некий обобщенный образ творца – не как индивида, но как исторически заданного «микрокосма» «творческой головы», творческого гения определенной эпохи («гения в обычном, и в сократовском смысле слова, в смысле витающего в моем индивидуальном сознании и провоцирующего мою мысль «образа культуры»)»¹⁰²

Задача максимум, в свете обозначенных проблем, подробный и тщательный текстуальный анализ работ вышеупомянутых авторов. Это труд, требующий длительного времени, а изложение его результатов – объема, выраженного в печатных листах книги, возможно не одной. Наша задача – вытащить «проблему из небытия» и лучший способ для этого, предоставить слово самим авторам.

Говорят: «театр начинается с вешалки». Научный труд начинается с предисловия, а в эпоху, о которой мы рассуждаем, любая публикуемая научная работа начиналась еще и с посвящения, или обращения, как правило, к «сильным

¹⁰² Биллер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., Политиздат, 1975. С.83.

мира сего». С уверенностью можно сказать что эти тексты представляют собой вполне оригинальный жанр в рамках научного произведения, зачастую полны подтекста, выявляя и разгадывая который можно отыскать подсказки к пониманию заложенного авторами смысла. Предисловия позволяют авторам проявить свою индивидуальность не только как ученого, но и заявить о себе как о личности, продемонстрировать самооценку и свой литературный талант. Фрагменты предлагаемых читателю текстов приводятся по изданиям, указанным далее в сносках и списках литературы.¹⁰³

Хронологически работы, о которых пойдет речь выходили в следующем порядке: Гомес Прейра «Антониана Маргарита»¹⁰⁴ (1554); Хуан Уарте «Исследование способностей к наукам»¹⁰⁵ (1575); Олива (Мигель) Сабучо «Новая философия природы человека, не известная и не достигнутая великими древними философами, которая улучшает жизнь и здоровье человека. Составленная доньей Оливой Сабучо»¹⁰⁶ (1587).

Гомес Перейра

Книга Гомеса Перейры «Антониана Маргарита, произведение, не менее полезное, чем необходимое, посвященное физическим, медицинским и теологическим темам» во все времена была достаточно редкой и не очень доступной для широкого читателя. Первое издание 1554 г. (известно не более 30 экземпляров во всех библиотеках мира), второе - 1749 г. Работа написана на латыни, большие, переведенные и обстоятельно прокомментированные фрагменты можно найти в работе Марселино Менендеса Пелайо «Испанская наука»¹⁰⁷. Существует единственный перевод на испанский язык, опубликованный в 2000 г. (параллельный текст: факсимильное воспроизведение из 1749 г. и перевод осуществленный Х.Л. Баррейро). Автор перевода считает, что его задача была в том, что бы сделать текст не строго буквальным, а максимально соответствующим по смыслу исходному тексту, облегчив его понимание переводом на со-

¹⁰³Перевод текстов Перейры и Сабучо - *Бургете Аяла М.Р.*

¹⁰⁴*Gómez Pereira. Antoniana Margarita / Gómez Pereira; Trad. José Luis Barreiro Barreiro, Concepción Souto García Transl. y actualización ling. Juan Luis Camacho Liiteras Estudio preliminar y versión al esp. José Luis Barreiro Barreiro. - Repr. facs. de la ed. de 1749. - Santiago de Compostela: Univ. de Santiago de Compostela, 2000.*

¹⁰⁵*Уарте, Хуан. Исследование способностей к наукам. Перевод с испанского языка и комментарии А.И.Рубина. М., Изд. АН СССР. М., 1960.*

¹⁰⁶*Sabuco de Nantes Barrera, Oliva. Nueva filosofía de la naturaleza del hombre y otros escritos. Ed. de Atilano Martínez Torne. Madrid, Editoranacional. 1981.*

¹⁰⁷*Menéndez Pelayo M. La ciencia española (Polémicas, Proyectos y Bibliografía) T. II, Madrid 1887. Buenos Aires, 1947. P.185- 284.*

временный язык *Антонианы Маргариты*. Придерживаясь гипотезы, согласно которой очевидность текста «скрывает» или «маскирует» истинное намерение автора, Баррейро предлагает «правдоподобное, вероятностное» или «подозревающее» прочтение текста, пытаясь интерпретировать *Антониану Маргариту* на основе «предполагаемых» причин на трех уровнях, или в трех измерениях: на основе ссылок в самом тексте; на основе определенных намеков в других источниках; исходя из собственных (автора) обстоятельств или внешнего контекста. Книга имеет необычную структуру – кроме общепринятых посвящений и предисловия на обороте первого листа находится «Перечень», или краткое изложение содержания произведения, своего рода нить Ариадны, очень полезная, чтобы не заблудиться в лабиринте ставящихся автором вопросов. Приведем некоторые из перечисляющихся в нем направлений-тем: специальное исследование относительно наличия души у животных (Brutos); учение о чувствах и ощущениях; учение о понимании и интеллектуальном знании; различие между сущностью и существованием; учение о внутреннем составляющем вещей; учение о различии разумной души и чувств и о бессмертии души, включающее парафраз книги III Аристотеля *De anima*. Далее следует подробный тематический указатель, выстроенный в алфавитном порядке. Он в определенной степени облегчает чтение и представляет собой своеобразный пример авторской «самоорганизации мысли», и «самопонимания», функция с которой в цифровую эпоху с успехом справляется нейросеть.

Объясняя экзотическое название своей книги автор в отдельном обращении пишет: «В течение нескольких дней я пребывал в глубоких сомнениях и колебаниях по поводу названия, которое я должен был дать этому произведению, в то же время думая, что все сочтут мою манеру письма необычной. Ведь если бы я назвал ее "Парадоксы" - хотя я не касался этой темы— мне показалось бы, что я бы дал своим комментариям слишком смелое название. Но если бы я назвал ее каким-нибудь другим именем, я мог бы подумать, что это было бы менее подходящим, а также неправильным. Чтобы избежать двусмысленности, я выбрал в качестве названия имена своих родителей. И поскольку при жизни моего отца звали Антонио, а мою мать - Маргарита то, я решил поступить так, как задумал: назвать свои комментарии *Антониана Маргаритата*».¹⁰⁸ Даже при беглом знакомстве с работой становится ясным, что отвергнутое на-

¹⁰⁸*Gómez Pereira Antoniana Margarita Op.cit.P.55.*

звание действительно было бы подходящим или, например - «*Парадоксы разумной души*», причем речь идет о парадоксах сознания.

Первое впечатление от прочтения предваряющего книгу послания, обращенного, ни много ни мало к Господу Нашему Иисусу Христу - его автор обладает хорошим чувством юмора! Оно начинается словами: «Иисус. Существует древний обычай, соблюдаемый почти всеми, кто готовится опубликовать новое произведение, посвящать выдающемуся вельможе или, в особенном случае монарху, имеющий целью, я полагаю, получить некоторую выгоду, оплату посредством назначения, или получение какой-то должности от того кому посвящена работа. Несмотря на это, я считаю, что те, кто безразличен к этим предложениям - если таковые имеются - обычно считают, что их работа ценится и пользуется большим уважением, потому что она была опубликована человеком, который не получил никакой пользы от своих усилий... Мы с удивлением задаемся вопросом: почему не предпринимается никаких стараний, чтобы добиться признания, поддержки и поощрения авторов, исходя из их собственной значимости? ... Но если желаемое - это богатство: какой источник сокровищ богаче самого Бога, из которого исходят и исходят все блага? ... Кроме того, кто, в конце концов, сможет заставить замолчать проклятые языки, заткнуть уши тем, кто их слушает, и предложить читателям лучшее мнение о произведении, чем тот, без чьего поручения и лист на дереве не сдвинется с места...?»¹⁰⁹. Хорошо угадывается саркастический тон автора – уж если и посвящать свое творение кому-то имеющему власть, так к «самому главному». Но, далее Перейра, считая такие действия недостойными, полностью опровергает это поверхностное впечатление, к которому могут прийти многие. «Я часто натываюсь на книги древних писателей, хорошо сохранившиеся и пользующиеся большим уважением, даже если их полезность ничтожна и их урок не доставляет удовольствия. Я приписываю это преданности их авторам, за заслуги которых Бог даровал им, чтобы их произведения прослужили долгие века, в то время как произведения других, гораздо более ученых, но нечестивых авторов были утрачены».¹¹⁰ Обращаясь к читателю и разъясняя мотивы, создания своей книги и ее конечную цель Перейра пишет: «Знайте, только стремление к истине побудило меня написать настоящую работу и многие другие, еще не готовые, которые, даст Бог,

¹⁰⁹ Ibid. P. 55 [II]

¹¹⁰ Ibid. P. 123 [XXXV]

скоро увидят свет и которые столь же важны для мышления, сколь и полезны, для медицинской практики, благодаря своей новизне... Я начал сомневаться во многочисленных высказываемых мнениях, которые медики и философы считали непререкаемыми и надежно испытанными опытом, а они оказались ложными. Когда же я начал исследовать их глубже и оценивать - напряженно ища истину, то обнаружил, мои подозрения были не напрасными и не бесполезными. По мере того, как я продолжал свои исследования по медицинским вопросам, мое мнение все больше укреплялось полученными результатами, а не просто предыдущими рассуждениями, подтверждая, в какой степени то, что я думал, было истинным».¹¹¹

Издание 1749 г. сопровождают два очень любопытных документа - две рецензии, которые по заведенному в Испании того времени инквизиционной цензурой правилу, должны вынести свой вердикт и дать разрешение на публикацию. Формула звучит так: «свидетельствую, что в тексте этого ученого труда нет ничего, что могло бы оскорбить Католическую Веру и обычаи нашей Святой Матери Церкви, а также королевского права, считаю его публикацию уместной и полезной для блага государства». Разумеется, (потому что книга была допущена к переизданию) она завершает обе рецензии. В то же время один из рецензентов, прежде чем вывести требуемый вердикт восклицает: «Кто я, в конце концов, защитник или цензор?!»: Приведем небольшие фрагменты из обеих рецензий.

Из рецензии Хуана де Аравака: «Перейра осмелился осуществить многие и, возможно, более масштабные предприятия, чем позволяло время... Стремясь открыть истину путем кропотливых исследований, он не только размышлял над многими новыми вещами, которые он подверг довольно серьезному анализу, но даже пытался продвигаться разными другими путями, чтобы таким образом избавить физику от ложных догм об универсалиях, первичной материи, физике, душах животных и многие другие, предлагающие свободное и независимое мнение. Из всех его идей на первом месте стояла та, которая в те времена еще не была высказана. По правде говоря, он зажег факел, который позаимствовали другие, вызвав с его помощью сильный пожар. Среди них, в пер-

¹¹¹ Pereira, Gómez. Antoniana Margarita. Op.Cit. P.127 (P.XXXVIII)

вую очередь и по достоинству, мы упомянем Р. Декарта, который вставил в свою систему этот парадокс». ¹¹²

Из рецензии Николаса Гайо: «Это произведение, хорошо известное всему литературному миру, с помощью которого этот знаменитый автор благодаря своему острому таланту превзошел философов своего и нашего времени в независимом мнении и исследовании непостижимых тайн Природы. Я не думаю, что в наши дни можно опубликовать какую-либо работу отмеченную таким же талантом, поскольку работы, подобные рассматриваемой, обычно появляются в подходящее время, чтобы защитить славу имени Испании и отомстить за оскорбления, нанесенные иностранцами науке нашей страны... Что еще мы можем сказать о Декарте? Несомненно, что даже в присутствии своих галльских свидетелей он украдкой почерпнул идеи из доктрины нашего Гомеса об автоматах, первичной материи вещей... В остальном этот человек, слишком озабоченный достижением совершенства, не постеснялся построить на чужой системе ту, которую утверждал сам, предпочитая скрыть своим постыдным молчанием заслуженную и обязательную похвалу Гомесу Перейре». ¹¹³

Что же из предлагаемых автором идей и рассуждений может быть не просто любопытным курьезом, но интересным и полезным сегодня? Это два момента: *первый* (следуя логике рассуждения автора) касается того что он называет «автоматизма животных (*bestias*)», которым Перейра отказывает а млейшей разумности. Один из «несерьезных», но эмоциональных доводов, взывающих больше к чувствам и здравому смыслу, чем к разуму: «Если животные могли бы быть как мы, в том что касается внешних ощущений и внутренних органов, мы должны были бы признать, что люди повсеместно действуют бесчеловечно, жестоко и безжалостно. Ведь что есть более отвратительное чем видеть мулов подвергающихся тяжелым нагрузкам, которые они переносят в длительных поездках?» ¹¹⁴

Исходя из собственных наблюдений и на основе произведений о животных, упоминая Аристотеля и Плиния, автор «Антонианы Маргариты» делает вывод, что они являются удивительно организованными машинами, которых человек наделяют теми же, если не большими, способностями, что имеет сам. В свете современных реалий и научно-технических достижений, связанных с соз-

¹¹²Ibid. P. 63-69

¹¹³Ibid. P.70

¹¹⁴Gómez Pereira. Antoniana Margarita. Op.Cit. 136

данием искусственного интеллекта и развитием робототехники, все рассуждения и аргументы испанского врача в полной мере можно отнести в тем творениям человека, которые в действительности являются теми самыми автоматами или машинами, какими Перейра считал животных. *Второй* – для которого первый в его системе рассуждений является своеобразным «заходом» к проблеме занимающей ученого середины XVI в. – это философия и психология сознания. Помнению М. Менедеса Пелайо «Первый и главный аргумент, который Гомес Перейра приводит в пользу бессмертия души, - это тот, который позже был принят Декартом и который известен в школах под названием картезианского принципа. Он основан на человеческом дуализме и неизменности действий души, для которой тело является инструментом» ¹¹⁵ В разделе «О бессмертии души» после тщательного подробного разбора и опровержения доказательств приводимых Платоном, Аристотелем, Августином и Аверроэсом Перейра формулирует свое: «О деятельности души не может быть никаких иных свидетельств, кроме внутреннего опыта. Она говорит нам, что душа не познает себя, если раньше на нее не произвел впечатления какой-то внешний объект... Вот почему в нас всегда должно предшествовать какое-то понятие о вещи, внешней по отношению к познанию души, которая познает себя. Это следствие очевидно. И отсюда также следует, что это понятие может служить только предпосылкой для того, чтобы душа затем извлекла последующее заключение, действуя следующим образом: “Я знаю” что я что-то знаю. Все что знает есть, следовательно я есть. (В оригинале: «*Nos come aliquid noscere, et quidquid noscitur, ergo ego sum*») И в этом результате сам разум, который также называется разумная душа, познает себя интуитивно в каждый момент, когда захочет и может познать, как если бы сама душа без слов утверждала, что она сама была пробуждена и раскрыта, внешне и внутренне, впечатлениями (состояниями), даже утверждает, что она познается интуитивно». ¹¹⁶

В предисловии к изданию 2000 г., составитель и переводчик «Антонианы Маргариты» Х.Л.Беррейро предлагает читателю подойти к прочтению работы бережно, попытаться проникнуть в ее содержание и смысл с возможной оглядкой на некоторые скрытые обстоятельства жизни и личности Гомеса Перейры, предполагая его происхождение из семьи «конверсо», что влекло за собой не-

¹¹⁵Menendez Pelayo, M. Op.Cit. P.267

¹¹⁶Gómez Pereira. Antoniana Margarita. Op.Cit. p.687

однозначные, далеко идущие последствия. Он пишет: «У нас нет возможности достоверной реконструкции из-за отсутствия данных, и мы не выступаем "цензорами" деятельности Гомеса Перейрымы просто пытаемся сделать предположения из текста в отношении контекста, в котором Гомес Перейра жил на этапе его становления, о климате, в котором он развивался, о комплексе социальных отношений, которые он поддерживал, и высказываем догадки, позволяющие проникнуть в скрытые причины его мышления»¹¹⁷. На наш взгляд, основной намек для будущих читателей своего творения Перейра делает рассуждая о возможных названиях книги и называя ее «Парадоксы». Парадоксальность во всем: в манере рассуждения и изложения в парадоксальности результатов, к которым он приходит, в неожиданности выводов, которые невероятным образом прорастают сквозь время в современную эпоху. Каким бы лестным ни казалось звание предшественника Декарта для Гомеса Перейры, оно не возвышает этого мыслителя, а ограничивает его действительную самостоятельную философскую значимость и перспективность с точки зрения науки будущего. Доказать это мнение, которого придерживаются многие исследователи безусловно не простая и интересная задача.

Хуан Уарте

«Исследование способностей к наукам» - эта книга, как и ее автор, единственная из упомянутых, с которыми русскоязычный читатель имел возможность познакомиться. Работа была некогда переведена на русский язык и издана в Советском Союзе (1961 г., ее тираж, по нынешним временам, вполне солидный для научного издания. – 3500 экз.) Работа написанная Хуаном Уарте выдержала множество переизданий, «в 1580 г. вышла на французском языке, позднее – на итальянском (1582 г.), английском (1594), латинском (1622) и немецком (1752). Немецкий перевод был сделан знаменитым немецким просветителем конца XVIII в. Лессингом, который получил докторскую степень за диссертацию о Хуане Уарте. Согласно Ириарте, книга издавалась на различных языках около 70 раз».¹¹⁸ Приведенные данные говорят о том, что и работа и автор были хорошо известны в Европе с конца XVI в. И если Декарт имел достаточно веские основания для оправдания в незнании идей Гомеса Перейры, то

уж Фр. Бэкону, особенно в том что касается классификации наук на основании познавательных способностей человека, «отвертеться» трудно!

Хуан Уарте, так же как и Гомес Перейра был практикующим врачом, хорошо известным своим соотечественникам и снискавшим уважение не только в обычной повседневной практике, но и в экстремальной ситуации, во время эпидемии чумы, пришедшей в Базсу в 1566 г.

Его книга, не смотря на глубокое философское и психологическое содержание, видится им самим как своеобразное практическое руководство для тех, кто имеет возможность принимать решения относительно будущего, связанного с образованием и воспитанием будущих поколений достойных граждан. «Для того, чтобы никто не ошибался в выборе той профессии, которая ему подходит, к его природному дарованию, государю следовало бы выделить уполномоченных людей великого ума и знания, которые открыли бы у каждого его дарование еще в нежном возрасте; они тогда заставили бы его обязательно изучать ту область знания, которая ему подходит, и не предоставили бы этого дела его выбору. Отсюда получилась бы та выгода для ваших государств и синьорий, что они имели бы величайших художников в мире и самые совершенные творения, ввиду того, что искусство соединилось бы с их природой»¹¹⁹. Далее Уарте определяет «четыре вещи, хотя кажется невозможным их узнать, которые составляют содержание того, о чем говорится в настоящем сочинении... с тем, чтобы любознательные родители сумели открыть, какими дарованиями обладают их дети и какими науками они смогут заниматься с особенной пользой». Считая, что никто ранее не определил ясно: «какими качествами обладает та природа, которая делает человека способным к одной науке и неспособным к другой, какие виды дарования имеются в человеческом роде, или какие искусства и науки соответствуют каждому дарованию в частности, или, что важнее всего, по каким признакам можно узнать соответствующее дарование. Справедливо считая, что «ни в одной области знания нельзя с успехом двигаться вперед, не начиная с определения», а предметом своего сочинения он определяет «исключительно ум и способности людей» то для того что бы «найти средство доказать эту новую науку» необходимо «узнать определение ума и что он содержит в своей сущности».¹²⁰

¹¹⁷Barreiro Barreiro, José Luis. Estudio preliminar // *Gómez Pereira*. Antoniana Margarita. P.31.

¹¹⁸Уарте, Хуан. Исследование способностей к наукам. С. 10.

¹¹⁹ Там же. С. 19.

¹²⁰ Там же. С.35.

В первой, главе Уарте вводит и объясняет центральное понятие своего учения - «ingenio», очень жаль, что оно, за отсутствием буквального словесного аналога, потерялось в русском переводе и выведено в названии книги как «способность». «Это название ingenio (дарование) происходит от одного из трех следующих латинских глаголов: «gigno» (рождаю), «ingigno» (наделяю), «ingenego» (создаю); по-видимому, оно происходит от последнего, принимая во внимание, что оно имеет больше всего букв и слогов последнего... Для того что бы его открыть необходимо было тщательное созерцание, полное натурфилософии. ... Эти мужи, размышляя нашли, что в человеке имеются две порождающие способности... подобно тому, как животное или растение дает реальное и субстанциальное бытие своему потомку, не имевшему его до рождения, так и разум имеет способность и природные силы производить и рождать внутри себя сына, которого натурфилософы называют «понятием» или «концептом», который есть «слово разума».¹²¹ Затем Уарте делает небольшое предупреждение, как будто для грядущих создателей инновационных проектов и виртуальных реальностей: «Но предметы, которые человек порождает своим разумом, будучи искусственными вещами, не принимают тотчас же того бытия, которое они должны иметь, чтобы получить совершенную идею, при помощи которой они должны быть произведены, необходимо сперва вообразить тысячу воздушных проектов. Сделать множество моделей и наконец приложить руки, - и тогда предметы получают бытие, которое они должны иметь, но и тогда они часто получают неудачными»¹²²

Именно это качество *порождающей способности разума* дает человеку творческую возможность создавать, производить на свет науки и искусства, основанные на разуме, памяти и воображении, развивать их, получая новые знания. «Принимая эту доктрину, необходимо знать, что искусства и науки, которым обучаются люди, являются образами и фигурами, которые умы порождают внутри своей памяти; эти фигуры дают живое изображение естественного вида предмета, науку, которую желает изучить человек».¹²³

В качестве пикантной «вишенки на торте», хотелось бы завершить этот небольшой фрагмент, посвященный Уарте следующей цитатой, значимой без «срока годности»: «Для того, что бы науки умножались в каждом дне и ста-

¹²¹ Там же. С.36.

¹²² Там же. С.37.

¹²³ Там же. С.37.

новились более совершенными, необходимо соединить новые изобретения тех, которые живут ныне, с тем, что написали древние в своих книгах; ибо только так возрастают искусства, и будущие поколения смогут наслаждаться открытиями и трудом тех, которые жили раньше. Но государство не должно позволять писать и печатать книги тем, которые лишены изобретательности, ибо они только бесконечно повторяют мнения и изобретения великих писателей: беря что-либо у одного и обкрадывая другого, так всякий может составить сочинение»¹²⁴

Олива и Мигель Сабуко

Как будто следуя этому указанию – писать только новое о неизвестном в Мадриде в 1575 г. выходит «Новая философия природы человека, не известная и не достигнутая великими древними философами, которая улучшает жизнь и здоровье человека, составленная Доньей Оливой Сабуко» – работа вызывающая горячие споры не одно столетие. Детективная история, касающаяся авторства этой работы не разгадана до конца и сегодня: несколько столетий автором считалась, согласно титулу, и многочисленным, сделанным по ходу изложения высказываниям, молодая женщина - Донья Олива Сабуко, на момент выхода книги ей было всего 23 года. В 1903 г. в архиве было обнаружено и опубликовано завещание отца Оливы, аптекаря из г.Алькарас - Мигеля Сабуко. В нем утверждается: «я, бакалавр Мигель Сабуко, житель этого города Алькарас, автор книги, озаглавленной *Новая Философия*, являясь отцом доньи Оливы, моей дочери, которую я поставил автором только для того, что бы оказать ей честь, а не для корысти или пользы»¹²⁵. В то же время, во всех вступительных обращениях, написанных от женского имени а так же в самом тексте явно «видна женская рука».

Из письма-посвящения: «примите, Ваше Величество, служение женщины, которое, как я думаю, выше по качеству, чем то, что было оказано многими мужчинами, господами и вассалами, пожелавшими служить Вашему Величеству; и несмотря на то, что Царственному и Католическому Величеству мужчинами посвящено множество книг, посвященных же женщинами мало и они

¹²⁴ Уарте Хуан. Исследование способностей к наукам. Перевод с испанского языка и комментарии А.И.Рубина. М., Изд. АН СССР. М., 1960. С.124.

¹²⁵ Marco é Hidago, Jose. Doña Oliva de Sabuco no fue escritora // Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 7, 1903, pp. 1-13.

редки, по крайней мере на эту тему нет ни одной. Эта книга столь же необычная и новая, как и ее автор. В ней говорится о познании самого себя и представлена доктрина, нужная для того, чтобы человек мог узнать и понять себя самого и свою природу, и для того, чтобы узнать естественные причины, по которым он живет, по которым умирает или болеет. В ней содержится много серьезных предостережений, позволяющих избежать преждевременной смерти. ...Этой книги не хватало в мире настолько, насколько многие другие лишние. ...Ей должны обладать короли, ибо, зная и понимая природу и свойства людей, они будут знать лучше, как руководить ими и управлять своим миром, подобно тому, как правит добрый пастырь, управляя лучше своим стадом, когда знает его природу и свойства.

Результатом этого Рассуждения о познании самого себя и природы человека стал диалог об истинной медицине, который родился из него сам, без моих упоминаний о медицине, потому что я никогда ее не изучала, потому что настолько же ясно и очевидно, как ясен и очевиден солнечный свет, что древняя медицина, которая читается и изучается, ошибочна в ее основных принципах, по причине того, что древние философы и медики не поняли и не постигли своей собственной природы, на которой основывается и откуда берет свое происхождение Медицина.... Из нее вы не только получите большие преимущества в познании самого себя и понимании своей собственной природы, аффектов и изменений, а также в знании того, почему вы живете, почему умираете или больны, получите предупреждения, которые помогут избежать преждевременной смерти, узнаете, как возможно жить счастливо в этом мире, но вы также поймете ясную, правдивую и истинную медицину и не будете ходить вслепую, подобно ослу, который не видит, не слышит и не понимает, что коновал его лечит, и не знает, почему и для чего. ...И тот, кто не сможет ее понять и принять, пускай оставит это для тех, кто грядет после них. Если не верите книге, а верите опыту, и моя просьба вполне справедлива, предоставьте возможность моему учению быть испытанным один год; вы же пользовались медициной Гиппократа и Галена две тысячи лет и обрели в ней так мало эффекта и результатов. ...Ибо из тысячи и трое едва проживают все отведенное для жизни время до естественной смерти, а все остальные умирают насильственной смертью от болезни, ничем не воспользовавшись из их древних лекарств....

Из Пролога к читателю. Несправедливо и лишено смысла, благоразумный читатель, судить о произведении, не видя и не понимая его.... И я умоляю мудрых врачей благоразумно дождаться того времени, когда опыт и факты сделают истину очевидной. Я хорошо знаю, что древние не затронули и оставили в забвении эту философию, в результате истина оказалась по ту сторону, настолько, что сейчас она кажется новшеством или безумием, хотя на самом деле она является наилучшей, истинной, и наиболее плодотворна для человека. Но если ты поймешь, как мало известно человеческому пониманию по сравнению с тем многим, чего оно не знает, и что со временем изобретателем вещей, с каждым днем открывается все больше во всех искусствах и видах знания, ты не допустишь, благосклонный читатель, того, чтобы несправедливая зависть, соперничество или корысть лишили мир возможности совершенствоваться в знании, которое важнее, полезнее и может принести человеку больше плодов.

Эта новая философия содержит следующее: рассуждение о познании самого себя, в котором делаются серьезные заявления, благодаря которым человек, поняв свою природу, сможет узнать естественные причины, по которым он живет и умирает или болеет, и сможет избежать ранней или мучительной смерти и жить счастливо, пока не достигнет естественной, проходящей без боли смерти от старости; небольшой трактат о мире, таком, каков он есть; о вещах, которые улучшают этот мир и его общественные институты; средства истинной медицины, благодаря которым человек сможет понять, как управлять своим здоровьем и сохранять его; в диалогах излагается истинная Медицина и истинная Философия, скрытая от древних; приводятся высказывания, краткие заявления и выдающиеся парадоксы, имеющие большое будущее». (Подробно о дискуссии касающейся авторства работы и ее значении для понимания содержания смысла текста см.:¹²⁶)

Что же такого нового, необыкновенного, а тем более заслуживающего внимания спустя почти 500 лет, предлагают нам аптекарь из крошечного испанского городка и его молодая дочь? Основная идея, которая развивается и обосновывается в этом труде состоит в том, что здоровье и продолжительность жизни зависят от того, каким страстям, аффектам и эмоциям подвержен человек. Если изучить человеческую природу и понять, какие аффекты и страсти

¹²⁶Буржете Аяла М.Р. Неочевидная очевидность. От загадки авторства к прояснению смысла. // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 4, ч. 1. С.С.215-235.

вызывают болезни человеческого организма, а какие ведут к здоровью и объяснить механизм взаимодействия человеческого мозга, и телесного здоровья организма, можно избежать болезней, продлить жизнь и безболезненно избежать преждевременной смерти. Главное в механизме воздействия - это осознание и понимание человеком реакций собственного сознания и психики на различные внешние жизненные ситуации. Для образного описания этого процесса используются метафоры в которых человек представляется как «микрокосм», и как «перевернутое дерево». Если первая возвышает мозг (физический орган) – обитель разумной души (сознания) человека до уровня бога, распоряжающегося человеческим здоровьем и жизнью, то вторая – укореняющая, показывает мозг, подобным корню дерева, питающим весь организм и дающим ему жизненные силы. На основе полученного знания о пациенте, врач должен находить и предлагать терапевтические решения, не только физические, но и духовные и психологические, ведущие к улучшению здоровья и выздоровлению. Гнев и досада-аффекты приводящие к нарушениям работы мозга, к дисбалансу между душой и телом, а значит, к болезням и смерти названные «зловредной тварью, пожирающей человеческий род, пагубными врагами, топором и орудием смерти». В противовес им «двумя колоннами, или духовными подпорками, являются ожидание добра и радость».¹²⁷ В работе подробно, с примерами, как из «современной» жизни, так взятыми из описаний античных авторов (в основном это Плиний и Платон) разбираются всевозможные виды аффектов, свойственных природе человека и обладающих как разрушающим воздействием на здоровье и жизнь человека, так и оказывающих положительное воздействие, поддерживающее его организм.

Известно, что в Испании того времени сосуществовали официальная медицина, во многом больше похожая на филологию, больше работающую с текстами, чем с людьми и альтернативная медицина целителей и знахарок, издавалось множество книг обоих типов. Даже спустя столетие, «в картине живой природы Р.Декарта не было ничего, кроме механического перемещения частиц. Единственной причиной всякого движения той или иной частицы считалось только механическое воздействие на нее другой частицы. Душа и тело человека были лишены общих свойств, противопоставлены друг другу, а сфера прежнего влияния души ограничена только мышлением (сознанием) и волей. Все разно-

¹²⁷ SabucodeNantesBarrera, Oliva. Op.cit. P.89.

образии многочисленных проявлений жизнедеятельности поставлено в зависимость исключительно от особенностей анатомического устройства человеческого тела».¹²⁸

Книга Доньи Оливы, несомненно, выступила как несомненное новшество и только в настоящее время общая медицина начала принимать новую ориентацию. «Такая ориентация называется психосоматической и знаменует собой новую эпоху медицины: психосоматическую эпоху. То, как все это происходило, представляет собой интерес для понимания современной тенденции в эволюции медицины».¹²⁹

Завтра. Современность

Задача которая ставилась в данном разделе - обозначить и показать возможные дополнительные перспективы и направления для дальнейшего движения мысли, нацеленной на поиск ответов на вызовы современной эпохи. Частичное восстановление исторической справедливости, можно считать «побочным положительным результатом».

Как бы пристально мы не вглядывались в картину прошлого, ни старались прожить максимально полно свою жизнь «здесь и сейчас», мы всегда живем в «завтра» - «Вчерашнее завтра сегодня живое» (А.Мачадо). Оно наступает в каждое мгновение нашей жизни и все, что мы делаем, делаем для того, что бы оно состоялось, не смотря ни на какие обстоятельства. Все же поясним, что являясь главной заботой настоящего исследования современность, понимается нами как со-временность – сопряженность времен: прошлого, настоящего и будущего. И «сопрягателем-мерой» является человек, включенный в многомерное взаимоотношение - бытие-познание-ответственность-время в любом его количественном - от единичного до планетарно-цивилизационного - составе и качестве.

Предложенный к рассмотрению через определенную оптику небольшой фрагмент из истории человеческой мысли, показывает, что во второй половине XVIв., в работах ряда испанских мыслителей можно найти не только идеи, предвосхитившие эпоху модерна, в том виде какой она установилась, но и

¹²⁸ Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XII-XIX веков. Академический проект, 2017. С.212

¹²⁹ Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. М. Институт Общегуманитарных исследований. 2017. С. 29.

прийти к выводу о том, что в своей совокупности «произведенные идеи» были значительно объемнее и сложнее, чем те, которые смогли преодолеть «порог реальности» и войти в мейнстрим человеческой мысли. Множество идей, мыслей, высказывается, предлагается людьми в различные эпохи, но не принимается современниками, в силу различных причин «пропадает» втуне и «вызванные из забвения и небытия», они еще смогут принести пользу человечеству. Их след-подсказку мы искали в прошлом у испанских медиков-философов, стоявших на позициях естественно-научного гуманизма. Им удавалось «схватывать» и описывать человека как целостность, на которую сам человек может влиять исходя из собственных естественных для него, как для человека и, только для него, возможностей и способностей. Современным мыслителям придется за пять прошедших столетий к тому, что получило название техно-антропосферное видение мира, тем более должно быть по плечу, найти адекватный ответ на вызов своей эпохи. Современный человек остро нуждается в том, что бы вновь воссоединить самого себя, разложенного на «запчасти» мощным потоком «позитивного» научного знания предыдущей эпохи. Один из путей, несомненно был намечен мыслителями прошлого, так же как и наши современники ощущавшими насущную необходимость в понимании и описании своей природы.

Возвращаясь к герою Сервантеса – неоспоримому символу Золотого века, приведем слова Унамуно: «”И что же оставил после себя Дон Кихот?” - спросите вы, а я вам отвечу, что он оставил самого себя и что человек, человек живой и вечный, стоит всех теорий, всех философий. Другие народы оставили после себя главным образом общественные институты, книги; а мы оставили после себя души. Святая Тереза стоит какого угодно института, какой угодно *Критики чистого разума*. ....Он оставил нам целый метод, целую эпистемологию, целую эстетику, целую логику, целую этику, а главное целую религию, то есть целую экономику вечного и божественного, целую надежду на то, что с точки зрения разума является абсурдным».¹³⁰ Вышесказанное в полной мере можно отнести к той испанской философской традиции (небольшой фрагмент которой был предложен к рассмотрению), в которой «присутствует как непрерывная характеристика существование во всех эпохах группы медиков, чувствующих

¹³⁰ Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни / Перевод с испанского, вступительная статья и комментарии Е.В. Гараджа. К, Символ, 1996. С.295, 297

приверженность к философии, которые читают и пишут о ней, и которые с относительным постоянством делают интересные открытия в этой области, вплоть до настоящего времени»¹³¹ На наш взгляд, их отличительной чертой, даже если по каким-то частным, как медицинским так и философским вопросам, они придерживались различных, порой противоположных точек зрения, общим для них являлось то, что «философия-природы-человека» – это не три слова, а одно, отражающее определенное мироощущение. К сожалению, ни латынь, ни испанский, ни русский языки не предполагают подобного словообразования для обозначения столь емкого понятия, с помощью которого можно было сформулировать и выразить единую неделимую целостность «познающего себя человека». Возможно, тщательно и подробно разбираясь в том, какие смыслы вкладывали в свои доктрины приверженцы такого подхода, попутно участвуя в них, с помощью множества доступных нам традиционных и современных возможностей языка, можно выйти на новый уровень знания и дать ответы, соответствующие реалиям и вызовам сегодняшнего и завтрашнего дня.

Даже привлечение ограниченного объема текстов, показывает на какую глубину, при стремлении познать, понять и объяснить природу человека, высвечиваются пласты реальности его внутреннего мира: это и познание как подтверждение существования (Перейра) и порождающая способность разума как основание науки (Уарте), и взаимосвязь психики (аффектов и страстей) и физического здоровья (Сабуко).

Если на «на пороге» техногенной цивилизации эти ученые смогли ответить на вызов своего времени, не только указав направление для мейнстрима, но и оставив кое-что «про запас», то, возможно, «за ее порогом», обладая несоизмеримо большим объемом знания и опыта, современное поколение сможет ответить на вызов нового, глобального кризиса эпохи своей, и предложит верное решение, которое удержит человеческую цивилизацию от краха и позволит ей не утратить человечность как основное качество и меру своей сути. Показательно, что для ее обозначения используются в качестве основы, слова-синонимы, имеющие корни, происходящие из разных языков, транслированные через временные и культурные пространства. Сколько бы всевозможных приставок-подпорок мы ни присоединяли к человеку: пост- транс-, сверх- и пр., основа-корень все равно остается той же. Хочется верить в то, что человек, не

¹³¹ Abellán J.L. Historiacríticadelpensamientoespañol. LaEdaddeOro. SigloXVI. Madrid, EspasaCalpe. 1979. P.240.

смотря на все научно-технические достижения, продолжит верить в то, что «Разум – это взгляд души, которым она видит истину»¹³², пользоваться собственными «способностями, что бы познавать все три времени, а именно памятью для будущего, чувствами для настоящего, воображением и разумом для будущего»¹³³, и при этом останется единственным, кто продолжит «испытывать и осознавать душевную боль о настоящем, тягостное чувство о прошлом, опасения, тревогу и заботу о грядущем».¹³⁴

2.3. Субъектность как ответ на вызовы современности

Введение

В условиях нарастания конфликта с «коллективным Западом» требуется создание новых механизмов управления страной, ориентированных на консолидацию государства, общества и бизнеса, на укрепление ее субъектности обеспечения жизнедеятельности и развития.

У России и «коллективного Запада» исторически сложилось принципиально отличающиеся представления о своей субъектности и субъектности членов мирового сообщества. Стратегическим проектом «коллективного Запада» является глобалистский проект, который ориентирован на укрепление своей субъектности и разрушение субъектности остальных членов мирового сообщества, их объединений и граждан. Все члены мирового сообщества для «коллективного Запада» – это средства реализации их утопического асоциального проекта. В качестве средств для «коллективного Запада» рассматриваются и их отдельные члены. Ярким примером служит отношение «коллективного Запада» к членам Европейского союза. Фактически очевидными манипуляциями их подталкивают к действиям, последствия которых приведут и уже приводят к экономическому кризису и мощным протестным выступлениям населения, жизненный уровень которого резко падает. Аналогичным воздействиям подвергается и Россия, которую «коллективный Запад» превращает в своего врага, приписывая ей явно надуманные агрессивные намерения по отношению к нему.

¹³²Pereira, Gómez. Op.cit. P.665

¹³³УармеХ.Ук.соч. С. 109.

¹³⁴Sabuco de Nantes Barrera, Oliva. Nueva filosofía de la naturaleza del hombre y otros escritos. Ed. de Atilano Martínez Torne. Madrid, Editoranacional. 1981. P.83.

После распада СССР использовались десятки внедренных Западом технологий разрушения базовых качеств субъектности развития России¹³⁵. И в настоящее время «коллективный Запад» сохранил и совершенствует эффективные механизмы влияния на финансовую и экономическую сферы России, что ставит под вопрос наличие ее суверенитета и соответственно ее субъектности.

В разделе проведен анализ базовых качеств субъектности «коллективного Запада»: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Результаты анализа позволили выдвинуть гипотезу, что «коллективный Запад» обладает высоко организованной эгоистической субъектностью. Проведено соотнесение субъектности «коллективного Запада» с обобщенной моделью субъектности тоталитарной секты, что позволило обосновать гипотезу, что «коллективный Запад» – это тоталитарная секта. Как следствие «коллективный Запад» не имеет оснований навязывать свои представления о будущем человечеству.

Россия оказалась более независимой и суверенной, в отличие от участников Европейского союза, она осознала последствия намерений и действий «коллективного Запада» и открыто вступила на путь конфронтации для защиты своих интересов. Более того Россия выступила инициатором защиты не только своих интересов, но и интересов многих стран недовольных агрессивной политикой «коллективного Запада». Конфликт между Россией и «коллективным Западом» следует рассматривать как принципиально важный конфликт XXI века – это цивилизационный конфликт, от разрешения которого зависит будущее человечества. Превратится оно в однородную массу бессубъектных образований, лишенную цивилизационной специфики, либо встанет на путь формирования гармоничного и справедливого мирового сообщества, сохранившего богатство социокультурного разнообразия.

Анализ современного состояния субъектности России позволяет сделать вывод, что она обладает слабо организованной субъектностью, которая сформировалась за последние тридцать лет культа денег, в том числе и под влиянием «коллективного Запада». Однако Россия имеет богатый цивилизационный потенциал для укрепления своей субъектности.

¹³⁵Ленский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, N4. С.69-78.

Многовековая история России дает основание для утверждения, что она имеет цивилизационный код, который ее спасает в ситуациях, угрожающих потерей суверенитета. Условно этот код можно назвать кодом «мобилизационной субъектности». Это цивилизационный код единения народа в условиях ярко выраженной угрозы для существования страны. Сегодня настало время, опираясь на этот цивилизационный код, инициировать адекватные механизмы укрепления субъектности России, консолидации государства и общества в интересах сохранения суверенитета и развития страны. Анализ истории России позволяет утверждать, что инициатором такого рода процессов достаточно часто выступал народ, который сегодня, согласно Конституции Российской Федерации, является главным носителем властных полномочий.

Совершенствование механизмов общественного участия на всех уровнях от местного до федерального поставлено в этой работе в центр внимания. На основе современных представлений о постнеклассической научной рациональности¹³⁶ рассмотрены механизмы сборки субъектов в саморазвивающихся полисубъектных средах формирования солидарного общества¹³⁷. Эти среды представляются как целостные образования, как метасубъекты, что имеет принципиальное отличие от сетевого подхода, который соответствует предшествующему этапу развития научной рациональности – неклассической научной рациональности.

Предлагаемый подход согласуется с идеями о ноосфере, с идеями А.А. Богданова¹³⁸, в целом с идеями эволюции кибернетики от классической кибернетики (Н. Винер), кибернетики второго порядка (Х.Ф. Ферстер) до постнеклассической кибернетики третьего порядка – саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред¹³⁹.

Важно отметить, что отечественная разработка кибернетики третьего порядка в отличие от западных версий выдерживает проверку на критерии преемственности научных парадигм. Она опирается на эволюцию парадигм научной

¹³⁶Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

¹³⁷Лепский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. №3. С. 11-20.

¹³⁸Vladimir Lepskiy, Elena Malakhova Alexander Bogdanov's tectology, anticipating the evolution of social systems control. *SystemsResearchandBehavioralScience*. 2022. <http://doi.org/10.1002/sres.2918>

¹³⁹Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. Лепский В.Е. Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. №8. С. 211-215.

рациональности, которая удовлетворяет принципу соответствия Н. Бора и идеям Т. Куна о научных революциях. Такой подход позволяет опираться и активно использовать опыт, накопленный в истории кибернетики¹⁴⁰.

В контексте проблемы субъектности такой подход позволяет при сборке субъектов опираться на гармонии иерархий, сетей и сред, создавая условия для их конвергенции, а не противопоставления. Основой для этих процессов является система онтологий саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, которая позволяет преодолеть ограничения сетевого подхода (неклассическая научная рациональность) и перейти к формированию целостного макросубъекта, используя и возможности сетевого подхода. Важно отметить, что саморазвивающиеся полисубъектные среды гибридной реальности создают возможности органичного взаимодействия и интеграции субъектов и псевдосубъектов, не выходящих из-под контроля естественных субъектов.

Принципиально меняется и представление о безопасности социальных систем, от доминантной ориентации на обеспечение состояния защищенности от внешних и внутренних угроз, ведущей становится ориентация безопасности на развитие на укрепление субъектности на всех уровнях социальной системы¹⁴¹.

Междисциплинарный тренд возрастания роли субъектности в начале XXI века

В начале XXI века в философии, а также практически во всех областях социогуманитарных знаний и прикладных исследованиях в сферах управления, безопасности и развития социальных систем в центре внимания оказывается проблема субъекта. С этим междисциплинарным трендом повышения роли субъектности можно связать следующие социальные изменения в начале XXI века:

– возрастание сложности социальных систем, что привело к кризису традиционных подходов к управлению социальными системами традиционных, основанных на иерархических механизмах;

¹⁴⁰Lepskiy V. Systems Analysis of the Foundations for the Formation of new Paradigms of Control. *IFAC-PapersOnLine*. Volume 54, Issue 13, 2021, Pages 622-626.

¹⁴¹Лепский В.Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С.24-30.

– возрастание динамики социальных трансформаций, ослабление роли нормативных регуляторов, ограничение сферы применения устоявшихся форм деятельностного подхода;

– нарастание превосходства политических регуляторов над экономическими регуляторами в социальном развитии, переход к доминированию миропроектной формы становления будущего человечества, в которой ведущую роль играют субъекты проектирования будущего;

– бурное развитие экономики знаний с ориентацией на учет личностного знания субъектов, неявного, скрытого знания;

– ослабление традиционных процессов формирования идентичности, повышение актуальности проектной идентичности и ее влияния на легитимность субъектов властных полномочий;

– возрастающая актуальность проблемы сборки субъектов в социальных системах;

– кризис механизмов представительной демократии и повышение роли субъектности граждан и организаций при организации новых форм и механизмов прямой демократии;

– нарастание широкого использования разнообразных механизмов манипулятивных воздействий на представителей органов власти и население, для разрушения или формирования требуемых организаторам характеристик субъектности;

– системный кризис капитализма и нарастающая агрессивность ранее доминирующих в мире элит, пытающихся сохранить свое монопольное управление мировыми процессами;

– фетиш цифровых трансформаций и искусственного интеллекта, как инструмента управления мировым сообществом¹⁴²;

– нарастающие угрозы расчеловечивания в условиях погружения людей в среды гибридной реальности¹⁴³.

Проблема субъектности стала актуальной практически во всех областях научного знания, связанных в той или иной степени с управлением, безопасно-

¹⁴² Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Лепский В.Е., Славин Б.Б. Фетиш искусственного интеллекта // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 1. С. 44–71.

¹⁴³ Лепский В.Е. Философско-методологические основания совершенствования цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 1. С. 91–108.

стью и развитием социальных систем. Каждая область науки вносила и вносит свой уникальный вклад в решение частных проблем субъектности. Возникла проблема интеграции, сборки научных знаний, создания концепции и моделей, ориентированных на целостное рассмотрение проблематики субъектности в социальных системах. Необходимо понять, что объединяет частные подходы, эволюцию и тренды междисциплинарного дискурса. Выделение базовых оснований возможно лишь на основе философско-методологического анализа. Наш подход к решению этой междисциплинарной проблемы базируется на представлениях В.С. Степина об этапах развития науки, на трех типах научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). Этот трафарет накладывается на эволюцию частных областей знания в контексте решения проблем субъектности, общая сборка производится с позиций постнеклассической научной рациональности. Конкретные междисциплинарные концепции и модели для решения проблем субъектности, в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развитии социальных систем, создаются на основе постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред гибридной реальности.

Философские основания тренда возрастания роли субъектности

Многие известные философы в той или иной степени затрагивали проблему субъектности в своих работах, однако в последние годы ей уделяется все возрастающее внимание. Общеизвестное мнение, что в значительной степени на этот складывающийся тренд повлияли исследования и публикации академика В.С. Степина. Его концепция о трех типах научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая), о трех стадиях развития науки. Постнеклассическая научная рациональность фокусирует внимание на субъектах, доминирующим становится субъектно-ориентированный подход.

Особое значение имеют также работы Степина о кризисе техногенной цивилизации, в которой игнорируются социальные ценности, и как следствие, создаются потенциальные возможности для манипулирования человечеством в интересах лидеров глобалистского проекта. Такой подход также делает акцент на проблеме субъектности.

Согласно Степину постнеклассическая научная рациональность ставит в центр внимания саморазвивающиеся человекоразмерные системы, в которых в

разнообразных формах отношений включен человек, погруженный в среду культуры. Важно отметить, что при таком подходе социогуманитарные аспекты и гуманистические ориентиры становятся ведущими при преодолении кризиса техногенной цивилизации и постановке в центр внимания проблем субъектности. Принципиально важно отметить, что в конструкции Степина каждый следующий этап развития научной рациональности является парадигмой, включающий предыдущий этап как частную парадигму. Такой подход обеспечивает преемственность знаний, получаемых в процессе эволюции различных областей знания, ориентированных на интерпретацию своего развития в контексте развития представлений о научной рациональности. Приведенные соображения подчеркивают актуальность использования постнеклассической научной рациональности для организации междисциплинарных исследований проблемы субъектности в социальных системах.

Рассмотрим специфику философских исследований проблемы субъекта в контексте представлений различных видов научной рациональности.

В классической научной рациональности внимание к проблеме субъекта весьма ограничено, что в значительной степени объясняется спецификой позитивизма и ориентацией на деятельностный подход, в котором ведущая парадигма «субъект – объект».

В неклассической научной рациональности актуальность проблемы субъектности резко возрастает, что связано с доминированием философского конструктивизма. Человек имеет дело с реальностью, которую сам создает и которая может включать других субъектов. Он становится субъектом проектирования себя, своей жизнедеятельности, во взаимодействии с другими субъектами. Ведущей парадигмой становится парадигма «субъект – субъект». «Социально-исторический характер познавательного процесса, его коллективность выражаются не только в том, что этот процесс осуществляется множеством взаимодействующих между собой индивидов. Само это взаимодействие предполагает существование специфических законов коллективного процесса развития знания, отличных от тех, которые характеризуют индивидуальное познание. Носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект.

Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих ее людей»¹⁴⁴.

В постнеклассической научной рациональности философский конструктивизм претерпевает принципиальные изменения, «смягчается» его радикализм, усиливается акцент на коммуникативные процессы субъектов, формирующих коллективную реальность, особое внимание оказывается влиянию этих процессов на ограничение свободы субъектов¹⁴⁵. Установление равноправных партнерских отношений с другими субъектами, природой, с ценностями своей и иных культур, с разнообразными социальными процессами. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия. В качестве базового объекта исследования выступают саморазвивающиеся человекоразмерные системы, представимые как целостные образования. В качестве базовой парадигмы «субъект – метасубъект»¹⁴⁶.

Субъектность в психологии

В психологии возрастание актуальности проблемы субъекта связано с развитием субъектно-деятельностного подхода, который был инициирован на основе работ С.Л. Рубинштейна¹⁴⁷ его последователями (школой) в основном на базе Института психологии АН СССР (позднее РАН). Этот подход соответствовал идеям неклассической научной рациональности и включил в себя деятельностный подход (школа А.Н. Леонтьева).

Понятие «субъект» становится ключевым понятием в субъектно-деятельностном подходе. Именно субъектность определяет суть понимания системного подхода. Субъект рассматривается как системообразующий фактор в социальных системах. Субъектно-деятельностный подход помещает субъектность в центр внимания всех областей психологии, а вместе с субъектами в центр внимания попадает и проблема рефлексии. Рубинштейн принципиально различает рефлексивного и реактивного субъекта. Только рефлексия делает

¹⁴⁴ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 278–280.

¹⁴⁵ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.

¹⁴⁶ Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

¹⁴⁷ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

субъекта подлинным субъектом своей жизнедеятельности и развития, позволяя ему «выйти» за пределы жизнедеятельности.

Большой вклад в развитие субъектно-деятельностного подхода в различных областях отечественной психологии принадлежит А.В. Брушлинскому и возглавляемому им коллективу ученых. Можно привести многочисленные примеры существенного влияния субъектно-деятельностного подхода на различные области психологии:

- в психологии памяти произведен переход от традиционного анализа процессов запоминания (Г. Эббингауз), к исследованию различных форм активной деятельности субъекта в процессах запоминания;

- в психофизических исследованиях учет субъектности порождает новое самостоятельное направление «субъектную психофизику»;

- в психофизиологии рассматриваются как управляемые субъектом разнообразные физиологические сдвиги;

- процессы социализации и становление личности неразрывно связываются с формированием ее как субъекта деятельности, не ограничиваются представлением личности как элемента социальной системы¹⁴⁸;

- в социальной психологии большое внимание начинает уделяться развитию механизмов рефлексивной самоорганизации, как основы становления субъектов управленческой деятельности;

- в психотерапии формируется новое направление личностно ориентированной терапии К. Роджерса¹⁴⁹, в которой ведущим становится отношение к пациенту как к субъекту, которому надо помочь самому решать свои жизненные проблемы, лишь помогая ему, а не указывая как ему жить¹⁵⁰;

- в социальной психологии большое внимание было уделено проблемам исследования больших социальных групп как коллективных субъектов¹⁵¹;

¹⁴⁸ Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 208–252.

¹⁴⁹ Rogers C.R. Client-Centered Therapy: its current practice, implications and theory. Boston: Houghton Mifflin, 1951.

¹⁵⁰ Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории «субъект» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–74.

¹⁵¹ Журавлев А.Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.

- важно отметить, что имеет место конвергенция как субъект-объектных, так и субъект-субъектных представлений в психологических исследованиях, что способствовала более интенсивному развитию психологии формирования.

В контексте наших исследований анализа базовых инвариантных характеристик различных типов субъектов большое значение имеют работы В.А. Петровского, который предложил дескриптивную модель субъекта, в которой выделены важнейшие психологические характеристики субъектов. Принципиально важно, что эти характеристики можно рассматривать как инвариантные к типу субъекта (индивид, группа, организация, государство, цивилизация и др.), естественно интерпретация для различных типов субъектов будет отличаться и обслуживаться различными областями знания. Исследования Петровского способствовали бурному росту исследований проблемы субъектности в психологии и других смежных областях науки.

Петровский выделил четыре базовые характеристики субъекта:

- субъект – это целеустремленное существо;

- субъект – это рефлекслирующее существо;

- субъект – это свободное существо (самостоятельное, не ангажированное, само отвечающее за свои деяния);

- субъект – это развивающееся существо, готовое действовать в динамично изменяющейся среде¹⁵².

Субъектно-деятельностный подход оказал громадное влияние на формирование новых направлений психологии и развитие психологии в целом, существенно расширил и укрепил прикладные направления психологии. Он позволил расширить понимание системности в психологических исследованиях, обеспечив конвергенцию деятельностной, рефлексивной и коммуникативной активности.

В наши дни развитие проблемы субъекта в психологии происходит в значительной степени под влиянием постнеклассической научной рациональности.

Субъектность в кибернетике

Концептуальные подходы классической кибернетики (Н. Винер) формировались в соответствии с представлениями классической научной рациональ-

¹⁵² Проблемы субъекта в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 10.

ности. Субъект рассматривался как объект управления, принципиально не отличающийся от объектов аналогичных техническим системам.

Классическая кибернетика в контексте проблемы субъектности формировалась на основе нескольких постулатов, соответствующих естественнонаучным традициям¹⁵³.

Во-первых: «Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта».

Этот постулат задает пассивную позицию объекта, объект не может рассматриваться как субъект. Такой подход оказался непригодным к разработке моделей и механизмов управления социальными системами.

Во-вторых: «Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект».

Этот постулат усиливает пассивную роль объекта, не способного к рефлексии. Рефлексией наделяется только исследователь, субъект управления.

В соответствии с этими постулатами в кибернетике первого порядка сложилась парадигма «субъект – объект», которая в целом определяла методологию кибернетики первого порядка в контексте субъектности. Ограниченность этого подхода отчетливо проявилась при попытках его использования в управлении социальными системами, исследовании конфликтов, переговорных процессов и других социальных процессов и явлений, в которых требовался учет активности (субъектности) объектов исследования и управления. Даже в важнейших прикладных направлениях, рождаемых в кибернетике первого порядка – это теория игр и исследование операций, возникли принципиальные проблемы требующие смены ведущей парадигмы, ориентированной на пассивный объект управления.

Принципиально иной подход к проблеме субъектности сформировался при переходе к кибернетике второго порядка (Х. фон Фёрстер), которой соответствовали представления неклассической научной рациональности. Если кибернетика первого порядка может быть представлена как кибернетика «наблюдаемых систем», то кибернетика второго порядка – это кибернетика «наблюдающих систем». В кибернетике второго порядка объект становится также

¹⁵³ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.

субъектом, как и управляющий¹⁵⁴. В центре внимания кибернетике второго порядка оказались также рефлексия и рефлексивные процессы¹⁵⁵. В кибернетике второго порядка резко увеличилась роль междисциплинарного подхода. В биологии родилось принципиально важное направление аутопоззиса (У. Матурана и Ф. Варела), в психологии и психотерапии работы Г. Бейтсона, П. Ватцлавика, В.А. Лефевра.

В настоящее время кибернетика второго порядка имеет определенное развитие, но также как и кибернетика первого порядка вышла на принципиальные ограничения при моделировании социальных систем, требующие расширения представлений о субъектности.

Дальнейшее развитие субъектно-ориентированного подхода в кибернетике, на наш взгляд, осуществляется на основе постнеклассической научной рациональности и в значительной степени связано со становлением кибернетики третьего порядка, кибернетики

Субъектность в экономике

Мы предлагаем рассмотреть подходы к решению проблемы субъектности в экономике через проведения анализ содержания Нобелевских премий по экономике в начале XXI века. На наш взгляд, эти премии адекватно отражают тренд на повышение роли субъектности в экономике, более того они дают основания для вывода, что субъектность оказалась в центре внимания экономики.

До 2000 годов экономисты пытались опираться на аксиоматические модели, на парадигму управления «субъект – объект». Нобелевские премии присуждались в основном за математические модели в аксиоматических моделях, теории игр, исследовании операций.

В начале XXI века ситуация изменяется принципиально за счет осознания неадекватности большинства математических моделей в экономике. И в первую очередь это связано с повышением внимания к проблеме субъектности в эко-

¹⁵⁴ Foerster Heinz von. On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N.Y.: SpringerVerlag, 2003.

¹⁵⁵ Лефевр В.А. Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103. Ленский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. №2. С. 127-147. Karl H. Müller. The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2015. Vol. 13. № 6. P. 87–98. Umpleby S.A. Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. Vol. 10. № 1. Nov. P. 16–23.

номике. Это отразилось и на Нобелевских премиях. Они стали присуждаться за аспекты информированности субъектов экономических отношений, за организацию коммуникативных процессов, за экспериментальную экономику, за учет психологических факторов в моделях субъектов экономических отношений, за моделирование полисубъектных экономических систем и др.

Приведем примеры Нобелевских премий в период с 2001 по 2010 годы¹⁵⁶.

2001 г. Официальное название премии: «Анализ рынков с асимметричной информацией.» Лауреаты премии: George Akerlof, A. Michael Spence, Joseph E. Stiglitz. Субъектная интерпретация: 1. Актуальность учета разных картин мира (информационных представлений) у субъектов рынка. 2. Решение проблемы управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, фактически организация рефлексивного управления.

2002 г. Официальное название премии: «Экономический анализ человеческого поведения.» Лауреаты премии: Daniel Kahneman, Vernon Lomax Smith. Субъектная интерпретация: 1. Учет субъектами моделей своего поведения при оценке риска принятия экономических решений 2. Организация экспериментов на игровых экономических моделях с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов.

2005 г. Официальное название премии: «За развитие понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр.» Лауреаты премии: Yisrael Robert, John Aumann, Thomas Crombie Schelling. Субъектная интерпретация: Обоснование актуальности учета рефлексивных процессов при анализе точек равновесия (фокальные точки).

2006 г. Официальное название премии: «За анализ межвременного обмена в макроэкономической политике.» Лауреаты премии: Edmund S. Phelps. Субъектная интерпретация: Обоснование необходимости учета в экономических моделях степени информированности конкретных субъектов экономических отношений.

2007 г. Официальное название премии: «За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов.» Лауреаты премии: Leonid Hurwicz, Eric S. Maskin, Roger Bruce Myerson. Субъектная интерпретация: Эти работы четко

¹⁵⁶ Лепский В.Е. Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

ориентированы на парадигму «субъект – среда» в управлении экономическими системами.

2008 г. Официальное название премии: «За анализ структуры торговли и размещения экономической активности.» Лауреаты премии: Paul Krugman. Субъектная интерпретация: Эта работа также четко ориентирована на парадигму «субъект – среда» в управлении экономическими системами.

2009 г. Официальное название премии: «За исследования в области экономической организации и анализ вне рыночных экономических транзакций.» Лауреаты премии: Elinor Ostrom, Oliver Williamson. Субъектная интерпретация: Аналогично предыдущей премии.

2010 г. Официальное название премии: «За исследования рынков с моделями поиска – «трение» в макроэкономике.» Лауреаты премии: Peter Diamond, Dale Mortensen, Christopher Pissarides. Субъектная интерпретация: Аналогично предыдущей премии.

Этот тренд повышения роли внимания в экономике к проблеме субъектности наблюдался в Нобелевских премиях и в последующие годы.

Базовые характеристики субъектности

Среди множества характеристик субъектов важную роль для совершенствования механизмов консолидации государства, общества и бизнеса имеют регулятивно-коммуникативные характеристики субъектности. Простейшая дескриптивная модель субъекта содержит пять базовых характеристик: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию¹⁵⁷.

Структура модели субъектов. Разнообразие типов субъектов (индивиды, группы, организации, государства, цивилизации и др.) взаимодействующих в системах онтологий бытия и развития социальных систем обосновывает целесообразность разработки моделей субъектов инвариантных в отношении их типа. Нами предложены две взаимосвязанных модели: дескриптивная модель инвариантных базовых характеристик субъектов и модель саморазвивающейся полисубъектной (рефлексивно-активной) среды гибридной реальности, представимой как особого рода макросубъект¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016.

¹⁵⁸ Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

Дескриптивная модель инвариантных базовых характеристик субъектов включает пять характеристик: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию. Каждая из которых включает частные характеристики. Предлагаемые характеристики субъектов не задают систему независимых координат, они зависимы. Как следствие этот набор характеристик следует рассматривать как вариант модели, которая может модифицироваться с учетом специфики задач исследователя и преимущественного состава типов субъектов. В частности, в состав базовых характеристик могут быть включены частные характеристики нижележащего уровня.

В составе инвариантных базовых характеристик субъектов следует выделить «рефлексивность», она связана со всеми другими характеристиками и существенно влияет на их оценку. Это принципиально важная характеристика субъектов, без рефлексии (саморефлексии, рефлексии по отношению к другим субъектам) не может существовать субъект. Любой субъект может быть представлен как полисубъектная рефлексивная система, в которой в зависимости от сложившейся ситуации могут актуализироваться различные субъектные позиции. Также как и для групп и организаций для индивидуального субъекта имеет место проблема сборки субъекта в целое образование.

Рассмотрим элементы предложенной структуры дескриптивной модели инвариантных базовых характеристик субъектов: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию.

Целеустремленность. Эта принципиально важная для субъектов характеристика, которая является системообразующим фактором для любого типа субъектов.

Рефлексивность. При описании субъектов и их взаимодействий важен не только материальный, но и субъективный аспект, связанный с рефлексией и рефлексивными процессами. При рассмотрении рефлексии, как инвариантной характеристики субъектов, целесообразно использовать определение предложенное В.А. Лефевром: «В системном рассмотрении под рефлексией можно понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удается

провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания»¹⁵⁹.

Описание рефлексии различных типов субъектов (индивиды, группы, организации, государства и др.) имеет свою специфику и поддерживается подходами и методами, сложившимися в соответствующих областях знания (философия, психология, социология, политология и др.). Например, существенно различаются описания рефлексии индивидуальных субъектов и групповых субъектов, обеспечение таких описаний у первых осуществляется на основе психологических знаний, а у вторых добавляются социологические знания. У макросубъектов, например страна, в центре внимания может оказаться макрокультурная перцепция, создающая обобщенный образ себя¹⁶⁰.

Для описания рефлексии и рефлексивных процессов используется широкий спектр универсальных методов. Традиционное вербальное описание, графические представления, формальные рефлексивные полиномы (многочлены), математические операторные модели и другие. Эти методы позволяют описывать, анализировать и проектировать сложные рефлексивные процессы в различных сферах субъектных взаимодействий. Особая актуальность использования разнообразных методов моделирования рефлексивных процессов возникает в условиях конфликтных взаимодействий, особенно при попытках перевести эти конфликты в управляемую конфронтацию и сотрудничество¹⁶¹.

В начале XXI века явно формируется тренд на повышение внимания к рефлексивности субъектов при проектировании и обеспечение жизнедеятельности и развития социальных систем. Это связано прежде всего с тем, что рефлексивные элементы социальных систем потенциально способны с высокой неопределенностью, сложностью и отсутствием традиций сложившихся ситуаций. Это отмечается как в работах кибернетиков, так и в работах социологов¹⁶².

Коммуникативность. Успешность функционирования, безопасности и развития любой социальной системы определяется в значительной степени организацией ее пространства коммуникаций. Ориентировано ли пространство

¹⁵⁹ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1968.

¹⁶⁰ Ленский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. №2. С. 127-147.

¹⁶¹ Ленский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160с.

¹⁶² Beck U. Reflexive Modernisierung. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1996. Giddens A. Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft // U. Beck (Hrsg.): Reflexive Modernisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. Umpelby S.A. Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. Vol. 10. № 1. Nov. P. 16–23.

коммуникаций на обеспечение рефлексивных процессов, оперативных вертикальных и горизонтальных коммуникаций, использования креативного потенциала всех элементов социальной системы, адекватного реагирования на динамично изменяющиеся ситуации. Особое значение приобретает актуальность коммуникативности в межкультурных и межцивилизационных взаимодействиях социальных систем.

Социальность. Эта характеристика многогранна, рассмотрим несколько ее частных составляющих: идентичность, свобода, социальная ответственность.

Идентичность субъектов становится все более актуальной характеристикой субъектов в XXI веке, что связано с нарастающей динамикой социальных, политических и экономических изменений, разрушением традиций, деформацией культур, все нарастающими темпами погружения человека в виртуальную реальность и многочисленными вызовами и угрозами этого века¹⁶³. Можно привести следующие аргументы:

– высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, что влияет на быстрое изменение социальных структур и институтов, использующих эти знания, типы и способы коммуникаций;

– множественность социальных реальностей и высокая динамика их трансформаций;

– нарастающее давление техногенной цивилизации на индивидуальное бытие человека, разрушающее сложившейся баланс социальной активности и внутренний гомеостазис индивида, ослабляющий его психическую саморегуляцию;

– усложнение естественной интеграции прошлого и будущего в единую цепь событий, которая образует индивидуальную биографию и лежит в основе личностной идентичности;

– нарастание социальных и технологических опосредствований между действием и его результатом, что повышает сложность планирования действий как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

В этих условиях все большее число людей, характеризуется «размытой идентичностью», их сознание оказывается фрагментированным. Как следствие

¹⁶³ Лекторский В.А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н.И. Кузнецова. М.: Ф.А.С.-медиа, 2004. С. 170–205; На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 56–70.

у них возникают затруднения с учетом последствий от выбранных ими действий, с соотносением принятых в обществе норм с используемыми средствами, с представлениями о самом себе и окружающей социальной среде, с принадлежностью к той или иной социальной общности. В целом возникает проблема с индивидуальной идентичностью.

Процессы глобализации оказывают большое влияние на разрушение традиционных механизмов идентичности. Под их влиянием нарастают ограничения функциональных возможностей формирования идентичности на основе национальных и социальных образований, культур и религий.

Свободные субъекты. Основным регулятором свободы субъектов (наряду с принятыми в обществе нормативных ограничений для всех граждан) должно выступать добровольно принятое мировоззрение, принятое в рамках осознанной ими идентификации.

Свобода субъектов существенно зависит от степени защищенности субъектов от разного рода манипулятивных воздействий, которые могут превратить субъектов в объекты, в агентов, которыми управляют в своих интересах другие субъекты. Свобода субъектов оказывается неразрывно связанной с культурой субъектов по вопросам информационно-психологической безопасности, которая обеспечивает индивидуальную и групповую защиту от разного рода манипулятивных воздействий.

Социально ответственные субъекты. Ответственность субъекта возможна лишь при наличии у него свободы. Ответственность субъекта за свои поступки невозможна при фрагментарном сознании, разрушении или блокировке рефлексивных процессов, игнорировании традиционных культурных реальностей. Безответственность субъектов приводит к разрушению их субъектности, формированию культа примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, к деформации социальных норм и др. Эти негативные явления проявляются и в условиях современной России.

Способность к развитию. Рассмотрим отдельные аспекты, влияющие на способность субъектов к развитию.

Самоорганизующиеся субъекты. На способность социальных систем к развитию большое влияние оказывают идеи синергетики, сложившиеся в лоне естественных наук. Синергетические идеи самоорганизации в контексте совре-

менных представлений постнеклассической науки имеют мощный потенциал для совершенствования способности к развитию социальных систем.

Важным аспектом является междисциплинарное представление о мире, в котором из хаоса возникает порядок на основе естественных процессов. Как следствие можно утверждать, что деятельность субъектов должна быть подчинена правилам самоорганизации. Для успешной самоорганизации необходимо создать адекватное пространство коммуникации субъектов, адекватные рефлексивные процессы, адекватные процессы сборки субъектов и многое другое. При этом для субъектов важно «прислушаться к тому, куда система намерена двигаться». Чем больше субъектов поймут, в каком направлении изменяются процессы, тем быстрее будут развиваться новые формы организации¹⁶⁴.

Принципиально важно отметить в такого рода процессах значение организации рефлексивных процессов.

Во-первых, в многих социальных системах может оказаться необходимым поставить и решать проблему контроля над последствиями процессов самоорганизации. Какие-то субъекты должны обладать упреждающей рефлексией для анализа последствий самоорганизации, которые могли бы не соответствовать стратегическим ориентирам социальной системы и требовали дополнительного системного анализа. Требуется решение либо притормозить, либо ускорить самоорганизацию. Как следствие актуальна проблема организации социально ориентированной управляемой самоорганизации.

Во-вторых, естественно утверждение, что чем больше субъектов осознано примут участие в процессах самоорганизации, тем этот процесс будет успешней реализовываться. Целесообразна постановка и решение задачи стимулирования и поддержки рефлексивных процессов, обеспечивающих социально ориентированные процессы самоорганизации.

Креативные субъекты. Нарастание динамики изменений всех сфер жизнедеятельности человечества выдвигает повышенные требования к креативности и рефлексивности всех субъектов социальных систем. Особые требования возникают к организации механизмов управления социальными системами для стимулирования и поддержки их креативности в целом. Актуальна проблема гармонии иерархических, сетевых и средовых механизмов в процессах обеспе-

¹⁶⁴ Сенге П.М., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р.Б., Рот Д., Смит Б.Д. Танец перемен: новые самообучающиеся организации. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. С. 156.

чения жизнедеятельности, безопасности и развития социальных систем. Гармония, которая обеспечит эффективное использование креативного потенциала социальной системы. Решение этой проблемы предусмотрено в модели постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) средах гибридной реальности.

Открытые субъекты. Актуальность идеи открытости систем была обоснована в работах А. Богданова, далее развита в кибернетике (Л. Фон Берталанфи). Только выход за границы социальной системы может способствовать ее долговременному развитию. Этот аспект субъектности тесно связан аспектами коммуникативности и рефлексивности субъектов.

Непрерывно обучающиеся субъекты. Снова возвращаясь к тренду нарастания динамики изменений во всех сферах жизнедеятельности социальных систем, следует выделить актуальность непрерывного обучения субъектов. Важно отметить, что содержание обучения будет претерпевать принципиальные изменения за счет смещения фокуса внимания с «предметно-знаниевой» на «процедурно-знаниевую» ориентацию. Принципиально важно отметить, что саморазвивающаяся полисубъектная среда гибридной реальности может рассматриваться как среда непрерывно обучающихся субъектов. Такого рода исследования были проведены в отечественной педагогике¹⁶⁵.

Перспективным направлением развития моделирования субъектов является совершенствование концептуального и методического обеспечения постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности¹⁶⁶.

Анализ субъектности «коллективного Запада»

Анализ базовых характеристик субъектности «коллективного Запада»

Для описания и анализа субъектности «коллективного Запада» используем предложенную выше дескриптивную модель инвариантных базовых характеристик субъекта, которая в основном ориентирована на описание регуляционно-коммуникативных аспектов жизнедеятельности и развития субъектов. В

¹⁶⁵ Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

¹⁶⁶ Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии» – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

¹⁶⁶ Лепский В.Е. Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. №8. С. 211-215.

первую очередь это относится к трем видам активности: деятельностной, коммуникативной и рефлексивной. Обобщенно они находят свое отражение в пяти характеристиках: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию¹⁶⁷.

Целеустремленность «коллективного Запада». Базовыми ценностными установками «коллективного Запада», которые в значительной степени определяют его стратегическое целеполагание, являются: несанкционированное в международном масштабе присвоение себе права «превосходства над другими представителями человечества», а также на права «бесконтрольного потребления в своих интересах всех ресурсов человечества». Это утверждение имеет убедительные доказательства на основе исторического анализа колониальной политики представителей «коллективного Запада», а также и в настоящее время в откровенном стремлении к сохранению однополярного мира и применение ради этого крайне жестких методов насилия (Югославия, Ливия, Ирак, Сирия и др.). Это проявляется и в разрушении устоявшихся норм международного права, подмена его ситуационными односторонне введенными правилами, которые должны выполнять все представители мирового сообщества.

Эгоистические ценностные установки «коллективного Запада» отчетливо проявились в его действиях в условиях пандемии COVID-19. В период пандемии COVID-19 «коллективный Запад» открыто выступал за снижение роли мировых структур в развитие и обеспечение безопасности человечества (речь идет прежде всего о Всемирной организации здравоохранения)¹⁶⁸, стараясь перехватить на себя функции международных структур.

У эгоистичного субъекта, каковым является «коллективный Запад», принципиально не может быть партнеров. Это начинают сегодня адекватно понимать многие страны мира, которые надеялись, что лояльное отношение к «коллективному Западу» будет гарантировать им защиту и благополучие. Реальные примеры международных отношений убедительно демонстрируют как коллективный Запад легко забывает свои обязательства перед другими странами. К любым субъектам мирового сообщества «коллективный Запад» отно-

сится как к объектам и средствам для достижения своих целей. В том числе к таковым могут быть отнесены и отдельные члены «коллективного Запада», если это потребуется в интересах его лидеров, в частности, это проявляется сегодня при жестком разрушении субъектности членов Европейского Союза в интересах лидеров «коллективного Запада». Рассмотренные основания стратегического целеполагания «коллективного Запада» создают предпосылки для сборки легко управляемого субъекта, на основе низменных мотивов превосходства над другими и обогащения за чужой счет. Такой субъект однозначно опирается на представления расизма.

Рефлексивность «коллективного Запада». Как субъект он обладает развитыми высокотехнологичными механизмами рефлексии, которые в значительной степени находятся в распоряжении лидеров его «надгосударственных структур» и «наднациональных структур». Следует отметить, что «члены коллективного Запада» имеют весьма ограниченный доступ к высокотехнологичным рефлексивным механизмам «коллективного Запада». Более того, широко используется блокировка рефлексии членов «коллективного Запада», что отчетливо проявляется как деформирование картин мира у населения членов Европейского Союза, через управляемые СМИ, а также через подбор и расстановку послушных и недостаточно профессионально компетентных руководителей этих государств. Имеет достаточно оснований утверждать, что у членов «коллективного Запада» отсутствуют механизмы свободной выработки консолидированной рефлексивной позиции. Рефлексия «коллективного Запада» – это рефлексия лидеров «надгосударственных структур» и «наднациональных структур», которые берут на себя миссию системообразующих представителей «коллективного Запада». Осознание отсутствия адекватной коллективной рефлексии способствует осознанию широкими слоями населения их незащищенности от разного угроз (например, в Европе энергетической, продовольственной и других видов безопасности), что может послужить, и уже частично проявляется, «спусковым механизмом» для массовых импульсивных протестных движений широких слоев населения, которые нарастают в странах Европейского Союза и США.

Коммуникативность «коллективного Запада». Ориентация на доминирование иерархических механизмов управления с ведущей ролью надгосударственных и наднациональных структур порождает жесткий контроль над комму-

¹⁶⁷ Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.

¹⁶⁸ Лепский В.Е. Рефлексия пандемии COVID-19: субъектно-ориентированный подход // Экономические стратегии. 2020. № 8 (174). С. 66-71.

никативными процессами «коллективного Запада». Это проявляется в контроле и управлении наиболее развитыми средствами массовой информации и социальными сетями. Например, в США в социальных сетях в период выборной кампании блокировались действия законного Президента страны. На примере пандемии COVID-19 проявился широкий спектр проблем коммуникаций на «коллективном Западе». От жесткого управления СМИ, до блокировки коммуникаций ученых и общественных деятелей, блокировке научной и общественной дипломатии¹⁶⁹.

Социальность «коллективного Запада». Рассмотрим отдельные характеристики социальности «коллективного Запада»: идентичность, свобода, социальная ответственность, этичность, духовность субъектов.

Идентичность членов «коллективного Запада», как мы уже отмечали, формируется на основаниях превосходства над другими субъектами и бесконтрольном потреблении принадлежащих им ресурсов и продуктов.

Свобода на «коллективном Западе» весьма сомнительна, что особенно отчетливо проявляется в последнее время, через организацию массовых гонений за гражданами, высказывающимися против агрессии, развязываемой «коллективным Западом» по отношению к России и Китаю, против провоцирования ядерной войны. В президентских избирательных кампаниях США также ярко проявилось нарушение свободы граждан.

Социальная ответственность «коллективного Запада» вызывает большую критику в странах, не входящих в его состав, как по отношению к членам мирового сообщества, так и к членам самого «коллективного Запада». Можно привести многочисленные примеры. Ради своих эгоистических интересов, игнорирования интересов слаборазвитых стран при распределении потоков зерна с Украины. Использование долларовой печатной станки для обворовывания большей части человечества, гигантское накопление государственных долгов и др. Социальная безответственность «коллективного Запада» отчетливо в процессе преодоления пандемии COVID-19. В частности, это было связано: с введением различий на качество медицинских услуг для различных категорий населения (по уровню благосостояния, по возрастным и другим признакам); с незаконным эгоистическим перехватом у других субъектов средств борьбы с пан-

¹⁶⁹ *Ленский В.Е.* Рефлексия пандемии COVID-19: субъектно-ориентированный подход // Экономические стратегии. 2020. № 8 (174). С. 66-71.

демией; в крайне низкой помощи бедным государствам, которые становились в последнее время очагами дальнейшего нарастания угроз пандемии и др. «Коллективный Запад» – социально безответственный субъект.

Доминирующая этичность «коллективного Запада» – может быть обобщенно охарактеризована как цель оправдывает средства. Можно привести десятки примеров, обосновывающих это утверждение (варварское незаконное разрушение Югославии и Ливии, под надуманным фальшивым предлогом уничтожение почти миллиона жителей Ирака, незаконное вторжение в Сирию и незаконное использование ее ресурсов, поддержка многих международных террористических организаций, атомная бомбардировка Японии и др.). «Коллективный Запад» – обладает этикой агрессора.

Обсуждать духовность «коллективного Запада» не имеет смысла после описания вышерассмотренных характеристик его субъектности.

Способность к развитию «коллективного Запада» целесообразно рассмотреть с позиции западной модели техногенной цивилизации. Эта модель была рождена на Западе и служит высокотехнологичным инструментом управления «коллективным Западом» в интересах реализации глобалистского проекта. Базовые ценности техногенной цивилизации научно-технический прогресс и наука. При этом вне рассмотрения оказываются социальные ценности¹⁷⁰. Такой подход создает благоприятные условия для повышения управляемости со стороны «коллективного Запада» мировым сообществом за счет его цивилизационной унификации и атомизации обществ, а фактически за счет разрушения различных видов субъектности мирового сообщества. Эти возможности существенно возрастают при использовании цифровых технологий и искусственного интеллекта. В целом способность к развитию «коллективного Запада» сфокусирована на научно-техническом прогрессе и науке, при игнорировании социальных ценностей. Сегодня «коллективный Запад» является одним из лидеров инновационного развития, а игнорирование социальных ценностей дает основание характеризовать его как асоциального субъекта.

Представленные данные о базовых характеристиках субъектности «коллективного Запада» дают основания утверждать, что глобальная финансовая

¹⁷⁰ *Степин В.С.* XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 185–188.

элита фактически разрушила систему национального консенсуса и организовала олигархический интернационал, преследующий собственные интересы, которые не совпадают с интересами своих народов¹⁷¹. Олигархический интернационал сформировался как организованный субъект «коллективный Запад» на основе превосходства над другими субъектами мирового сообщества и бесконтрольными возможностями обогащения за чужой счет.

«Коллективный Запад» как тоталитарная секта

В начале XXI века все более отчетливо начинают проявляться негативные последствия глобалистского проекта для человечества. «Коллективный Запад» вынужден блокировать рефлексию международного сообщества, в том числе и своих членов от осознания глобальных угроз этого проекта. С учетом этого обстоятельства, а также базовых характеристик субъектности «коллективного Запада», он становится все более похожим на тоталитарную секту.

Нами показано, что базовые механизмы управления в тоталитарных сектах опираются на широкий спектр рефлексивных технологий¹⁷². В психологии принято выделять (С.Л. Рубинштейн) два способа существования человека как субъекта жизни¹⁷³. Первый способ – это жизнь, не выходящая за пределы конкретных условий, в которых живет человек. Такой способ жизни был назван «реактивный способ существования». Второй – связан с наличием рефлексии («рефлексивный способ жизнедеятельности»). Этот способ жизни может быть применим не только к описанию человека, но и к групповым субъектам, в том числе и к государствам. Для культовых организаций и тоталитарных сект характерно использование технологий, ориентированных на формирование у их членов «реактивного способа существования», эти технологии также широко используются и «коллективным Западом».

Среди базовых механизмов управления в культовых организациях и тоталитарных сектах выделим наиболее тесно связанные с рефлексивными технологиями и приведем примеры их использования «коллективным Западом»:

– разрушение у членов «коллективного Запада» ранее сложившихся форм жизнедеятельности;

¹⁷¹Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 1998.

¹⁷²Лепский В.Е., Степанов А.М. Рефлексивные процессы в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59-72.

¹⁷³Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

- блокировка рефлексии;
- социальная изоляция членов, разрыв связей с субъектами, не входящими в состав «коллективного Запада»;
- рефлексивное программирование, навязывание заранее predetermined позиций;

«Разрушение, ранее сложившихся форм жизнедеятельности» широко используется в деятельности «коллективного Запада», это проявляется, в частности, в навязывании государствам Европейского союза явно нежелательных для них форм жизнедеятельности, наносящих громадный ущерб их национальным интересам, резко снижающим уровень жизнедеятельности населения и негативно сказывающемся на разрушении культурных традиций (разрушение сложившихся экономических и культурных связей за счет принудительного введения санкций, организация потоков мигрантов, разрушение института семьи и др.).

«Блокировка рефлексии» – блокировка несанкционированных «коллективным Западом» рефлексивных процессов, фактически создание трудностей у субъектов самостоятельно осуществлять выбор и построение желаемых форм жизнедеятельности. Это проявляется, например, в жестком централизованном управлении СМИ, необоснованном вытеснении из информационного пространства неподконтрольных СМИ, блокировке экспертных обсуждений актуальных мировых проблем на трибунах мировых структур ООН и др.

«Социальная изоляция» членов, разрыв связей с субъектами, не входящими в состав «коллективного Запада». Контроль и регулирование «несанкционированных» воздействий со стороны внешнего окружения на субъектов культовой организации, фактически блокировка возможности изменений заданных «коллективным Западом» форм жизнедеятельности ближайшего социального окружения человека. Особенно явно и демонстративно такие механизмы используются «коллективным Западом» через широкий спектр экономических, политических и культурных санкций, например, введение запретов на контакты в международных спортивных и культурных мероприятиях, визовые запреты и др.

«Рефлексивное программирование» – навязывание членам «коллективного Запада» заранее predetermined его лидерами, точек зрения, позиций, мнений с целью принятия предлагаемой нормы жизнедеятельности. Фактиче-

ски лидеры «коллективного Запада» ставят целью достижение полного контроля над сознанием населения его членов. Важно отметить, что «коллективный Запад» обладает богатым спектром необходимых для достижения этих целей механизмов и весьма эффективно их использует для управления своими членами. В результате формируется единообразие представлений членов. И создаются затруднительные условия для осуществления критического анализа мировых реалий и отношений к такого рода представлениям со стороны представителей большей части человечества, не входящих в «коллективный Запад».

Обобщенно субъектную позицию «коллективного Запада» как тоталитарной секты можно охарактеризовать следующими признаками:

- формирование реактивного способа жизнедеятельности у субъектов, входящий в «коллективный Запад», а также и у других субъектов мирового сообщества;
- стремление к превращению субъектов в объекты управления;
- блокировка рефлексии у членов «коллективного Запада» и у других членов мирового сообщества;
- рефлексивное программирование членов «коллективного Запада», для облегчения процессов управления ими и сохранения лояльности к нему;
- блокировка социальных контактов членов «коллективного Запада» вне его границ;
- доминанта группового субъекта над индивидуальным субъектом, без учета его интересов;
- ориентация членов «коллективного Запада» на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей «коллективного Запада» в нестандартных ситуациях;
- жесткая, иерархическая структура управления «коллективного Запада»;
- ориентация на использование членами «коллективного Запада» базовых предметных знаний, а не процедурных знаний для анализа сложившихся ситуаций.

Эти признаки отчетливо проявились у «коллективного Запада» в условиях пандемии COVID-19¹⁷⁴, а также при развязывании агрессии против России и Китая.

Технологии разрушения субъектности России в период перестройки

Сегодня выявлены основные причины негативных воздействий на субъектность России в период перестройки и актуальные направления нейтрализации этих воздействий. В значительной степени это было связано с внешним перехватом инициатив в реформировании отечественной экономики на основе доминирования сырьевой ориентации. Целенаправленно были созданы благоприятные условия для невиданных размеров коррупции в системе государственного управления и благоприятные условия для проникновения финансово-промышленных группировок и криминальных структур во все сферы экономики и политики. Представителями других государств была проведена предварительная подготовка и ангажирование лидеров российской системы управления, для их последующего использования в интересах других стран и транснациональных корпораций. Принудительно была навязана либеральная идеология, разрушающая цивилизационную специфику страны.

Были ли среди участников перестройки субъекты российского развития?

Чтобы понять, кто сегодня является субъектами российского развития, необходимо начать с анализа участников перестройки. И ответить на вопрос: а были ли среди субъектов перестройки субъекты российского развития – или ее участники преследовали какие-то другие цели, не связанные с развитием России?

На наш взгляд, сегодня можно смело утверждать, что в период перестройки не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие¹⁷⁵. Убедительное обоснование отсутствия критериев оценки, принимаемых на уровне руководства решений и прогнозов последствий приведено в работе С.Г. Кара-Мурзы¹⁷⁶. Он стремился ответить на вопрос, чем объясняются гигантские человеческие и материальные потери, которые сопоставимы с потерями в период гражданской войны. Один из ответов сводится к

¹⁷⁴Лепский В.Е. Рефлексия пандемии COVID-19: субъектно-ориентированный подход // Экономические стратегии. 2020. № 8 (174). С. 66-71.

¹⁷⁵Лепский В. Субъекты перестройки и перестройка субъектов // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И. Толстых. М.: Русский путь, 2005. С. 81–88..

¹⁷⁶Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 2. С. 16–34..

тому, что организаторы и продолжатели перестройки разрушили экономически слабо эффективную, но работающую систему управления страной, даже не задумываясь о том, как создать новую. Методом проб и ошибок они привели страну к анархии, а не к демократии.

На наш взгляд, можно выделить пять основных субъектов перестройки: «менялы», «идеалисты», «разрушители», «ТНК» и «мародеры-мифологи».

Менялы были главными действующими лицами перестройки, вместе с тем, как правило, находящимися в тени. Они осуществляли обмен «номенклатурного ресурса» бывшей властной элиты на «материальный ресурс» будущей. И вполне успешно справились с этой задачей: сегодня они и их помощники – главные действующие лица в стране.

Для идеалистов перестройка представлялась как культ идеи установления демократии любой ценой, без оглядки и четкого осознания последствий. К этому типу субъектов, возможно, следует отнести основную массу советской интеллигенции, впавшей в состояние эйфории от «глотка свободы».

Для разрушителей перестройка явилась долгожданным актом завершения «холодной войны». И не случайно З. Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в этой войне и переживаемое Россией «смутное время», довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа¹⁷⁷.

Для транснациональных корпораций (ТНК) интерес к перестройке был связан, прежде всего, с желанием ослабить государство, контролирующее территории с гигантскими запасами энергетических и других ресурсов, а также нейтрализовать конкурента в области высоких технологий. Интересы этого субъекта также были в основном достигнуты.

К внешним субъектам-разрушителям и ТНК примкнул наш внутренний подвид субъектов — мародеры-мифологи, которые стали продвигать систему разрушительных мифов: рынок сам себя отрегулирует; начальный капитал всегда образуется преступным путем; административная система управления — это наш враг; все западные товары лучше отечественных и т.п. Они же при этом не упустили случая обогатиться в процессе разрушения страны.

¹⁷⁷Ипполитов К.Х.,Ленский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти? // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 2. С. 5–27..

Были ли другие субъекты перестройки? Безусловно, но их влияние не столь заметно.

Общий вывод таков: среди участников перестройки не оказалось субъектов российского развития. В итоге Россия стала жертвой очередного культа – культа светлой идеи «демократии». Естественно, демократия тут ни при чем. Она сама стала жертвой процесса, по сути своей разрушительного, прикрываемого красивыми лозунгами.

А сегодня мы получили новый культ: культ денег, обогащения и наживы, который стал тяжелым испытанием для России.

Технологии управляемого хаоса как инструмент разрушения субъектности России

Для определения конкретных подходов и технологий укрепления субъектности России важно знать технологии, которые использовались при разрушении ее субъектности. В этой связи представляет интерес анализ технологий «управляемого хаоса», которые были применены в 90-е годы для ослабления субъектности России. Специфика концепции «управляемого хаоса» и сведения об идеологах этого подхода в применении к воздействию на социальные системы представлены в нашей статье в журнале Информационные войны¹⁷⁸.

Анализ опыта применения технологий управляемого хаоса и специфики его использования в России выявить основные этапы его подготовки и реализации:

- подготовка к организации «управляемого хаоса», с учетом возникновения или организации политических и экономических кризисов;
- инициирование «управляемого хаоса»;
- создание благоприятных условий для внешней управляемости;
- потенциальная возможность частичной потери внешней управляемости;
- возможность антикризисной самоорганизации или дальнейшая хаотизация?

В соответствии с выделенными этапами подготовки и реализации технологий управляемого хаоса рассмотрим специфику применения этой концепции в России с 1990-х годов до настоящего времени.

¹⁷⁸Ленский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, N4. С.69-78.

Подготовка к организации «управляемого хаоса», с учетом возникновения или организации политических и экономических кризисов. Как и других случаях применения этой концепции общая картина совпадала со спецификой ее использования в России. На начальном этапе проводилась подготовка сети агентов влияния для запуска процессов организации хаоса и последующего их использования для перехвата управления. Подготовка команды «чикагских мальчиков» осуществлялась в основном из выпускников вузов и сотрудников научных институтов, с организацией их стажировки в американских университетах. Целенаправленно их готовили по тематике экономического анализа предприятий и отраслей народного хозяйства для последующего их использования в организации приватизации и покупки российской собственности транснациональными корпорациями. «Чикагские мальчики» работали сначала преподавателями в ВУЗах, а потом переходили на работу в правительство, часть из них получала возможность стать олигархами.

Выбор кандидатов в «чикагские мальчики» проводился с учетом их личностных качеств. Эти люди должны были быть небогаты, умны, циничны, алчны и космополитичны. Они не должны любить свою Родину. Они не должны испытывать чувство жалости к своей стране и народу при нанесении им ущерба и страданий. Им должны быть чужды такие слова как «совесть», «патриотизм», «сострадание»¹⁷⁹. Для одних должны быть крайне важны их будущие блага в виде особняков и яхт. Другие – любить свои безумные идеи и будущие Нобелевские премии. «Чикагским мальчикам» рекомендовали избегать излишней популярности и влиять не на народ, а на официальных представителей властной элиты. Они должны быть догматично преданны Идеи «разгосударствления экономики» и «свободного рынка» должны были быть для них путеводными звездами в разрушении страны. И, безусловно, преданность заокеанским друзьям и международным финансовым организациям.

Подготовка к организации управляемого хаоса обеспечивала создание кадрового резерва для будущей «властной элиты», ориентированной на разрушение субъектности своей страны.

Инициирование «управляемого хаоса». Для анализа механизмов разрушения субъектности России используем рассмотренную выше дескриптивную модель. Ее основные характеристики: целеустремленность, рефлексия, коммуни-

¹⁷⁹КляйнН. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.

кативность, свобода влияния на события в стране, способность к развитию¹⁸⁰. Без претензий на полноту описания широкого спектра используемых конкретных технологий, приведем примеры воздействий, направленных на разрушение в России отдельных базовых качеств субъектности.

Разрушение целеустремленности развития (стратегического целеполагания):

- разрушение работающей системы управления страной за счет внедрения кадрового резерва «чикагских мальчиков» и их лоббирования¹⁸¹;
- создание благоприятных условий для бурного роста коррупции¹⁸²;
- инициирование и поддержка становления массовой культуры культа денег¹⁸³;
- резкое усиление бюрократизации государственной системы управления¹⁸⁴;
- отстранение научного сообщества от участия в экспертной поддержке механизмов управления страной и ее развитием¹⁸⁵;
- актуализация системы мифов: «рынок сам все отрегулирует», «административно-командная система – это зло», «все западные товары лучше отечественных»¹⁸⁶ и др.

Блокировка рефлексии:

- широкомасштабное внедрение в российские реалии зарубежных культовых организаций (образовательных, например «Лайф Спринг» и др.; религиозных, например сайентология и др.)¹⁸⁷;

¹⁸⁰Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.

¹⁸¹Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

¹⁸²Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27.

¹⁸³Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27.

¹⁸⁴Батчиков С. Глобализация – управляемый хаос.

¹⁸⁵Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Лепский и др. Методологические аспекты инновационного развития России // Экономические стратегии. 2010. № 7–8. С. 46–59.

¹⁸⁶Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.

¹⁸⁷Лепский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.

- внедрение зарубежных политических технологий «блокировки рефлексии» в избирательные кампании¹⁸⁸;
- стимулирование процессов превращения СМИ в субъектов рыночной экономики¹⁸⁹;
- продвижение примитивной массовой культуры¹⁹⁰ и др.

Разрушение коммуникативных связей:

- насаждение идеологии неолиберализма, атомизация общества;
- разрушение социальных связей (через культовые организации, снижение качества жизни у большей части населения и др.)¹⁹¹;
- разрушение системы транспортных связей внутри страны¹⁹²;
- разжигание межэтнических и межконфессиональных противоречий¹⁹³;
- стимулирование расслоения общества на богатых и бедных¹⁹⁴;
- стимулирование и поддержка разрыва связей между поколениями¹⁹⁵ и др.

Ограничение свободы влияния на события:

- массовое внедрение западных манипулятивных технологий в избирательные кампании (известны случаи прихода к власти партий, фактически не имеющих программы)¹⁹⁶;

¹⁸⁸ Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.

¹⁸⁹ *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 19–29.

¹⁹⁰ *Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.

¹⁹¹ *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.

¹⁹² *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.

¹⁹³ *Батчиков С.* Глобализация – управляемый хаос.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.

¹⁹⁶ Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Лепский В.Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.

- распространение неолиберальной идеологии, нарастание индивидуализма и «атомизации» общества¹⁹⁷;
- порождение культа денег и системы примитивных ценностей (иницируемая З. Бжезинским технология разрушения концепции бытия)¹⁹⁸;
- свертывание независимых СМИ¹⁹⁹;
- стимулирование сверхвысокой коррупции и криминализации общества и др.²⁰⁰

Ограничение возможностей развития:

- разрушение отечественной науки и образования²⁰¹;
- деиндустриализации страны (грабительская, уничтожительная приватизация и разрушение профессионального образования)²⁰²;
- организация бесконтрольного вывоза капитала из страны²⁰³;
- организация грабительской кредитной зависимости страны и бизнеса от международных финансовых систем;
- организация импортной зависимости от Запада в жизненно важных сферах;
- блокировка грамотной инновационной политики и инновационной системы в стране²⁰⁴;
- блокировка активного участия общества в развитии страны и др.

В результате продуманной системы разрушительных воздействий на Как следствие базовые качества субъектности в России она была существенно ос-

¹⁹⁷ *Батчиков С.* Глобализация – управляемый хаос.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

¹⁹⁸ *Ипполитов К.Х., Лепский В.Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27.

¹⁹⁹ *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28.

²⁰² Там же.

²⁰³ *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

²⁰⁴ Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28.

лаблена. Для восстановления субъектности необходимо (но недостаточно) восстановление рассмотренных базовых качеств²⁰⁵.

Выполнения основных задач организации «управляемого хаоса», позволило создать благоприятные условия для перехода к следующему этапу этой концепции: укреплению «ручной» властной элиты и созданию благоприятных условий для внешней управляемости. Приведем примеры технологий работы с властной элитой:

- использование и лоббирование для продвижения во государственные структуры, заранее сформированных и ангажированных представителей властной элиты;
- укрепление власти коррумпированных чиновников;
- установление контроля над сложившейся коррумпированной властной элитой (отслеживание зарубежных счетов, финансово-экономических преступлений и др.);
- установление контроля над представителями властной элиты и бизнеса через разнообразные международные общественные структуры (Ротари-клуб, People to People International, фонд Маршалла и др.).

Продолжение активной работы по дальнейшему «оболваниванию» населения. Усиление внедрения массовой культуры (например, телепередачи типа «Дом-2» и др.). Противодействие разработке и принятию законопроектов по обеспечению безопасности в информационной сфере (блокированы законопроекты «Об информационно-психологической безопасности», «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» и др.). Нарастание темпов развала науки и образования.

Сложившиеся деструктивные для страны условия «управляемого хаоса», способствуя формированию высочайшей коррупции, одновременно создают также условия для усиления и консолидации властной элиты, у которой появляются мотивы повышения уровня своей самостоятельности перед западными хозяевами. В частности, этому благоприятствовали следующие обстоятельства:

- явно завышенное самомнение «ручной властной элиты» о своей значимости и самодостаточности;

²⁰⁵ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.

- адекватное понимание потенциальных личных угроз при развале страны;
- обеспокоенность сохранением своих материальных активов, находящихся в зарубежных банках;
- угрозы нестабильности мировой финансово-экономической сферы от непредсказуемых кризисов;
- формирование восточного конкурента для западных хозяев и прогнозируемое их ослабление.

Эти обстоятельства способствовали становлению тренда на стремление «ручной властной элиты» к повышению своей самостоятельности от западного влияния и попытки обеспечить свою безопасность и сохранение властных позиций за счет формирования поиска новых форм субъектности страны.

Почему система национальной безопасности России не обеспечила защищенность от технологий управляемого хаоса?

Концептуальные документы национальной безопасности России в 90-е годы прошлого столетия были в основном ориентированы на понимание безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Эта культура сложилась в период «холодной войны» СССР и США. Такой подход был не адекватен условиям интенсивного и хорошо спланированного превращения страны в колонию. Главной угрозой в этот период стала угроза разрушения субъектности России, разрушения ее суверенитета по широкому спектру жизнедеятельности, безопасности и развития. Причем безопасность и развитие стали единым целым, а не отдельными аспектами субъектности. Специалисты по национальной безопасности этого понять не успели и не смогли, более того им это сделать мешали западные кураторы. Не удивительно, что в документах по национальной безопасности не было уделено должного внимания проблеме безопасности отечественной науки и образования, развал которых продолжается до настоящего времени.

В начале XXI века были попытки совершенствования концепций национальной безопасности, однако они не обеспечены реальными планами и ответственными субъектами их осуществления. В этих документах неадекватно оценивалась сложившаяся ситуация как в стране, так и в мировом сообществе, представлены утопические прогнозы ближайшего будущего России. Критикуя

«низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный тип развития», авторы стратегических документов, похоже, не знают, что такой «перевод» даже не начат (несмотря на то, что он продекларирован высшим политическим руководством страны)²⁰⁶. Фактически концепции национальной безопасности принципиально не изменились. Как следствие, страна не готова адекватно реагировать на бурные изменения современного мира, которые бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям безопасности социальных систем.

Нами с позиций субъектно-ориентированного подхода были разработаны предложения по представлению проблем национальной безопасности в неразрывной связи с проблемами развития²⁰⁷. Обеспечение безопасности социальных субъектов понималось как обеспечение их способности к социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность их проектов жизнедеятельности и развития.

Обеспечение национальной безопасности – это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических проектов.

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Такой подход явно не выдерживает критики с позиций современного представления о системном подходе и вызывает справедливую критику у ряда специалистов по безопасности. Предлагаемый нами пересмотр с позиций субъектно-ориентированного подхода понятия безопасности предопределяет и иные основания для выделения направлений безопасности, ориентированных на способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию. Например, онтологическая, идентификационная, инновационная, рефлексивная и др.

²⁰⁶ Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса // Мировая политика в условиях кризиса: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Кортунова. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 398–401.

²⁰⁷ Лепский В.Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

Анализ базовых характеристик субъектности современной России

Необходимым условием для решения проблемы формирования солидарного общества и укрепления субъектности страны является развитие выделенных пяти инвариантных базовых регулятивно-коммуникативных характеристик субъектности. Рассмотрим состояние этих характеристик субъектности для современной России.

Целеустремленность. Целеустремленность субъекта в значительной степени определяется его ценностные ориентиры и развитостью механизмов стратегического целеполагания. Отсутствие оснований в Конституции Российской Федерации для государственной идеологии существенно ограничивает ценностные установки для стратегического целеполагания, однако это в определенной степени компенсируется другими документами, утверждаемыми Президентом Российской Федерации. Следует отметить, что в обществе идет активная работа по созданию идеологических оснований для страны, причем стратегические ориентиры опираются на преодоление негативного образа субъектности «коллективного Запада».

Современные механизмы стратегического целеполагания в России подвергаются обоснованной критике²⁰⁸. Эти механизмы были разрушены в 90-е годы, чему способствовали негативные внешние и внутренние воздействия: ликвидация системы управления страной²⁰⁹; насаждение культа денег; стимулирование коррупции; бюрократизация государственной системы; отстранение научного сообщества и общества в целом от развития страны; развал науки и образования и др.

Как следствие в стране до сих пор отсутствует развитая система стратегического целеполагания. Доказательством этого являются не реализованные стратегии, разработанные в последние три десятилетия. Нет убедительных обоснований в успешности внедрения стратегического целеполагания и двенадцати национальных проектов, которым явно требуется дополнительная проработка для придания им более системного и согласованного характера.

²⁰⁸ Лепский В.Е. Стратегическое целеполагание в России: состояние и перспективы развития // Труды Вольного экономического общества России. Том 215. № 1. 2019. С. 66–80.

²⁰⁹ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. (Серия: Национальный интерес.) М.: Алгоритм, 2003. 480 с.

Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с.

Принципиально важно, что от стратегического целеполагания страны фактически отстранено общество и бизнес, в том числе отстранена и наука. Это может оцениваться как нарушение Конституции Российской Федерации, в которой прописано, что народ является «единственным источником власти», он имеет право контролировать и участвовать в процессах стратегического целеполагания страны.

Эта проблема еще более обостряется в связи динамичным нарастанием сложности общества, в том числе под влиянием цифровых трансформаций. Что связано с нарушением кибернетического принципа Эшби, согласно которому сложность системы управления должна быть сопоставима со сложностью объекта управления. Сложность иерархической системы государственного управления в современной России не сопоставима со сложностью общества и разрыв нарастает. Для того чтобы выстоять во враждебных отношениях с «коллективным Западом» необходимо совершенствовать механизмы стратегического целеполагания, что возможно в первую очередь через совершенствование механизмов общественного участие на основе активного включения общества в эти механизмы. Научно обоснованный подход к решению этой проблемы в использовании концепции постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности²¹⁰.

Рефлексивность субъекта является его базовой характеристикой, определяющей качество всех других его характеристик. Страна – представима как полисубъектная среда, у различных субъектов которой разнообразные состояния рефлексивности²¹¹. Рефлексивность всех субъектов России была одной из главных целей разрушения в период перестройки и развала СССР, и эта цель была успешно достигнута. Для этого был применен широкий спектр информационно-психологических воздействий для «блокировки рефлексии»: в образовании (ЕГЭ и др.), культовых организациях, избирательных кампаниях, СМИ как субъектах рыночной экономики, цифровых трансформациях²¹².

Эти воздействия оказали крайне негативное влияние как на граждан, так и на общество в целом, государство и бизнес. Мы живем в стране, у которой

²¹⁰Ленский В.Е. Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. №8. С. 211-215.

²¹¹Ленский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. №2. С. 127-147.

²¹²Ленский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с.

отсутствует позитивный образ будущего! Отсутствует адекватная рефлексия между властной элитой, обществом и представителями крупного бизнеса. В таких условиях крайне затруднены процессы консолидации государства, общества и бизнеса. Если учесть, что страна находится в состоянии конфликта с «коллективным Западом», то состояние рефлексивности России явно не адекватное сложившейся ситуации. Атрофированная рефлексивность может быть дополнительным источником внутренних угроз России, в дополнение к нарастающим внешним угрозам.

Решение этой проблемы должно иметь системный характер, но также как и для обеспечения целеустремленности оно должно опираться на решение проблемы консолидации государства, общества и бизнеса, на организацию страны как саморазвивающейся полисубъектной (рефлексивно-активной) среды гибридной реальности²¹³.

Коммуникативность. Целостность любого субъекта в значительной степени зависит от его коммуникативной среды, влияющей на организацию быстрого и адекватного реагирования на динамично меняющиеся условия жизнедеятельности. Коммуникативные процессы в России также как и рефлексивность оказались мишенями информационно-психологических воздействий в период развала СССР и перестройки. В частности, это проявилось в индивидуализации и атомизации общества, ослаблении института семьи, разрыве поколений, сокращении транспортных связей внутри страны, осложнении межэтнических и межконфессиональных отношений, нарастании противоречий между бедными и богатыми²¹⁴.

Как следствие в стране сложилось пространство коммуникаций не адекватное требованиям для решения проблем, связанных с нарастанием внешних и внутренних угроз. При таком пространстве коммуникаций в стране будет крайне затруднено решение проблемы консолидации государства, общества и бизнеса.

Социальность. Наше государство является социальным в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Однако реальное состояние социально-

²¹³Ленский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. №3. С. 11-20.

²¹⁴Ленский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с.

сти не согласуются с положением главного документа страны. Об этом свидетельствует: низкий уровень качества жизни большей части населения; страна в мировых лидерах по расслоению населения на бедных и богатых; высокий уровень платных услуг в здравоохранение и образовании; высочайший уровень коррупции; несправедливое использование недр страны и многое другое.

Повышение уровня социальности требует системной трансформации страны от принятия идеологии до изменения механизмов во всех сферах обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития страны. Страна в точке бифуркации: либо мы встанем на самостоятельный путь развития с ориентацией на создание достойного образа жизни для ее граждан, либо мы будем колониальным придатком «коллективного Запада» или другого субъекта. При втором варианте следует забыть о социальности.

Способность к развитию. Атрофированность субъектности развития страны проявляется в ее неспособности встать на путь развития в течение 30-ти последних лет. Способность к развитию – важное качество субъектности, необходимое для формирования солидарного общества. В современном мире одним из важнейших механизмов сплоченности общества является проектная идентичность, в основе которой адекватное восприятие позитивных шагов в достижении социально ориентированных целей.²¹⁵

Обобщенное описание базовых характеристик субъектности нашей страны позволяет сделать вывод, что сохранение суверенитета страны в сложнейшей международной ситуации невозможно без укрепления субъектности России. Одной из первоочередных задач является совершенствование механизмов управления, безопасности и развития страны на основе активного включения общества в эти процессы, на основе гармонии иерархий, сетей и сред. Для решения этой задачи целесообразно использовать отечественную разработку концепции постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности²¹⁶.

²¹⁵Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 239–441.

²¹⁶Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

Социогуманитарные технологии сборки субъектов обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития России

Междисциплинарный анализ процессов сборки субъектов развития

В различных областях науки и разнообразных сферах практики накоплен богатый опыт решения проблем объединения субъектов в целостного совокупного субъекта. Формирование производственных организаций, культовых организаций, космических экипажей, сообществ, спортивных команд и др. Следует отметить, что в научном экономическом и политическом контексте эта проблема обобщенно явно не сформулирована, она решается через частные постановки практических задач. Эти соображения дают основание утверждать об актуальности постановки междисциплинарной проблемы сборки субъектов.

Для междисциплинарной интеграции накопленного опыта нами введено понятие «сборка субъектов»²¹⁷. Для продвижения на пути решения этой проблемы нами предложен предварительный фрагмент структуры параметров сборки субъектов. Представленные параметры могут претендовать на инвариантность по отношению к типам субъектов (индивиды, группы, организации, государства и др.). Эту попытку систематизации параметров сборки субъектов следует рассматривать как пробный шаг к решению сложнейшей проблемы целостной организации социальных систем.

Фиксация внимания на параметрах сборки субъектов, фактически на спектре оснований для их сборки, принципиально важна, потому что это позволяет прогнозировать образ сформированного коллективного, совокупного субъекта. Или исходя из заданного образа коллективного субъекта задавать адекватные параметры сборки частных субъектов.

Уточним отдельные понятия, важные для постановки проблемы сборки субъектов.

Совокупный субъект – образуется в результате процесса сборки отдельных субъектов.

Базовые субъекты – отдельные субъекты, которые объединяются в совокупного субъекта.

Параметры сборки субъектов – инструмент снижения сложности представления процессов сборки субъектов. Это комплексные функции, входящих в

²¹⁷Лепский В.Е. Эскиз структуры параметров сборки субъектов и их дескриптивной модели // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. М.: Изд-во Института философии РАН, 2010. С. 185–217.

нее частных функций, в анализе самоорганизующихся систем сборки субъектов, дающие важную информацию о поведении последних как сложно структурированных целостностей. Выделим две группы параметров сборки субъектов: базовые основания и базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов.

Основания для сборки субъектов, среди которых можно выделить частные основания, например, общность ценностей, культуры, целей, а также – комплексные основания, например, основания «проектной идентичности».

Базовые факторы процессов сборки субъектов – это факторы (группы факторов), существенно влияющие на процессы сборки субъектов. В различных областях знания и практики выделены и исследованы разнообразные факторы, существенно влияющие на процессы сборки субъектов. Среди таких факторов целесообразно выделить: субъекты-инициаторы сборки, конкретная функциональная целесообразность сборки субъектов, специфика организации взаимодействия субъектов в процессах их сборки и др. Специфика организации взаимодействия субъектов в процессе их сборки является комплексным фактором, в состав которой могут быть включены частные факторы: специфика коммуникативных процессов (степень и форма опосредованности, синхронность взаимодействий, наличие анонимных субъектов), особенности организации рефлексивных процессов, наличие модераторов взаимодействий, специфика лидерства, этические аспекты отношений субъектов, межгрупповые взаимодействия и отношения субъектов сборки, пространство доверия, социальная ответственность субъектов и др.

Предлагая фрагмент структуры параметров сборки субъектов, мы предупреждаем, что это начальный шаг в разработке проблемы сборки субъектов. Этот фрагмент структуры параметров сборки субъектов открыт для корректировки и дальнейшего развития. Мы полагаем, что предложенный подход будет полезен как для постановки новых исследовательских задач, так и для практической работы.

Базовые основания для сборки субъектов в российских реалиях

Рассмотрим специфику базовых оснований для сборки субъектов в России с учетом специфики сложившейся ситуации.

В социальной психологии большое внимание для сборки коллективного субъекта уделялось ценностно-ориентационному единству субъектов сборки. Для современной России это использовать это основание использовать затруднительно. Отсутствует общая идеология, проведена существенная деформация ценностно-ориентационной сферы граждан под влиянием культа денег в последние 30 лет.

В социологии проработаны аспекты культурных и цивилизационных оснований для сборки субъектов. Для современной России использовать эти основания также затруднительно. В период после распада СССР либерально ориентированной элитой проведена большая работа по дискредитации нашего прошлого, в том числе и нашего культурного наследия. Цивилизационные основания также затруднительно использовать в связи с отсутствием сложившихся общепринятых представлений об образе будущей России.

Специфика сложившейся международной ситуации в значительной степени обусловлена проектом глобализации «коллективного Запада». Этот проект ориентирован на снижение роли государств, на снижение их легитимности как ключевого субъекта власти. Как следствие гражданин может терять доверие к государственным институтам, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития, а также в связи с дискредитацией традиционных механизмов представительской демократии.

В качестве асимметричного ответа на этот проект целесообразно в качестве базового основания для сборки субъектов России использовать «проектную идентичность».

«Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна²¹⁸ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире.» Этот подход концептуализируется и на его базе формируется проектная идентичность²¹⁹.

Для субъекта власти крайне актуальна проблема поиска адекватного механизма обеспечения легитимности, с учетом специфики ситуации «позднего

²¹⁸ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 239–441.

²¹⁹ Castells M. The power of identity. 2nd ed. // Information age, economy, society and culture. V. 2. Blackwell Publishing, 2004. P. 8–12.

модерна», когда разрушаются комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации.

При этом традиционные подходы, основанные на политическом PR и СМИ не оказываются достаточно эффективными в поиске новых ориентиров идентификации, тем самым еще более дискредитируя привычные демократические формы обеспечения легитимности власти. Политический PR в значительной степени ориентирован на использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан, управление поведением избирателей, управление их выбором²²⁰. Он, как правило, опирается на формирование «щелевого» сознания, использование манипулятивных воздействий, в воздействиях на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др. Как следствие такой подход приводит к негативной трансформации субъектности граждан.

Образ современных СМИ в России также не дает основания для их эффективного использования в обеспечении легитимности власти, они также как и политический PR способствуют негативной трансформации субъектности граждан. Обобщенная оценка современных СМИ в России:

- СМИ не являются субъектом обеспечения безопасности и развития России;
- СМИ самодостаточный субъект рыночной экономики, воздействующий в коммерческих интересах на потребности населения;
- СМИ являются мощным инструментом в руках тех, у кого есть деньги, рычаги административного управления или иные рычаги воздействия²²¹.

Состояние современных российских СМИ отражает состояние общества и государства и являются его порождением. При укреплении субъектности страны, общество и государство научатся организовывать, поддерживать и контролировать СМИ в интересах обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития России.

В результате были созданы предпосылки для перехода реальной власти к надгосударственным и наднациональным финансово-экономическим структу-

²²⁰Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 6–23.

²²¹Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 19–29.

рам. Эти процессы в России имели бурное развитие в конце прошлого столетия и не остановлены полностью до настоящего времени под влиянием представителей неоллиберализма в экономике и политике, способствующих необоснованному и деструктивному выводу государства из экономики, а также разрушению в целом субъектности государства и общества.

Начало XXI в. ознаменовалось позитивными для России действиями власти: государство стало инициатором и организатором инновационного развития, стратегического планирования, проектной деятельности по развитию страны. Этим было отмечено критическое отношение к неоллиберальному подходу и одновременно возникла неопределенность для власти выбора стратегических ориентиров развития страны. Однако недооценка значения роли общества, отсутствие идеологических ориентиров, а также отсутствие механизмов «проектной идентичности» граждан не позволило успешно воплотить в жизнь ни одну из позитивных инициатив по развитию страны. Не удалось и значительно укрепить субъектность России.

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов

Рассмотрим отдельные параметры фактора сборки субъектов, связанного со спецификой взаимодействия субъектов.

Влияние опосредованности общения на сборку субъектов. Для исследования влияния этого параметра нами были проведены экспериментальные исследования, которые показали существенное влияние степени опосредованности общения на качество результатов сборки субъектов, на характеристики совокупного субъекта и эффективность его деятельности²²². Результаты исследования показали, что:

- непосредственное общение участников малой группы позитивно влияет на эффективность деятельности совокупного субъекта, в конфликтных игровых взаимодействиях эффективность группы выше эффективности индивидуально-го субъекта.
- опосредствованное общение участников малой группы негативно влияет на эффективность деятельности совокупного субъекта, в конфликтных игровых

²²²Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

взаимодействиях эффективность группы ниже эффективности индивидуального субъекта.

– защищенность от манипулятивных воздействий совокупного субъекта повышается с переходом от опосредствованного к непосредственному общению.

Значительное влияние на повышение защищенности совокупного субъекта от манипулятивных воздействий оказал эффект «виртуального субъекта», которым оказался представлен совокупный субъект для одиночных игроков-противников. Члены совокупного субъекта знали конкретного индивидуально-го субъекта, являющегося их противником, в то время как он имеет дело с группой, сложность имитация и управление деятельностью которой в психологическом плане существенно отличаются от имитации и управления деятельностью индивидуального субъекта. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о необходимости критической оценки перспектив организации сборки субъектов для проблемных видов деятельности в условиях опосредствованных коммуникаций при организации цифровых трансформаций.

Влияние цифровых технологий на сборку субъектов управленческой деятельности. В современных системах государственного управления в сборке совокупного субъекта участвуют сотни и даже тысячи субъектов, причем в качестве исходных субъектов во многих случаях выступают также совокупные субъекты. Коммуникативные процессы субъектов все более опосредствуются новыми цифровыми технологиями. Цифровые технологии могут способствовать повышению качества восприятия сложных социальных объектов, оказывать поддержку в принятии решений и оценке их последствий. Однако необходимо учитывать, что эти технологии могут также и затруднять сборку субъектов и снижать эффективность деятельности совокупного субъекта.

Выделим отдельные механизмы влияния на сборку субъектов при использовании цифровых технологий в социальном управлении:

– опосредствованное воздействие на субъектов через процедуры восприятия информации (неадекватное восприятие информации, смена значимости, эмоциональной окраски, ассоциативные влияния, провокации импульсивных действий и др.);

– ускользающие от субъектов зоны повышенной чувствительности модельных переменных, точки бифуркаций и др.;

– опосредствованное манипулирование субъектами через процедуры поддержки принятия решений (групповые экспертные оценки, опросы и др.);

– игнорирование необходимости использования специальных методов и средств выявления манипулятивных воздействий в опосредствованных коммуникациях;

– стрессовые воздействия на субъектов, связанные со спецификой использования цифровых технологий;

– потенциальные и реальные возможности возникновения у субъектов синдрома зависимости от киберпространства и свертывание непосредственных коммуникаций;

– формирование у субъектов упрощенных форм коммуникаций, деформация механизмов «социальной перцепции», «обесчеловечивание» процессов восприятия людей и социальных систем;

– создание предпосылок к увеличению авторитарности управления;

– повышение уровня риска и снижение ответственности у субъектов при принятии решений в условиях использования цифровых технологий;

– снижение защищенности от манипулятивных воздействий и др.²²³.

Для предотвращения негативных последствий в широком использовании цифровых технологий в социальном управлении требуется разработка и внедрение адекватных методов социогуманитарной экспертизы цифровых трансформаций, на основе субъектно-ориентированного подхода²²⁴.

Роль рефлексивных процессов в сборке субъектов. Рефлексия и рефлексивные процессы занимают важное место в решении проблемы сборки и «разборки» субъектов²²⁵. Однако можно привести примеры, когда сборка субъектов возможна при игнорировании и даже блокировке рефлексии «собираемых субъектов», в частности, это используется в «грязных» политических технологиях и в культовых организациях²²⁶.

²²³ Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

²²⁴ Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта / Под ред.

В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2022. 308 с.

²²⁵ Лепский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. №2. С. 127-147.

²²⁶ Лепский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.

Известны ситуации, когда сборка субъектов происходит исключительно на основе рефлексии. Интересен гипотетический пример сборки субъектов на основе рефлексивных процессов, приведенный в работе В.А. Лефевра²²⁷. Опишем гипотетическую ситуацию. «В некотором «каземате» находится узник, а вне – его партнер. Каждый из них по отдельности стену «каземата» пробить не может, но если они это будут делать навстречу друг другу, то добьются успеха и смогут устроить побег. Предположим, что предварительный обмен информацией между «узником» и его «сообщником» невозможен. Успешный побег предполагает, что «беглец» и его «сообщник» независимо друг от друга выберут такое место в стене, которое обладает какой-то общей «особенностью» для них.» Рефлексивные структуры и процессы, обеспечивающие такого рода согласование действий субъектов, рассмотрены в указанной выше работе Лефевра.

Т. Шеллингом сумел обобщить такого рода задачи, ориентированные на согласованность действий (фактически сборки) субъектов без предварительной договоренности или информационных контактов²²⁸. Он ввел понятие новых точек равновесия, которые с позиции теории игр формально никак не отличаются от других стратегий, однако реальные игроки выделяют их как особенные при принятии решений. Такие точки равновесия были названы фокальными. Шеллинг также обнаружил, что рациональное поведение игроков может быть связано не только в том, чтобы максимизировать свой доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии надо следовать. Фактически он доказал, что рациональное поведение должно носить стратегический характер на основе представления об общей картине мира, в которой игроки могут выделять особенности, выделяя при этом и представления других игроков. Речь идет о рефлексивных процессах, о взаимной рефлексии участниками взаимодействия. В XXI веке эти идеи были включены в экономических теории, а Шеллинг стал лауреатом Нобелевской премии по экономике 2005 года.

Влияние лидерства на сборку субъектов. Учет наличия и специфики лидеров среди базовых субъектов позволяет прогнозировать особенности и результаты сборки субъектов и характеристики совокупных субъектов. Важен комплексный учет стилей лидерства субъектов (авторитарный, демократиче-

²²⁷ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973. См. Также: Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 42.

²²⁸ Schelling T. The strategy of Conflict. Cambridge, Mas.: Harvard University Press, 1960.

ский, либеральный и т.п.), характеристик базовых субъектов, оснований и факторов сборки субъектов.

Нами были организованы специальные экспериментальные исследования для выявления отдельных стилей ярко лидеров (среди базовых субъектов) на итоговые результаты сборки субъектов. Результаты проведенных экспериментальных исследований позволили сделать вывод, что при наличии «жестких» (авторитарных) лидеров среди базовых субъектов эффективность деятельности совокупных субъектов в условиях межгрупповых конфликтных взаимодействий (проблемные виды деятельности) может оказаться существенно ниже, чем совокупных субъектов, сформированных в условиях отсутствия ярко выраженных лидеров. В экспериментах принимали участие испытатели космических экипажей, была возможность сравнивать экспериментальные данные двух моделей: межгрупповых конфликтных взаимодействий и «гомеостатических моделей совместной деятельности», на которых выявлялись лидеры – гомеостат Д.Ф. Горбова.

Сборка субъектов осуществлялась в условиях непосредственного общения между базовыми субъектами и высокой степенью их информированности о эффективности действий всех субъектов в данном типе конфликтных взаимодействий. Были получены неожиданные для специалистов по комплектованию космических экипажей. Они считали, что группы (совокупные субъекты) с ярко выраженными лидерами (согласно методики сенсомоторной координации Горбова) должны действовать более эффективно, чем группы без лидеров. Результаты доказали обратное, в проблемных ситуациях данного эксперимента, при непосредственном общении базовых субъектов, формировались более успешные группы, в которых не было «жесткого» лидера. Имело место редукция группы к одному базовому субъекту – лидеру. Это снижало креативный потенциал совокупного субъекта. Анализ полученных результатов позволил объяснить причину парадокса, возникшего в связи со стереотипами, сложившимися в авиационной практике. Методики комплектования космических экипажей (сборки субъектов) были пересмотрены²²⁹.

Результаты исследования можно проинтерпретировать через представление о виртуальном субъекте групповой деятельности, которым может рассмат-

²²⁹ Ленский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

риваться совокупный субъект в условиях, когда внешнему наблюдателю неизвестна специфика формирования совокупного субъекта. В рассматриваемом эксперименте в группах с ярко выраженными отношениями «лидер – ведомый» в качестве виртуального субъекта групповой деятельности выступал «лидер». При этом важно отметить, что защищенность такой группы от рефлексивного управления резко снижается, если группа редуцирована к конкретному субъекту. В группах без отношений «лидер – ведомый» между базовыми субъектами осуществлялось формирование группового субъекта на основе коллегиально принимаемых решений. Можно утверждать, что защищенность таких групп от рефлексивного управления повышается. Успешность действий и повышенная защищенность от рефлексивного управления слабо структурированных групп, в которых отсутствовал лидер, мы назвали эффектом виртуального динамического субъекта.

Можно выделить условия возникновения эффекта виртуального динамического субъекта:

- высокая степень информированности членов группы об эффективности деятельности всех базовых субъектов;
- непосредственные (слабо опосредствованные) коммуникации базовых субъектов в групповых взаимодействиях;
- не регламентированные процедуры выработки коллегиальных решений в группах;
- высокая мотивация в успешной деятельности всех членов группы в достижении успехов в межгрупповых взаимодействиях;
- высокая динамика взаимодействий.

Можно сделать вывод, что защищенность совокупного субъекта от рефлексивного управления в условиях конфликтных взаимодействий существенно зависит от гибкости групповых структур, связанных с отношениями лидерства. Наличие «жестких» структур «лидер – ведомые», инвариантных к изменениям ситуаций, может существенно влиять на снижение защищенности групп от рефлексивного управления.

Можно предположить: чем менее формализованы механизмы формирования виртуального субъекта групповой деятельности, тем труднее прогнозировать поведение группы, а следовательно, труднее осуществлять рефлексивное управление ею.

Как следствие можно обобщить выводы и сформулировать гипотезу о влиянии концепций организационного управления на степень защищенности субъектов управленческой деятельности от рефлексивного управления.

Модерируемость процессов сборки субъектов. Анализ опыта сборки разнообразных сообществ (сборки совокупных субъектов), в том числе при использовании Интернета, позволяет утверждать, что стабильные сообщества создаются и поддерживаются, как правило, модераторами, с весьма широким спектром выполняемых функций²³⁰.

Принято выделять три группы обязанностей модератора: организационные, социальные и интеллектуальные. Детализация и оценка важности отдельных функций модераторов сообществ в Интернете полезна и для сборки других типов субъектов²³¹. Деятельность модераторов сборки субъектов предъявляет очень высокие требования к их психологическим и сугубо профессиональным качествам и требует организации специальной подготовки модераторов с привлечением высококвалифицированных специалистов. Повышение в начале XXI века актуальности проблемы сборки субъектов и в первую очередь в условиях использования цифровых технологий и искусственного интеллекта делает актуальной организацию подготовки большого количества модераторов высокой квалификации, подготовки модераторов-профессионалов. Эта проблема с упреждением была поставлена нами в 1999 году, но похоже и сегодня важность этой проблемы в должной степени не осознана.

Проблема сборки субъектов приобретает все большее значение и актуальность для России в условиях нарастающих вызовов и угроз динамично изменяющегося мирового сообщества. Комплексный подход к сборке субъектов с использованием широкого спектра оснований и учетом разнообразных факторов может быть реализован на основе концепции постнеклассической кибернетики саморазвивающихся (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности²³².

²³⁰Ленский В.Е., Ратуно А.Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

²³¹Berge Z.L. The Role of Online Instructor/Facilitator, 1996.

²³²Ленский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

Проблема совершенствования механизмов общественного участия в укреплении субъектности России

Обобщенная оценка состояния механизмов общественного участия в укреплении субъектности России

Сегодня в России развитая структура общественных организаций, среди которых можно выделить: межсекторное социальное взаимодействие²³³; гражданский контроль и экспертиза; общественные консультативные структуры при органах власти; общественные слушания; представительская демократия; политические партии; профсоюзы; социально-ориентированные НКО; социально-ориентированный бизнес; общественное участие в финансировании проектов; электронное общественное участие и др. Основная деятельность перечисленных организаций ориентирована на решение частных задач обеспечения жизнедеятельности общества. Безусловно, деятельность общественных организаций полезна для нашей страны. Однако, следует заметить, что все указанные формы общественного участия, включая и научные общественные организации, практически не участвуют в стратегическом целеполагании, стратегическом планировании, обеспечении безопасности на всех уровнях от местного до федерального. Передаваемые общественными организациями советы и рекомендации административным структурам в большинстве случаев остаются без должного контроля за их исполнением. На усмотрении администраций остаются решения как поступить с такого рода рекомендациями представителей общества. Учитывая, что администрации формировались в условиях насаждения в России культа денег, следует адекватно понимать какова степень выполнения ими рекомендаций общественных организаций.

Как следствие, управленческие механизмы, в которых декларировано участие общественных организаций оказываются разорванными, общество там присутствует в большинстве случаев в отрыве от принимаемых администрациями решений. В результате доминируют интересы бюрократов, а не общества. Разрыв в системе управления страной нужно оценивать как нарушение Конституции Российской Федерации, согласно которой народ, общество является носителем властных полномочий. Общество сначала делегирует свои полномочия через механизмы представительной демократии, а затем использует обще-

²³³ Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Едиториал УРСС, 2004.

ственные механизмы, в которых реально не обеспечивается на должном уровне контроль за механизмами обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития страны.

Отстраненность общества от контроля и участия в решении стратегических проблем страны является не только формальным нарушением законодательства – это угроза для сохранения суверенитета страны. Сложившиеся механизмы управления страной явно не соответствуют вызовам и угрозам динамично меняющегося мирового сообщества, страна не имеет аргументированно обоснованной стратегии развития, в которой бы четко определены перспективы развития и гарантии обеспечения безопасности страны в условиях конфликта с «коллективным Западом». Для решения этой проблемы необходимы современные механизмы и субъекты стратегического целеполагания и стратегического планирования, которые в стране отсутствуют²³⁴. Попытки создать такие механизмы ограничились призывами и законами, которые не исполняются в российских реалиях.

Встает вопрос о причинах отстраненности общества от стратегических проблем страны. Может быть недостаточно правовых оснований. Да в определенной степени требуется доработка правовых документов²³⁵, но главная причина в другом. Высокий уровень коррупции в стране порождает незаинтересованность многих представителей властных органов в диалоге с обществом, а тем более в контроле со стороны общества за их деятельностью. Властные структуры оказывают значительную поддержку отдельным формам общественного участия, прежде всего социально-ориентированным НКО, при условии, что их деятельность будет ограничена сферой «малых дел». Примеры общественного участия в стратегическом целеполагании и проектировании будущего практически отсутствуют.

Вывод очевиден, требуется срочные инициативные действия общества, организованные в рамках правового поля страны, ориентированные на совершенствование механизмов общественного участия во всех сферах обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития страны. Важно отметить, что это должно быть сделано на основе современных научных разработок.

²³⁴ Лепский В.Е. Стратегическое целеполагание в России: состояние и перспективы развития // Труды Вольного экономического общества России. Том 215. № 1. 2019. С. 66-80.

²³⁵ Бабичев И.В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. 2020. №6. С. 3-12.

Готово ли сегодня общество к активному участию в создании новых механизмов общественного участия в управлении и развитии страной? Да, готово! Вместе с изменением международной обстановки и резким возрастанием угроз для страны, общество наращивает свою субъектность и готово вместе государством укреплять субъектность страны.

Еще не так давно в обществе была весьма низкая готовность к общественному участию в управлении и развитии страны. Общество было атомизировано, большинство населения ориентировано на выживание, что не мотивировало его к общественной активности. Однако в последние годы под влиянием различного рода нарастающих угроз ситуация принципиально изменяется. Особенно заметно нарастание потенциала активности многих слоев населения на местном и региональном уровнях к участию в решении актуальных проблем обеспечения безопасности и развития. Во многих случаях это «спящий потенциал», но он может пробудиться и необходимо создать условия для его позитивного использования²³⁶.

Выводы. Используемые в стране формы общественного участия не оказывают существенного позитивного влияния на решение актуальных проблем: формирование солидарного общества; укрепления субъектности страны; снижение уровня расслоения на бедных и богатых; борьбу с коррупцией; прекращение развала науки, образования, здравоохранения, культуры и др. Если оперативно на основе консолидации государства, общества и бизнеса не будут созданы адекватные механизмы реального созидательного влияния общества на процессы обеспечения жизнедеятельности и развития на местном, региональном и федеральном уровнях, то нарастающая энергия общества может быть использована в интересах внешних стратегий или экстремистских организаций²³⁷. Актуальна проблема разработки и внедрения на основе системного подхода современных механизмов управления и развития страны, ориентированных на консолидацию органов власти различного уровня, общества и бизнеса.

Система онтологий взаимодействий государства, общества и бизнеса для укрепления субъектности России (саморазвивающиеся полисубъектные среды)

²³⁶ Реутов Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества: монография / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015.

²³⁷ Лепский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. М.: Когито-Центр, 2019.

Решение проблемы укрепления субъектности развития и обеспечения национальной безопасности России оказывает неразрывно связано с совершенствованием механизмов консолидации государства, общества и бизнеса на основе идеологии, опирающейся на традиции российской цивилизации и базовые ценности сохранения и развития мирового сообщества.

Укрепление субъектности российского развития и обеспечения безопасности может происходить на основе системы онтологий бытия субъектов государства, общества и бизнеса. Такой системы онтологий, которая обеспечит сборку разнообразных субъектов развития от государства, общества и бизнеса в целостного субъекта российского развития. Вариант такой системы онтологий разработан в постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред²³⁸. Система онтологий определяет структуру коммуникативного пространства бытия субъектов саморазвивающейся полисубъектной среды, определяет функциональную структуру их деятельности и взаимодействий, а также «продукты обмена» результатами их деятельности и взаимодействий. Принципиально важно отметить, что субъектные позиции в онтологиях могут занимать и специально сформированные «субъектные площадки» с участием представителей администраций, общества и бизнеса. Такие «субъектные площадки» можно рассматривать как точки сборки и консолидации государства, общества и бизнеса²³⁹. На их основе формируется второй контур управления, ориентированный на укрепление роли общества в выполнении заданных ему Конституцией Российской Федерации властных полномочий и на поддержку государства в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развития на всех уровнях от местного до федерального.

На Рис. 1 представлена обобщенная схема базовых онтологий. Фактически задается структурно-функциональная структура для взаимодействия и консолидации субъектов государства, общества и бизнеса. Каждая онтология описывается своей частной структурно-функциональной схемой, связанной с общей схемой онтологий.

²³⁸ Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

²³⁹ Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016.

Предлагаемая система онтологий ориентирована также на сборку разнообразных субъектов государства, общества и бизнеса в целостного субъекта со-зидательного солидарного общества²⁴⁰.

Ниже представлены обобщенные сведения о базовых функциях онтологий саморазвивающихся полисубъектных сред для организации жизнедеятельности социальных систем (ЖСС), их развития и безопасности²⁴¹.

Онтология «Сопровождение» (обеспечение ЖСС). Формирование субъектных площадок сборки администрации, общества и бизнеса для обеспечения ЖСС. Анализ реализации основных функций обеспечения жизнедеятельности в социальной системе, обнаружение недостатков и принятие мер по их преодолению. При невозможности оперативного преодоления недостатков, оформление их как «точки разрыва» ЖСС и передача сведений о них в онтологию «Поддержка».

Онтология «Поддержка» (преодоление точек разрыва в ЖСС). Формирование субъектных площадок сборки администрации, общества и бизнеса для преодоления точек разрыва ЖСС. Анализ точек разрыва ЖСС, разработка и участие в мероприятиях по преодолению точек разрыва в ЖСС. Анализ не решенных проблем с преодолением точек разрыва ЖСС и передача сведений о них в онтологию «Развитие».

Онтология «Развитие» (стратегическое целеполагание). Формирование субъектных площадок сборки администрации, общества и бизнеса для стратегического целеполагания. Организация процессов стратегического целеполагания во взаимодействии с субъектами всех онтологий саморазвивающейся полисубъектной среды и другими средами. Обеспечение процессов проектной идентичности общества на основе его участия и результатов стратегического целеполагания.

Онтология «Конструирование» (разработка стратегий, проектов и других новаций). Формирование субъектных площадок сборки администрации, общества и бизнеса для разработки стратегий, проектов и других новаций. Исследование опыта внешних (других) сред и разработка предложений по его использованию в своей среде. Выявление и анализ вызовов и угроз для своей среды, с передачей сведений в онтологию «Развитие» для учета в стратегическом целе-

²⁴⁰ Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016.

²⁴¹ Лепский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. М.: Когито-Центр, 2019.

полагании. Разработка проектов (стратегий) на основе результатов стратегического целеполагания, полученных из онтологии «Развитие».

Рис. 1. Обобщенная функциональная структура системы онтологий саморазвивающейся полисубъектной среды

Онтология «Внедрение» (оценка готовности к новациям и обеспечение их внедрения). Формирование субъектных площадок сборки администрации, общества и бизнеса для оценки готовности к новациям и обеспечение их внедрения. Анализ рисков предлагаемых стратегий и проектов для реализации результатов стратегического целеполагания. Анализ последствий для субъектов результатов стратегического целеполагания и разработанных стратегий. Разработка мероприятий по нейтрализации негативных последствий. Анализ готовности среды к вариантам стратегического целеполагания, передача результатов в онтологию «Развитие», разработка соответствующих мероприятий. Анализ

готовности среды к реализации проектов (стратегий) развития, перенос результатов в онтологию «Конструирование», разработка соответствующих мероприятий.

Анализ существующих механизмов общественного участия. Для всех функций представленных в системе онтологий

Ряд функций, представленных в системе онтологий (особенно в онтологии «Сопровождение»), реализуются в существующих общественных организациях, которые целесообразно интегрировать в целостную систему онтологий бытия субъектов социальной системы. Вместе с тем для реализации большинства функций, ориентированных на стратегические аспекты социальных систем, предлагается создавать новые типы социально ориентированных общественных организаций²⁴².

Обобщенные результаты предварительной апробации (в усеченном варианте) на региональном уровне

При поддержке главы Республики Коми в 2021 году был инициирован пилотный проект ограниченного экспериментального внедрения фрагментов предлагаемой нами системы онтологий саморазвивающихся полисубъектных сред на региональном уровне. Анализ опыта реализации этого проекта позволил выявить как проблемы, затрудняющие внедрение такого рода новаций в условиях российских реалий, так и обнаружить позитивные факторы, для организации успешной дальнейшей работе.

Противодействие внедрению данного проекта оказалось намного более сильным, чем ожидалось до начала эксперимента. Если противодействие со стороны чиновников ожидалось (в связи с анализом коррупционной составляющей в регионе в предшествующие годы), то противодействие со стороны отдельных общественных и политических структур было неожиданным.

Основные проблемы, затрудняющие внедрение методологии саморазвивающихся полисубъектных сред, ориентированной на консолидацию государства, общества и бизнеса:

– ярко выраженный, доминирующий авторитарный стиль административных руководителей;

– игнорирование большинством представителей административных структур приглашений к диалогу и совместной работе с обществом (страх перед установлением прозрачности их деятельности);

– противодействие со стороны «окуклившихся» политических и общественных организаций, заинтересованных в своем выживании, а не в развитие страны;

– неадекватное законодательное обеспечение взаимодействий государства, общества и бизнеса в процессах обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития на федеральном региональном и местном уровнях;

– низкая грамотность общества и управленцев по вопросам совершенствования механизмов управления и развития на всех уровнях (федеральном, региональном, местном);

– необходимость усиления поддержки на федеральном уровне предлагаемого подхода к совершенствованию механизмов общественного участия в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развитии социальных систем.

Есть основания полагать, что эти проблемы будут успешно решаться в связи со сложившейся международной ситуацией, требующей оперативной разработки и внедрения современных механизмов управления и мобилизации населения на развитие и обеспечение ее безопасности страны для сохранения ее суверенитета. После обострения отношений с «коллективным Западом» произошла поляризация общества, в патриотически ориентированной части общества начались активные процессы консолидации, разработки идеологии механизмов укрепления субъектности России.

Позитивные факторы, обнаруженные при проведении эксперимента внедрение методологии саморазвивающихся полисубъектных сред, ориентированной на консолидацию государства, общества и бизнеса:

– несмотря на указанные выше проблемы, был создан ряд тематических площадок сборки представителей администрации, общества и бизнеса, готовых к совместной работе в интересах региона, что позволило апробировать методики организации «точек сборки» субъектов развития;

– высокий уровень мотивации широких слоев общества к активному участию в совершенствовании механизмов обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития регионов и муниципалитетов (особенно молодежь, представители НКО, малого бизнеса, сфер образования и науки);

²⁴²Ленский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. М.: Когито-Центр, 2019.

– нарастающие темпы самоорганизации населения в некоммерческие организации, в структуры социально-ориентированного малого и среднего предпринимательства, в новые формы территориального общественного самоуправления, общественные советы и др.;

– потенциальные возможности использования цифровых платформ поддержки интегрированных социальных сред для разнообразных форм организованности общества и включенности общества в процессы регионального и муниципального управления и развития;

– выявлена необходимость создания на федеральном уровне некоммерческих общественных структур поддержки такого рода пилотных проектов (экспертные советы, образовательные центры, проектные офисы и др.), ведется работа по их созданию;

– обоснована целесообразность для успешного внедрения методологии саморазвивающихся полисубъектных сред создания системы распределенных общественных проектно-аналитических центров России (САЦ) и начата работа по ее созданию;

– обоснована целесообразность проработки вопроса о взаимодействии системы САЦ с системой распределенных ситуационных центров (СРСЦ) на региональном и федеральном уровнях²⁴³.

В целом анализ опыта предварительного пилотного проекта в Республике Коми позволяет сделать вывод, что он был весьма полезен для дальнейшего развития этого направления. Учтены проблемы и позитивные факторы, идет активная подготовка к организации более крупных пилотных проектов.

Заключение

Обоснован междисциплинарный тренд возрастания роли субъектности в начале XXI века, в том числе и в анализе и разрешении цивилизационных конфликтов. Отечественная философия предвосхитила этот тренд, в разработках постнеклассической научной рациональности и создании на ее основе методологии постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности. Рассмотрены базовые инвариантные характеристики субъектности.

²⁴³ Зацаринный А.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Новиков Д.А., Райков А.Н., Сильвестров С.Н., Славин Б.Б. Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 31-42.

Проведен анализ субъектности «коллективного Запада» в условиях глобального кризиса капитализма, проиллюстрирована ее специфика в условиях пандемии COVID-19. Рассмотрены механизмы разрушения субъектности России в период перестройки и дана оценка ее современного состоянию.

Субъектность современной России характеризуется крайне низкой организованностью как целого. Несоответствие механизмов управления нарастающей сложности социальных систем. Не эффективные механизмы стратегического целеполагания и стратегического планирования, имеет место высочайший уровень деления на бедных и богатых, развал образования и науки, фактическая отстраненность общества от процессов обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития страны. В целом атрофированы базовые характеристики субъектности: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Обоснована актуальность укрепления субъектности России в условиях нарастающих внешних и внутренних угроз.

Проанализированы основания и факторы сборки субъектов в социальных системах. Проблема сборки субъектов приобретает все большее значение и актуальность для России в условиях нарастающих вызовов и угроз динамично изменяющегося мирового сообщества. Комплексный подход к сборке субъектов с использованием широкого спектра оснований и учетом разнообразных факторов может быть реализован на основе концепции постнеклассической кибернетики саморазвивающихся (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности.

Проведена обобщенная оценка состояния механизмов общественного участия управления и развития страны. Обоснована актуальность совершенствования механизмов общественного участия в укреплении субъектности России на основе методологии саморазвивающихся полисубъектных сред. Представлены результаты предварительной апробации на региональном уровне.

Обобщенное описание базовых характеристик субъектности нашей страны позволяет сделать вывод, что сохранение суверенитета страны в сложнейшей международной ситуации невозможно без укрепления субъектности России. Одной из первоочередных задач является совершенствование механизмов управления, безопасности и развития страны на основе активного включения общества в эти процессы, на основе гармонии иерархий, сетей и сред. Для решения этой задачи целесообразно использовать отечественную разработку концепции постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред гибридной реальности.

Глава 3. Междисциплинарность и трансдисциплинарность: в поисках новых смыслов

3.1. Социально-этическая экспертиза научно-технических проектов. Проблемы трансдисциплинарной методологии

В гуманитарной среде ширится движение социально-этической экспертизы научно-технических проектов, с которой связан рост прикладных этик. Прикладные исследования такого характера предполагают ориентиры на конвергенцию естественно-научного, инженерного и гуманитарного знания и практик. Но в условиях системного кризиса этого недостаточно. В разделе разрабатывается трансдисциплинарный подход с широким привлечением к совместному диалогу науки, философии, религии, искусства, традиции. В качестве case-study анализируются философско-методологические основания экспертизы проектов охраны природы, биомедицинских технологий, нефтегазовой энергетики.

От рецептов до социально-этической экспертизы научно-технических проектов

XX – нач. XXI вв. Социальные рецепты технологического развития. Процессы институционализации экспертизы научно-технических проектов шли на протяжении всего XX века. По мере разворачивания научно-технического развития и построения техносферы как искусственной среды обитания разрастались ростки полярных отношений к технике и ее роли в жизни человека, проявившиеся уже с конца XIX века. А именно:

– **технооптимизм** с его верой в том, что техника и технологии несут благо обществу, избавляя от тяжелых видов труда и высвобождая время для познания и саморазвития. Технооптимизм подреплялся достижениями науки, выходом в космос, повышением комфортности жизни, открытием и освоением новых видов реальности, преодолением преград и коммуникационной эры информационной связности. К началу XXI в. технооптимистические настроения дифференцировались. Крайний технократический полюс оформился в проектах трансгуманизма, всеобщей цифровизации, роботизации, искусственного интеллекта, в планетарном масштабе – в образах будущей технократической цивилизации. При более взвешенном подходе выдвигаются проекты гармонизации техносферы и биосферы, разумного управления техноприродными системами, курсом на создание экотехнологий, природоподобных конвергентных техноло-

гий, гибридных реальностей. Последние умонастроения можно назвать **социотехнооптимизмом**.

– **культурная критика техники**, часто с налетом технопессимизма, шла со стороны писателей, фантастов, философов, гуманистически мыслящих ученых. В мысленных художественных экспериментах обсуждались проблемы коллективной и личной ответственности людей за будущее (М. Булгаков, Кобо Абэ, Р.Бредбери, А. и Б. Стругацкие, А. Тарковский, Г. Гора, А. Азимов и др.). Пророчески звучали предупреждения о необратимых опасностях сугубо технократического пути. Антициентизм стал крайним выражением критики техники.

– **гуманистическая парадигма**, обнажавшая проблемы человека в техногенном мире – отчуждения от природы, одномерного сознания, атомизации, роботизации сознания, потери ориентиров и смыслов жизни;

– **экологическое мировоззрение и движение**, расширяющееся по мере усугубления системного кризиса;

– **этическая парадигма** в научном познании и в общественных движениях. Поиски гармоничных путей развития человечества шли по мере осознания ошибок и негативного опыта в научно-техническом развитии. Выдвигаются проекты духовно-экологической цивилизации будущего, в которой культура и этика вернут права основ жизни. Обосновывается движение в сторону новой ступени синтеза науки, искусства, религии²⁴⁴.

Институционализация социальных исследований науки и экспертной деятельности. Во многом благодаря технологиям телекоммуникаций и информационной связности на протяжении XX века, наряду с процессами дифференциации наук, неуклонно нарастали процессы интеграции науки, технологий, промышленности и общества, что находило отражение в рефлексиях философов и историков науки. Проблемы науки и общества систематически методологами изучаются в эпоху индустриализации, но идея увязки науки с социумом не сразу оформилась в научном мире²⁴⁵. В кон. 1970-х– нач. 1980-х возникает новое междисциплинарное направление – социальная история, в рамках которого складываются исследования по социальной истории науки. На рубеже 1980-х-

²⁴⁴Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021.

²⁴⁵Маркова Л.А. Трансформация оснований историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 70–72.

1990-х гг. макроскопический подход в социальной истории дополняется микроскопическим исследованием отдельных случаев, конкретных социально-исторических и социокультурных событий, который получил название *case-study*. Одним из центральных понятий социальной истории науки стало понятие консенсуса, достигаемого внутри исследовательской группы, «приверженность относительно системы убеждений, усваиваемых членами коллектива и реализующихся в их деятельности»²⁴⁶.

Важный вектор в социальных исследованиях науки был задан концепцией этоса науки, которую выдвинул Р.Мертон в 1937–1942 гг.²⁴⁷ Мертон разработал этический кодекс, согласно которому слаженная работа научного сообщества опирается на совокупность четырех институциональных императивов: универсализм (*Universalism*), коммунизм (*Communism*), незаинтересованность (*Disinterestedness*), организованный скептицизм (*Organized Skepticism*). По мере эволюции самой науки в сторону интегральности знания, формирования междисциплинарных сообществ, сращивания фундаментальной науки с прикладной, отношение к концепции Мертона, к науке и ее этосу менялось. Часть исследований была посвящена анализу этических норм, скрепляющих конкретные научные сообщества. По мере осознания процессов взаимодействия науки с властными, промышленными и финансовыми структурами, встал вопрос о «большой науке», отличной от классических академических сообществ. В то же время набирает силу волна прагматизма, в этос включают нормы с учетом политической и коммерческой экспертизы. Фокус внимания исследователей сосредоточивается на этике полезности (*utility*) и малых исследовательских бизнес-группах. Реальный творческий поиск в науке всегда предполагал ценности, казалось бы, противоположные мертоновским: оригинальность, неординарность, эмоциональная вовлеченность, признание авторитета и школы, способность привлечь финансирование и пр. Действительно, научное познание как непрерывный творческий процесс диалектично, поиск истины идет в борьбе старого и нового, исследовательский поиск чреват революционными взрывами в эволюционном ходе науки, инсайтами гениев и трудными временами их признания научным сообществом. Описанные Мертоном классические императивы

²⁴⁶ Огурцов А.П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 63.

²⁴⁷ Merton R.K. *The Sociology of Science: the theoretical and empirical investigations* / Ed. and intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.

академической и университетской науки дополняются установками, намерениями и стремления ученых в конкретных условиях жизни. Идея Мертона и ее последующее развитие имела практический эффект в организации университетского образования и науки по мере развития информационно-коммуникационного общества. Представления об этосе науки берутся за основу кодифицированных нормативных документов и уставов, регулирующих научную деятельность и поддерживающих целостность исследовательских сообществ²⁴⁸.

Если на рубеже XIX–XX вв. основной темой философии техники был вопрос о соотношении техники и культуры, то социальные эксперименты 1920–1930-х гг., вторая мировая война, и особенно, применение атомного оружия, остро поставили вопрос об этических основах науки и инженерии. Проблемы этики науки, и более широко, прикладных видов этик, в сферу рефлексии которых попадают все виды инновационной деятельности и внедрения преобразующих природу и человека технологий (инженерная этика, биоэтика, этика информационных технологий, этика нанотехнологий, этика вакцинации) подводят к созданию общей методологии этического анализа научно-технических проектов и их последствий в условиях глобального мира.

Индустриализация и информационно-коммуникационные технологии создали материальную платформу для всеобщего обмена информацией, знаниями и опытом. Коммуникации в глобальном мире можно охарактеризовать как взаимодействие различных сфер социума, культуры, политики, бизнеса и науки. Тип всеохватывающих перекрестных коммуникаций в полицентричном мире методологи науки относят к трансдисциплинарным. Активно обсуждаются проблемы этоса общества риска²⁴⁹, в котором наука, технологии и общество оказались неразрывно увязаны. Бурный рост прикладных видов этики можно расценивать как знаковое событие техногенной цивилизации. Постепенно приходит осознание простой истины, что все беды системного кризиса фокусируются на человеке. От понимания ценностей и ориентиров глобально-цивилизационных процессов до осознания природы и предназначения наделенного разумом человека зависит как осознание настоящего, так и построение моделей желаемого гармоничного будущего и действенного их воплощения в

²⁴⁸ Этоснауки / Отв. ред. Л.П.Киященко, Е.З.Мирская. М., 2008.

²⁴⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седелников, Н.Федорова. М., 2000.

жизнь. Стремление в социуме к всеобщему обсуждению злободневных проблем привело к актуальности разработок трансдисциплинарных форм диалога, а также прикладных этик трансдисциплинарного типа. В широком значении трансдисциплинарными называют коммуникативные взаимодействия между наукой, инженерией, образованием, управлением, обществом, культурой²⁵⁰. Если проблема интегральности знания и междисциплинарной организации науки предполагала рассмотрение науки как целостного, саморазвивающегося организма, то проблема трансдисциплинарности в широком значении ставит вопрос о встроенности большой науки и инженерии в общий социально-культурный организм и социально-природный организм.

С 1960-х гг. активизируется экспертная деятельность ученых в целях оказания влияния на принятие политических решений по научно-техническим проектам. Понятие TechnologyAssessment (социальная оценка техники, оценка последствий техники) сформировалось в 1960-х гг., когда проходили дебаты в парламентах США и Европы по поводу экологической политики и техники. Вскоре создаются институты и исследовательские центры по оценке техники. В трансдисциплинарной техногенной цивилизации возрастает роль социальная позиция эксперта²⁵¹. Современному ученому-эксперту приходится оценивать проекты с большими финансовыми затратами, существенными трансформациями экономики и общественной жизни, потенциальными природными, техногенными, геополитическими, социальными и экзистенциальными рисками. Но этого не достаточно. Необходима этическая оценка любой деятельности.

Трансдисциплинарный подход к экспертной деятельности. Глобализация в масштабах планеты изменила такую фундаментальную характеристику как пространство-время. Дело в том, что прошлое, настоящее и будущее сегодня сфокусировались в едином метамоменте времени, а гранулированное социально-планетарное пространство переросло в планетарный мегаорганизм, в силу обостренных противоречий – расстроенный и больной. Колыбельные цивилизации, традиционные этнокультуры, урбанизированные субкультуры, национальные и транснациональные сообщества с разными картинами мира, жизнен-

²⁵⁰ Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Ред. В.А. Бажанов, Р.В. Шольц, М., 2015. *Guimarães M.N., Pohl C., Bing O., Varanda M.* Who is Doing Inter- and Transdisciplinary Research and Why? An Empirical Study of Motivation, Attitudes, Skills and Behaviours // *Future*, vol. 112, Sept 2019.

²⁵¹ Масланов Е.В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 113–131.

ными ориентирами, менталитетом и когнитивной сферой привели к полицентричности мира при общей тенденции нахождения путей единения во имя решения проблем всего человеческого сообщества. В этих условиях важен адекватный методологический инструментарий исследования проблем этики научно-технических проектов в полицентричном мире.

Тотально-технократической политике в построении сценариев будущего противостоят интегральные усилия трансдисциплинарных объединений ученых, деятелей культуры, бизнеса, гражданского населения, ассоциаций независимых экспертов, институтов социальной оценки техники в проектах будущего, которые мы называем социотехнооптимизмом. Согласно трансдисциплинарному подходу, культура должна стать основой интеграции науки и образования, науки и общества. Активный диалог культур в глобальном мире XXI в. приводит к принятию многообразия познавательного и творческого опыта человечества. Согласно концепции постнеклассической рациональности академика В.С.Степина, технонаука как сформировавшийся вид познания в рамках западноевропейской традиции «взаимодействует с другими его видами: обыденным, художественным, религиозно-мифологическим, философским»²⁵². Постнеклассическое понимание рациональности предполагает учет особенностей научно-практической сферы деятельности (наука, инженерия, маркетинг, обратная реакция потребителя), традиционного сознания и практик, идеальной сферы смыслов и ценностей (философия, искусство, религия). Разные модели и перспективы будут различаться в зависимости от когнитивных факторов деятельности, особенностей когнитивной эволюции, наложившей отпечаток на тот или иной вид деятельности. Любая оценка настоящего будет ущербной без осознания основного вектора глобальной эволюции, о котором можно судить по проявившимся знакам.

Проблемы этики возникают, главным образом, когда обнажаются угрозы и катастрофические риски человеческой жизнедеятельности. В эпоху антропоцена, когда человек стал доминирующим фактором планетарной эволюции, создав метаорганизм техно-антропо-социосферы, увязанный с техноприродными комплексами, на первый план выдвинулись проблемы экологии, баланса экологических и экономических интересов; инженерии и маркетинга, увязанно-

²⁵² Степин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия. М., 2010. С. 560–561.

сти научно-технических инноваций и общественного сознания; культуры и будущего цивилизационного развития.

Экологическая парадигма. Техносферные и экосистемные люди

Земледелие: наука и этнотрадиции. Ядром экологической экспертизы в аспекте этики является отношение к природе, разумное решение проблемы естественного и искусственного. Не случайно сегодня повышен интерес экологов к этнотрадициям, в истоках которых лежит благоговейное чувство благодарности Кормилице Матушке-Земле. Можно привести пример древнерусской ментальности домонгольской Руси. Экологическая этика составляла фундамент ментальности человека домонгольской Руси. Архаический культ плодородия, как разъясняет ведущий исследователь книжной культуры и фольклора Древней Руси В.В. Мильков, по мере утверждения христианского мировоззрения трансформировался в новое мировоззрение²⁵³. В мифопоэтическом восприятии земледельцев, подкрепленном магическими обрядами, причины плодородия усматривались в космическом браке Отца-Неба и Матери-Земли. В христианские времена творческие функции Неба со Сварога и Рода были отданы Илие, Борису и Глебу, с Ярилы на деперсонифицированного «небесного отца». Представления о плодоносящей Земле были перенесены на Богородицу и Параскеву²⁵⁴. Народное православие нашло выражение в иконописи и в обычаях. Как поясняет Мильков, «Фольклор отразил представления о Земле как чистой и божественной стихии. Земле как божеству приписывали способности прощать грехи. В простонародной среде наблюдались случаи прощания с Землей перед смертью. Умиравшего выносили на поле, где он произносил следующие слова: *«Мать-сыра земля, прости мене и прими»*, *«Прости, вольный свет батюшка»*. Больные тоже просили у Земли прощения и даже приносили ей жертву (яйцо, кашу, напиток), твердо веря, что от Земли исходит как наказание за проступки, так и прощение. Если случались падения, то к Земле обращались со словами: *«Прости, матушка, в чем согрешил»*, с покаянием принимая ушибы за наказание»²⁵⁵. Пантеистические мироощущения неразрывно связаны с глубинной нравственностью, совестью как со-ведением с божественным началом, спра-

²⁵³ Мильков В.В. Концепт «земля» и Русская земля в представлениях домонгольской эпохи // Ориентиры / Под ред. Т.Б. Любимовой. Вып. 8. М.: ИФ РАН, 2013. С. 124 – 151.

²⁵⁴ Мильков В.В. Концепт «земля». Ук. соч. С. 134.

²⁵⁵ Мильков В.В. Концепт «земля». Ук. соч. С. 129 – 130.

ведливостью как непосредственно-интуитивным следованием Правде и божественному закону, что определяло и отношение к природе. Если поставить вопрос об истоках русской ментальности, то стоит принять во внимание ассимиляцию язычества и христианства в аграрных практиках.

В противовес губительным последствиям для девственной природы результатов техносферной деятельности набирает вес экологически восстановительное движение. Опыт бережного и разумного отношения этносов к природе, ведения сельского хозяйства становится зоной соприкосновения, диалога и сотрудничества традиции и науки. На Земле еще остались островки ведения натурального хозяйства (горные районы Алтая, Гималаев, глубины Тропической Африки). Изучая оставшиеся на планете традиционные сообщества, экологи выделяют тип *биосферного человека* и тип *экосистемного человека* (Raymond Dasmann, один из основателей природоохранного движения)²⁵⁶. Я бы сказала точнее – не биосферного, а *техносферного человека*. За маской названия «биосферный человек», на самом деле, кроется типичный представитель техногенной цивилизации. В отличие от техносферного восприятия природы как ресурса, безжалостно используемого в коммерческих, хозяйственных и туристических целях, «экосистемные люди» ассоциируют свое социальное тело с окружающей средой – лесом, водоемами, горами. Техносферные люди потеряли чувствительность к среде, «Они равнодушны к тем преимуществам экосистемы, которые ценят местные жители»²⁵⁷. Для них экосистемные люди примитивы, и, как правило, дешевая рабочая сила. Техносферный человек стал технозависимым, привык к благам техногенного мира, постоянной смене потребностей и удовольствий, инициируемых инновационной политикой. Можно выделить негативные обобщенные черты техносферного человека-потребителя: роботизация сознания, жесткие машинные алгоритмы мышления и восприятия, утрата физиологической и эмоциональной чувствительности, алчность, потребительский гедонизм, радужные утопии техногенного рая и пр. В цифровую эпоху добавляется еще одна черта – фрагментарность сознания (клиповое мышление).

Экогеосистемные люди особо почитают неприкосновенные места – священные рощи и священные водоёмы, в которых сохраняется биоразнообразие и

²⁵⁶ Гаджил М. Священные рощи // В мире науки. 2020. № 1/2. С. 68 – 79.

²⁵⁷ Гаджил М. Священные рощи. Ук. соч. С. 76.

ставшие ныне редкими виды растений и живых существ. Священные рощи и священные водоемы упоминаются в классических произведениях на греческом языке и санскрите. Локально в современной Индии до сих пор сохраняется 12% от 1,8 тыс. га общинных лесов. Как свидетельствуют старожилы Восточных Гималаев, в доколониальный период до 30% считались святыми местами. Неприкосновенность святых мест поддерживалась местными религиями – буддизмом, джайнизмом, суфизмом путем ритуалов и обрядов часто магического характера и традиционно-религиозной этики²⁵⁸.

Набирает вес экологическое движение «снизу» против варварского отношения к природе в угоду коммерческой выгоде, обостряется борьба людей с техносферным сознанием и людей с экосистемным сознанием. В этой борьбе ставится проблема расширения прав экосистемных людей, поколения которых учились наблюдать за окружающей средой и жить с ней в гармонии. Люди выступают против разработки нефтеносных песков в Канаде, замены влажных тропических лесов на плантации масличной пальмы в Индонезии, широких туристических программ в заповедниках Алтая, загрязнения и коммерческого использования пресной воды Байкала.

Приведу примеры эффективного сотрудничества науки и традиции. Внешение химических удобрений – один из эффективных способов повышения урожайности в техносферной цивилизации. Использование искусственных удобрений получает широко распространение с 1950-х гг. Действительно, внешение азотных удобрений (на основе аммиака или мочевины), полученных из углеводов (продуктов нефтепереработки), за несколько десятилетий увеличило мировое производство сельскохозяйственной продукции на 400%. Этот факт назвали «зеленой революцией»²⁵⁹. Однако есть оборотная сторона медали. Злоупотребление и неразумное использование химических удобрений приводит к деградации почв, опустыниванию земель, к отравлению и исчезновению пчел, росту вредителей (обратная связь). Часто именно финансовые и экономические проблемы, возникающие в экономике интенсивного земледелия (невозможность оплатить кредиты), заставляют фермеров возвращаться к естественному земледелию. Так, когда африканский фермер Мариико Манджони узнал об «удобряющих деревьях», которые улавливают азот из почвы, он стал сажать

²⁵⁸ Гаджил М. Священные рощи. Ук. соч.

²⁵⁹ Николацци М. Цена нефти / Пер. с итальянского. М., 2012. С. 27.

эти деревья между рядами кукурузы. Через шесть лет урожай вырос в десять раз²⁶⁰. Совместно с американскими учеными реализуются проекты восстановления почв путем выращивания многолетних растений (деревьев, кустарников и травянистых растений из семейства бобовых) среди продовольственных культур. Этот метод относится к серии стратегий под названием «перенниация». Он хорошо работает в соединении с современными методами агротехники, включая «беспашотное земледелие и земледелие с использованием только органических удобрений, а также благодаря современным сортам культурных растений с повышенной засухоустойчивостью, стойкостью к болезням и воздействию вредителей»²⁶¹. По сути, прогрессивные тенденции в инновационной технотехнике связаны с возвращением к принципам сотрудничества с природой и ведения земледелия, известных всем древним цивилизациям и традиционным культурам. Многовековые наблюдения за природой позволили найти и культивировать гармоничные сочетания прорастания культур²⁶². Ценный вклад в понимание природы как целостного живого организма вносит биосемиотика²⁶³.

Еще один пример. С приходом эры «зеленой революции», которая резко повысила урожайность применением химических удобрений и внедрением интенсивных сортов риса, в Индии исчезло 90% местных разновидностей риса. Риски выращивания высокоурожайных сортов риса проявились с экономической стороны, с эколого-климатической и даже с медицинской. Выращивание риса стало дорогостоящим предприятием для фермеров, вынужденных брать кредиты. Многие разорились, известны случаи самоубийства земледельцев-кормильцев, когда прокатилась волна пандемии, а также по причине факторов изменения климата случился неурожай. В отличие от молодой научно-экспериментальной науки, традиционная культура земледелия основана на сотрудничестве с природой. Азиатский культурный рис (*Oryza sativa*) стал продуктом многовековой селекции и межвидового скрещивания диких разновидностей. Разные сорта риса обладают ценными качествами, содержат важные питательные вещества, устойчивы к засухам и наводнениям. При поддержке ученых-экологов восстанавливается выращивание риса традиционных сортов в

²⁶⁰ Гловер Дж., Реганолд Дж. Лечение почв Африки // В мире науки. С. 99 – 102.

²⁶¹ Ук. соч. С. 100.

²⁶² См., например, Катон Марк Порций. Земледелие / Пер. и комм. М.Е.Сергеенко при участии С.И.Протасовой. Отв. ред. И.И. Толстой. М.-Л., 1950-. 220 с.

²⁶³ См. статью в настоящем издании: Струговщикова У.С. Антропомерность в оптике экологической семиотики.

Индии²⁶⁴. Издревле земледельцами с экосистемным сознанием были замечены целебные свойства риса. Они научились готовить из них лекарственные средства. Например, на основе крахмала риса *Bhutmuri* («голова призрака») делают богатый железом и витамином Противоанемийный напиток, приготовленный из сорта *Paramai-sal* (рис долголетия), укрепляет здоровье детей. В нем много «антиоксидантов, микроэлементов и крахмала, который легко расщепляется с высвобождением энергии»²⁶⁵. Ряд сортов риса используют для религиозных церемоний. Согласно аюрведе и традиционной китайской медицины, дошедших до наших времен естественных систем оздоровления, пища является лекарством. Разные сорта риса рекомендуются в целях восстановления организма при различных заболеваниях, укрепления иммунитета и естественных механизмов саморегуляции.

Медицина: естественная и научно-экспериментальная. С 1980-х гг. определяются три ведущих направления инновационной деятельности – цифровые технологии, нанотехнологии, биомедицинские технологии. Наступает отчетливо прослеживаемый период коммерциализации научно-технической, когда крупный бизнес оценил выгоду высоких технологий²⁶⁶. Усугубляются противоречия техногенного развития и общества потребления. Коммерческие интересы, быстрая и баснословная прибыль, ложь, обман, манипуляции общественным сознанием при предоставленных возможностях самых новейших изобретений человеческого гения в области телекоммуникаций вышли на поверхность социального пространства. Возникают и развиваются исследования этики нанотехнологий²⁶⁷, этики информационно-коммуникационных технологий²⁶⁸, биоэтики, этики биомедицинских технологий.

Этические исследования биомедицинских технологий в культурной трансдисциплинарной перспективе вводят новые, не учтенные измерения, которые могут пояснить фундаментальные основы бытия, и соответственно, границы допустимого вмешательства в природу в целом, и человеческую природу, в частности. Выделим ряд ключевых позиций, которые должны быть учтены в этической экспертизе биомедицинских технологий:

- экология человека, среда обитания и возможности медицины;
- антропология, природа человека и его разума;
- отношение к здоровью и болезни в разных культурных перспективах;
- естественное и искусственное;
- технологическая основа инновационных проектов и способы экспериментальной проверки (доказательность);
- маркетинг.

Сущность того или иного явления познается в сравнении. Попробуем осветить заданные позиции, сравнивая установки естественной и научно-экспериментальной медицины. Под научно-экспериментальной медициной понимают фундаментальные исследования и современную технологичную практику, начало которых положено новоевропейской наукой. К естественной медицине относят аюрведу, китайскую и тибетскую медицину, народную медицину. Естественная медицина отвечает критериям экосистемной медицины, предполагая неразрывную связность человека и среды. Среда понимается широко – локальная среда обитания, космоприродные (астрологические) факторы среды, социальная среда. Естественная медицина формировалась тысячелетиями, ее иначе называют холистической медициной. Непременным компонентом традиционной естественной медицины была философия, природные и антропологические установки в картине мира. Например, философия аюрведы опирается на индийские философские школы (санкхья, вайшешика, ньяя, веданта, йога, буддизм, джайнизм). Западноевропейская средневековая медицина, древнерусское врачевание поддерживали установки естественного врачевания. Основные усилия естественной медицины направлены на восстановление баланса природных сил организма с тем, чтобы активизировались процессы саморегуляции. Согласно естественным установкам, организм человека как совершенное творение природы, в естественной среде к адаптирован к преодолению недугов, ему только нужно помочь. Акцент делается на натуропатические методы очищения и укрепления организма (бани, минеральные водные процедуры, промасливания, ароматерапия). Непременным условием исцеления является активность самого пациента в осознании моральных причин заболевания (грехов в христианской традиции). В холистической антропологии человек понимается как единство тела, сознания и духовного начала (разума, воли, этики). В своем высшем предназначении, проходя опыт жизни как негативного, так и позитив-

²⁶⁴ Деб Дебал. Возрождение разнообразия риса // В мире науки. 2019. № 12. С. 48 – 55.

²⁶⁵ Ук. соч. С. 48.

²⁶⁶ Этос науки. Ук. соч.

²⁶⁷ Грунвальд. А. Этика для нанотехнологии // Философия науки. Т. 20. М.: ИФ РАН, 2015. С. 126 – 143.

²⁶⁸ Алексеева И., Аришинов В. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016. 196 с.

ного, разумный человек должен научиться управлять телом и душой, осваивая ступени лестницы нравственного совершенствования. Например, в аюрведе различают болезни-друзья, болезни-учителя и болезни-враги (А.Ш.Закарая). В аюрведической традиции *болезни-друзья* помогают предотвратить худшие и более опасные болезни (например, вовремя проведенное лечение трахеита и бронхита предотвратит развитие бронхиальной астмы в будущем). *Болезни-учителя* вынуждают нас задуматься над нашими поступками, предупреждают об ошибках. Сознательно приобретая иммунитет и научившись распознавать причины заболеваний, человек будет готов к испытанию духа *болезнями-врагами*, преодоление которых – общее дело. Преодоление болезни, таким образом, это путь самопознания и «творчества себя», сознательной саморегуляции.

Кратко и точно выразил установки естественных систем выздоровления Платон. Философ выделяет недуги тела: дисбаланс стихий в организме (избыток, недостаток, переход в чужое место, выполнение несвойственных функций); нарушение естественного порядка формирования и работы органов и частей тела (внутри организма); загрязнение организма, нарушение работы дыхания, флегмы, желчи. Недуги души и социальной организации: неразумие как сумасшествие; неразумие как невежество, нарушение меры удовольствия и страдания (добровольно порочный человек); дурные свойства тела; неудавшееся воспитание; порочные государственные установления; дурные речи. К средствам профилактики относил: соразмерность между душой и телом. «Не возбуждать ни душе в ущерб телу, ни тела в ущерб душе»²⁶⁹. Проблема специализированной профессиональной деятельности, согласно Платону, решается следованию принципа дополнения. Например, математикам рекомендуются занятия гимнастикой. Средство психосоматического воспитания души: следить за равновесием между внутренними и внешними движениями, другими словами, за процессами взаимодействия организма и среды. Очищение (катарсис) души – занятия искусством, философией, высшими пифагорейскими науками (математикой). В очищении тела рекомендовал движения для разумного человека, а также, колебательные движения во время путешествий, если нет усталости, то морские прогулки и иные поездки.

²⁶⁹Платон. Тимей. // Собр. соч. в 4-х т. М., 1994. Т.3. М., 1994. С. 495.

Примечательно предупреждение Платона о том, что метод врачебного очищения тела силой лекарств неприемлем для разумного человека. Только в случае крайней необходимости стоит применять лекарства. В соответствии с идеей естественного течения недуга, философ пишет: «обрывать их (недугов) течение прежде положенного предела силой лекарств может лишь тот, кто хочет, чтобы из легких расстройств проистекали тяжелые, а из немногих – бесчисленные. Следовательно, лучше руководить недугом с помощью упорядоченного образа жизни, насколько это позволяют нам обстоятельства, нежели дразнить его лекарствами, делая тем самым беду закоренелой»²⁷⁰ Другими словами, именно профилактика, предупреждение болезни, должны составлять главную заботу врачей.

Дело в том, что в естественной медицине лекарства, даже натурального происхождения, считаются ядами. На языке современной биохимии они блокируют различные ферменты или другие звенья биохимической реакции, в результате чего прекращается передача нервного импульса, нарушается биосинтез веществ, необходимых для нормального функционирования клетки, прекращается функция рецепторов или механизмов транспорта через мембрану (оболочку) клетки ионов калия, натрия, кальция и других важнейших элементов, блокируется выработка в клетке АТФ, происходят и другие реакции. К негативным последствиям ведет применение алкалоидов, гликозидов, сапонинов, антибиотиков, эфиров и других искусственно созданных средств. Как и прежде Платон, отдельный человек и человечество эпохи техногенной цивилизации все больше и больше увязает в недугах, которые уже приняли системный характер.

Техносферному человеку – техносферная медицина! Экспериментальная медицина – аналитична, дифференцирована по специальностям. Часто лечащие врачи сами не ведают о биохимическом составе лекарственных средств, их побочных эффектах в сложной реальности взаимодействия веществ, и более того, в масштабах природы – круговорота веществ (это вне зоны их специализации). Положение усугубляется коммерциализацией и системой страховой медицины, формализацией методов диагностики и воздействия, медицинским образованием и лечением по протоколу, привлечением искусственного интеллекта в операциях синтеза новых веществ. Цифровые и виртуальные технологии

²⁷⁰Платон. Тимей. Ук. соч. С. 497.

уменьшают долю натуральных экспериментов, пренебрегают сроками набора статистических данных, контрольными экспериментами. Проекты вакцинации населения (прямого воздействия на клетку с преодолением энцефалитного барьера) и их реализации вскрывают проблемы искусственности моделей вирусологии, дефекты компьютерных симуляций. Химизация терапии с методологической точки зрения, означает не что иное как практический редукционизм («химический империализм»). С точки зрения философии естественной медицины, техносферная медицина зашла в тупик, нарушается основной принцип врачевания «Не навреди», идет повсеместное вмешательство в тонкие структуры организма без понимания фундаментальных законов жизни.

Трансдисциплинарная перспектива биоэтических исследований не должна обходить острые вопросы мировоззрения при анализе проблем эвтаназии, трансплантации органов, репродуктивных технологий, абортов. В мировоззренческих предпосылках экспериментальной, позитивной медицины человек предстает как социальное (биосоциальное) существо. Этические дискуссии вокруг злободневных проблем ведутся именно на этой платформе. С религиозно-философской точки зрения, в глубинах человеческого существа заложено духовное начало. Душа в христианской традиции (тонкое тело в индийской философии) связана с внутренними, субъективными мирами. Обсуждая вопросы искусственного оплодотворения, улучшения человека (трансгуманизм) обходят стороной вопрос о кармических последствиях деяний. Встает еще один интересный вопрос: если физическое тело связано с душой, то к каким последствиям в посмертном существовании может привести, например, трансплантация органов (перенос от одного человека к другому, лишение органа)? На этот вопрос объяснений не дается. Можно напомнить средневековые ориентиры, бытовавшие и в Древней Руси. Увечного человека не хоронили (исключения – воины), потому что верили, что в ином мире ограниченный человек не сможет попасть в рай²⁷¹.

Техносферный человек становится биологическим субстратом медицинских манипуляций, теряя человечность даже социального уровня. При этом «биологическое» выхолащивается, лишается смысла жизненности (витальности). Идет профанация фундаментальных понятий бытия. Если хотим следовать

идее информированного согласия путем просвещения людей, то нельзя обходить религиозно-философские вопросы трансдисциплинарной экспертизы.

Итак, социально-этическая экспертиза инновационных проектов, накопленного экологического ущерба при трансдисциплинарном подходе должна прояснять вопросы уровня картины мира, культурно-семиотических систем (В.М.Розин), менталитета и культурно-когнитивных особенностей в сочетании с этическими установками. Предлагается различать психотипы техносферного человека и экосистемного человека. Причина экологического кризиса кроется, главным образом, в нравственной деградации общества потребления и утрате разумного чувства ответственности. Сотрудничество науки и традиции имеет позитивные результаты деле охраны природы, гармонизации техносферы и биосферы, становления новой парадигмы интегральной медицины. Согласно религиозно-философским учениям, кардинальный поворот возможен при осознании духовно-нравственной природы мысли (пространственной мысли в субъективных мира) и мысли в действии (воплощении архетипов в земных делах).

Социально-этическая экспертиза техносферных реалий

В преодолении системного кризиса предпринимаются попытки гармонизации техносферы как новообразования XX века с биосферой (а также всеми планетарными оболочками) и антропосоциосферой. Основные препятствия идут как со стороны своекорыстной политики мировых элит на планетарное господство и коммерциализации, так и техносферного общественного сознания с культом потребления, удовольствий, забвением основ жизни. В чем же состоит развитие человечества в эпоху ускоренного научно-технического развития? Прогресс наук и технологий – благо или зло? И что не так пошло, и почему сегодня в повседневном языке часто употребляются такие понятия как кризис, риски, катастрофы, неопределенность?

Внешние и внутренние риски научно-технических проектов. Есть важное направление социально-этической экспертизы научно-технических проектов, связанное с анализом рисков. Стоит различать внутринаучные (эпистемические) риски и внешние (неэпистемические) риски (политические, управленческие, экономические, социально-психологические). Основной эпистемический риск укоренен в самой специфике интеллектуального исследования как процесса постоянного поиска, часто идя старинным методом проб и ошибок. В

²⁷¹Медведь А.Н. Антропология болезни в Древней Руси (X – XVII вв.). Очерки истории. М., 2014.

сложной, взаимоуязванной и динамической реальности всегда что-то известно, а что-то неизвестно. Что же остается неопределенным и неизвестным для технически (аналитически) ориентированного ума? Природа целого, будь то отдельный организм или Вселенная. Технически вооруженная наука работает с искусственным инструментарием (теории и модели, имитационные эксперименты и компьютерные симуляции), который существенно продвинул исследователей в понимании глубинных уровней материи, но есть серьезные проблемы соответствия теоретической конструкции и имитационных экспериментов первой природе, невозможности предвидеть последствия внедрения искусственных инноваций в живое целое природы. Показательными примерами могут служить активно пропагандируемые биоинженерные, генноинженерные и биомедицинские технологии, когда в теоретических предпосылках технологий отсутствует различие между живым и неживым, частью и целым. В профессиональных трудах биомолекулярных биологов, генетиков можно найти разъяснения относительно достигнутого уровня знаний в генетике, геномике и возможностей генной инженерии, допущений теоретических формул и их экспериментального подтверждения²⁷², но в условиях коммерциализации науки не научная экспертиза, а маркетинг корпораций-разработчиков становится решающим фактором разработки и внедрения инновационного продукта.

В условиях повышенных рисков внедрения недоработанных технологий ответственность распределяется между заказчиками, разработчиками, экспертами и потребителями. Ширится движение социально ответственного бизнеса. В условиях возможностей манипуляций массовым сознанием, невежества населения, механизм информированного согласия просто используется в политических или коммерческих интересах. С гуманитарной точки зрения, в рискованном обществе грамотный потребитель должен разбираться в сути технологий, их эффективности и безопасности, в потенциальных рисках, иметь критическое мышление и чутко реагировать на рекламные ходы. Со стороны общества ответственность за совместную деятельность по конструированию техносферных реальностей определяется уровнем культуры, мировоззренческими установками цивилизации, организацией социальной жизни. Остро стоит проблема квалифицированного образования с развитием критического мышления, чуткостью

²⁷² См., например, *Свердлов Е.Д.* Взгляд на жизнь через окно генома. В 3-х т. Т. 2. Очерки молекулярной генетики. М., 2019.

к трюизмам маркетинга и способностью противодействия уловкам рекламы. Все эти пожелания предполагают выход из тупика техносферного сознания.

Управленческие риски в рамках технократической научной политики становятся угрозой существования науки как таковой. Цифровые технологии позволяют создавать контролируемый эффективными менеджерами общественный порядок. Доведены до абсурда оценки количественных методов принятия решения, которые менеджерами выдаются за объективные. «Экономический позитивизм» подрывает основу из основ науки – свободу творческой мысли, попустительствует нравственному разложению интеллектуальной элиты²⁷³.

Серьезные проблемы вызывают риски цифровизации. Узел противоречий завязывается новыми институциональными основаниями и экономические механизмами управления обществом с аспектами этики и социальной ответственности. Специалисты оценивают современное состояние экономики как новую форму капитализма – цифровой (когнитивный) капитализм²⁷⁴. В экономическом аспекте цифровой капитализм связан с эффектами комбинирования сетевых технологий и маркетинга, в когнитивном аспекте круг вопросов включает эволюцию общества знания при цифровых технологиях, новые условия НИОКР, качественные трансформации социума и сознания. По мере углубления взаимодействий между людьми и технологиями возрастает значение ценностей в проектировании технологий будущего²⁷⁵.

В условиях цифрового капитализма нарастают социальные риски, связанные с обесцениванием значения интеллектуального труда. Государственные и международные объединения при поддержке крупного бизнеса активно влияют на создание экономики знаний, в которой при рыночных механизмах результаты знания становятся услугой и товаром (инновационным продуктом). Информационно-коммуникационная среда позволяет за символическую плату приобретать различные продукты научной деятельности, инвестиции в фундаментальные исследования и наукоёмкие технологии соизмеряются со степенью риска и выгодой. Согласно установкам эффективного менеджмента, в экономике знаний становится приоритетным соизмеримость затрат на единицы научно-

²⁷³ *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Экономический позитивизм и будущее науки // *Философия науки*. Т. 20. М., 2015. С. 169–190.

²⁷⁴ *Schiller D.* *Digital Capitalism*. Cambridge, MIT Press, 2000.

²⁷⁵ *Ефременко Д.В., Москалев И.Е.* Перспективы и риски развития современного научного знания в условиях становления цифрового капитализма // *Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации*. Курск, 2021. С. 248–259.

го продукта (знания) со способностью этого продукта производить инновации. Большинство «стартапов» или фирм возникает на базе проектов, основанных на конкретных открытиях университетских ученых. Высокоприбыльные индустрии биопродукции, биомедицинской продукции, нанотехнологической продукции, информационно-коммуникационной продукции включают в себя как непременную составляющую фирмы, которые специализируются на новостном контенте инновационных технологий. Организации-посредники финансируют научные исследования рекламы и маркетинга²⁷⁶.

Технологии зрелой цифровой экономики позволяют интернет-провайдером конструировать образы новых инновационных продуктов в общественном сознании. Безответственная политика, при забвении выработанных исторически критериев научного исследования и проверки его результатов, пренебрежение фундаментальной наукой в угоду сиюминутной выгоде втягивает рискованное общество в участие (вольное или невольное) в техносферных экспериментах, когда научный эксперимент (компьютерная симуляция или имитационный эксперимент) переходит из лаборатории в природную среду и общество потребителей. Политизированная социальная инженерия приобретает планетарный масштаб. Образы (фантазии) техносферных разработчиков конструируют будущее цивилизации, непосредственно влияя на жизненный уклад потребителей. О недостатках инновационной технологии, как правило, узнают, когда идет реклама сменяющей ее очередной технологии.

Нефтегазовая энергетика и развитие человечества. Рассмотрим проблемы социально-этической экспертизы на примере энергетике. Социально-этическая экспертиза предполагает рассмотрение следующих основных вопросов:

– Какие последствия имели нефтегазовые революции для развития человечества в отношении материальной культуры, научного познания, экологии и геоэкологии, социального развития отдельных стран и этносов, цивилизационного и геополитического развития?

– Что дает развитие нефтегазовой энергетике для интеллектуального развития личности и духовно-нравственного совершенствования?

²⁷⁶Касагин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016. 264 с. Касагин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013. 560 с.

– В чем можно усмотреть ценность отрицательного опыта развития энергетике (критическая перспектива)?

Перечисленные вопросы требуют специального исследования, мы же сосредоточимся на их проблематизации. Начнем с некоторых вех бурного развития нефтегазовой энергетике как характерной черты индустриальной, техногенной цивилизации. Ускорение индустриального и социального развития можно усмотреть где-то с середины XIX века. Одним из катализаторов стала углеродная (уголь) и углеводородная (битум, асфальт, нефть, природный газ) энергетика, вставшая на промышленные рельсы. Наступает эпоха цивилизационного развития, которая вошла в литературу под названием петромодерна («нефтьсовременности»)²⁷⁷. Ископаемое топливо становится основой экономического, социального и культурного развития стран, содействуя общим процессам будущей глобализации мира. В глобально увязанном мире политика, экономика, промышленность, наука и технологии, социум, культура срастаются в единый, гигантский социотехнический организм (мегамашину). Как и в любом сложном организме, изменения в одной его части влечет изменения в целом. Научные открытия новых источников энергии, новые технологии добычи и переработки ископаемого топлива, новые виды организации труда и информационные технологии, перестройки экономики, национальные и геополитические факторы, общественное сознание и динамика потребностей, смена культурных ценностей и ориентиров, академические концепции и пр. образуют сложную сетку координат социально-этической экспертизы. Технологические революции при коммерческой эффективности результатов приводят в движение бизнес, государственное управление, экономику, провоцируют возникновение новых общественных потребностей. В свою очередь общественные потребности, привычки к комфорту, которые предоставила нефтьсовременность, не раз в истории порождали страх перед мыслью о том, что ископаемые ресурсы закончатся. Научная мысль устремлялась в поисках искусственных заменителей природных веществ или процессов. Стратегическое преимущество в мировых войнах достигалось, в том числе, созданием новых технологий переработки нефти и достижений нефтехимии (мазут, авиационный бензин, горюче-смазочные материалы) и их скорейших внедрений в производство. Таким образом, в конструиро-

²⁷⁷Клозе А., Штайнгер Б. Нефть. Атлас петромодерна. М., 2021. 324 с.

вании и поддержании новой среды обитания – техносферы соучаствуют и наука, и общество, и производитель, и потребитель.

Немного истории. Выходившие на поверхность нефть и газ издревле использовали в целях освещения, отопления, смазки, а также как лекарственные средства. Массовая добыча и использование нефти в промышленных масштабах стала возможна, главным образом, благодаря изобретению новых технологий бурения и эффективных способов транспортировки нефти. Символический отсчет нефтяного дела индустриальной эпохи начинают с бурения скважины в Титусвилле (США, Пенсильвания) в 1859 году. Несколько ранее начинается промышленное освоение бакинской нефти, эффективность которого усилилась с применением американских технологий бурения. Природный газ использовался в качестве топлива с конца XIX века, но его доля в топливно-энергетическом комплексе была сравнительно незначительна вплоть до последней четверти XX века²⁷⁸. Технологическая революция в усовершенствованиях геофизических работ в цифровую эпоху, способов бурения, технологий сжижения природного газа и его транспортировки в сжиженном состоянии привела к открытию гигантских залежей природного газа, который по прогнозам станет доминирующим источником энергии к 2035–2040 гг.²⁷⁹

Развитие нефтегазовой энергетики существенно изменило природный ландшафт. По приблизительным подсчетам эксплуатируемая на сегодня транспортная сеть нефтепроводов протянулась на 3,5 млн км, в том числе 2 млн только в США. Для сравнения: общая протяженность всех железных дорог на Земле составляет около 1,3 млн км²⁸⁰.

К 1920-м годам набирает силу и разворачивается автомобильная эра человечества²⁸¹. Нефть становится «главным перевозчиком» на планете²⁸², Горючее для автомобилей, водных судов, самолетов искусственно создают из продуктов нефтепереработки. Использование двухкомпонентного ракетного топлива на основе керосина и жидкого кислорода способствовало открытию космической эры человечества. Развитие транспорта, в котором нефть сыграла од-

²⁷⁸ Мартынов В.Г., Бессель В.В., Кучеров В.Г., Лопатин А.С., Мингалеева Р.Д. Природный газ – основа устойчивого развития мировой энергетики. М., 2021. 173 с.

²⁷⁹ Природный газ – основа устойчивого развития мировой энергетики. Ук. соч.

²⁸⁰ Клозе А., Штайнингер Б. Нефть. Атлас петромодерна. Ук. соч. С. 42.

²⁸¹ Плачкова С.Г., Плачков И.В., Дунаевская Н.И. и др. Энергетика: история, настоящее и будущее. URL <https://energetika.in.ua/ru/books>

²⁸² Николацци М. Цена нефти / пер. с итальянского. М., 2012. С.20.

ну из ключевых ролей, в развитии человечества сказалось в освоении земного пространства. Реализуются мечты человечества в покорении стихий воздуха, земли и воды: благодаря техническим средствам стали возможными беспрепятственные перелеты из одного конца планеты в другой, проезд на скоростном автомобильном и железнодорожном транспорте, путешествия на судах по водным артериям и океанам.

Постоянное усовершенствование топлива в компактном и легком двигателе внутреннего сгорания в метафизическом контексте можно расценить как освоение человечеством стихии огня на молекулярном уровне. Технологии вызывания огня и использования в технических целях, как при самовоспламенении дизельного топлива, так и с помощью свечей зажигания в бензиновом двигателе, возможны исключительно при максимальном контроле на молекулярном уровне. Промышленная нефтехимия открывает новую страницу техногенной цивилизации – эру «научно-обработанных молекул» (science-fashioned molecules). Бензин – это не природное вещество, а высокотехнологичный продукт культуры.

Ряд изобретений с начала XX века подготовили эпоху производства и массового потребления искусственных синтетических веществ из нефти – удобрений, продуктов быта, лекарств, косметики. С 1950-х гг. полиэтилен используется в упаковках. Бурно развивается новая техносферная составляющая – пластсфера. К началу XXI века для производства 80% продуктов органической химии от лекарств до удобрений требуется нефть²⁸³. К концу 1960-х гг. наблюдается взрыв потребления нефти, интенсивный рост национальных экономик, увеличение доходов населения. Жители развитых государств наслаждались комфортным уровнем жизни, о котором еще несколько десятилетий назад нельзя было и помыслить. Нефтесовременность (петромодерн) связывают с типом нового человека-потребителя – *углеводородного человека*.

Техногенная цивилизация агрессивна. Любые научные открытия и новые технологии используются в военных целях. В 1942 году выпущенная американцами инфографика «Военная карта ESSO» открывалась лозунгом «Нефть – это боеприпасы, используйте ее с умом». Из нефти производили горючее и сма-

²⁸³ Николацци М. Цена нефти. Ук. соч. С. 26 – 27.

зочные материалы, в том числе парафин для ложных войск, сырье для синтетического каучука и лекарств врачей, антикоррозийное покрытие²⁸⁴.

Экономическим стимулом внимания к нетрадиционным ресурсам стало повышение цен на углеводороды в 2000-е годы и исчезновением когда-то разработанных запасов нефти («легкой»). Новую нефтегазовую революция связывают с нетрадиционными (распределенными и трудноизвлекаемыми) запасам природного газа, такими как сланцевый газ, газ плотных формаций, газ угольных пластов, газовые гидраты, водорастворимые газы континентов²⁸⁵.

Сланцевая революция инициировала социальный взрыв со стороны экологов и населения. Опасения за последствия грубого вмешательства в природную среду посредством глубинного бурения, непрогнозируемые необратимые последствия привели к мораториям добычи нетрадиционных ресурсов в ряде стран, установлению правовых норм гидроразрыва пласта и пр. Проблема баланса экономических и экологических интересов вышла за рамки деятельности специалистов, став глобальной проблемой человечества. С другой стороны, открытие гигантских залежей природного газа позволяет строить прогнозы о новом повороте в энергетике. Ключевыми регионами добычи природного газа в ближайшей перспективе станут Евразия (включая Россию и район Каспия), страны Персидского залива, Австралия и Северная Америка.

Что приобрело человечество в бесконечном процессе познания природы? Прикладными ветвями наук о Земле стали физико-химия нефти и газа, нефтехимия, газохимия, геология нефти и газа, геофизические и геохимические исследования, геоэкология нефти и газа. С освоением космоса развивается космохимия, обогащая понимание генезиса и функции углеводородов в космическом пространстве. К рубежу XX–XXI вв. утверждается мнение о формировании наук о нефти и газе как самостоятельной области научного знания с выделенным предметом, методологией, экспериментальными возможностями²⁸⁶.

Генезис нефти и природного газа считается фундаментальной проблемой естествознания. Научное исследование проблемы начинается с экспериментальной науки Нового времени, но до сих пор основные концепции имеют ста-

²⁸⁴ Клозе А., Штайнингер Б. Нефть. Атлас петромодерна. Ук. соч. С. 85.

²⁸⁵ Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. М., 2014.

²⁸⁶ Конторович А.Э. Осадочно-миграционная теория нафтидогенеза: состояние на рубеже XX и XXI вв., пути дальнейшего развития // Геология нефти и газа. 1998. № 10. С. 8–16.

тус гипотез. Основные трудности связаны с высокой долей неопределенности в исследованиях, невозможностью проведения прямых экспериментов, недостаточностью данных для обобщений, слабой разработанностью методологий изучения сложной реальности, такой как планетарная система, конкуренцией научных парадигм. Особенностью нефтегазовых месторождений является их уникальность, своеобразие геологических и геофизических условий каждого месторождения. Опытные геологи могут по капле нефти многое сказать о ее истории. Согласно современным представлениям, природный газ состоит главным образом из смеси насыщенных углеводородов – метана (до 90–98%), этана, пропана и бутана. Нефть представляет собой сложное, структурированное соединение. В физико-химическом аспекте углеводороды только преобладают в составе нефтей, содержащих значительное количество (до десятков процентов) кислородо-, азото-, фосфоро- и серосодержащих соединений, распределение которых варьируется в широком диапазоне. Именно соотношение всех этих соединений и делает каждое месторождение уникальным. Отсюда вопросы о генезисе нефти и всего разнообразия углеводородов – смежные, но разные вопросы²⁸⁷.

На протяжении всей истории изучения генезиса нефти соперничали две основные парадигмы – биогенная (органическая) и абиогенная (неорганическая, минеральная). Концепция глубинного абиогенного генезиса углеводородов утверждает неисчерпаемость и возобновляемость углеводородных ресурсов на Земле. С альтернативных точек зрения генезис нефти рассматривается в космической, биосферной, вулканической гипотезах. В исследовании проблемы предпринимаются попытки междисциплинарного синтеза (полигенезис нефти).

Сейсморазведка и глубинное бурение позволяют углубить познания о геологической истории Земли и формах жизни, предоставляя, например, информацию о былых речных долинах и поселениях, затопленных водой. Так, в Баренцовом море геологи-нефтяники обнаружили самую большую за историю Земли дельту, через которую уходила на север вода с гигантского суперконтинента Пангея²⁸⁸. С 1980-х гг. накапливаются факты наличия биоты в огромных количествах в более древних породах, а также ее колоссальной живучести.

²⁸⁷ Кучеров В.Г., Герасимова И.А. Генезис нефти и природного газа: конкуренция парадигм // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 106–117.

²⁸⁸ Klausen T.G., Nyberg B., Helland-Hansen W. The largest delta in Earth's history // Geology. 2019. No 47. P. (S) 470–474.

Формируется новая парадигма о литобиосфере – слое, где жизнь развивается в глубинах недр в условиях высоких температур и давлений²⁸⁹.

Богатство недр – благо или ресурсное проклятие? Этот вопрос не имеет однозначного ответа. Обладание нефтью может в корне поменять образ жизни, в других случаях вековые традиции находят возможности ассимилироваться с урбанизацией и техносферным комфортом, в третьих случаях и рабство одних может сочетаться с процветанием избранных. Благотворительность на одном полюсе жизни балансирует с расточительством на другом. Подсаживание на «нефтяную иглу» ведет к застою экономики и социального развития обладателей природных богатств, в то же время, отсутствие ресурсов заставляет заинтересованных потребителей развивать науку и технологии²⁹⁰.

«Ресурсное проклятие» аналитики причисляют к глобальным проблемам современности. Так, в странах-экспортерах нефти в 1970-1980-х гг. во время ценового пика на нефть наблюдался феномен беспрецедентного падения уровня жизни. Сбои в экономике могут возникнуть по причине доминирования нефтегазовой добывающей отрасли при застое других, так, как это случилось в Нидерландах в ходе освоения нефтегазовых запасов в Северном море в 1970-х гг.²⁹¹ Конечно, виноваты не богатства недр, а системы взаимоотношений между бизнесом, управляющим аппаратом государства и гражданским обществом. Последнее определяется, как считают эксперты, развитостью демократического и экологического сознания граждан.

Уроки антропоцена придется исправлять будущим поколениям. Заброшенные скважины и пластсфера станут маркерами для будущих представителей наук о Земле. Освоения углеводородного богатства недр привело к масштабной перестройке образа жизни людей и комфорту. Мечты воплощались в жизни, но не так как этого хотелось. Несовершенство научно-технической мысли и ориентиры общества потребления проявились в экологическом кризисе, нарушении природного равновесия, и, главное, в отчуждении человека от природы.

²⁸⁹ Галанин А.В. Литобиосфера Земли. 2012. Сайт ukhtoma.ru/litobiosphere.htm

²⁹⁰ Ергин Д. Добыча: Всемирная борьба за нефть, деньги и власть / пер. с англ. М., 2022. Клозе А., Штайншгер

Б. Нефть. Атлас петромодерна. Ук. соч.

²⁹¹ Шехтман Г.А. Богатство недр как благо и как проклятие // Геофизический вестник. Информационный журнал евро-азиатского геофизического общества. 2019. № 3. С. 4 – 10.

К основным рискам, связанным с добычей и использованием нефти и природного газа относят:

- риски землетрясений при бурении;
- выбросы CO₂ и других парниковых газов при переработке и использовании ископаемого сырья;
- непрогнозируемые последствия добычи нетрадиционных и трудноизвлекаемых углеводородов;
- отравление почвенных вод выходящим на поверхность метаном;
- заражения подземных вод содержащимся в нефти канцерогенным бенз(а)пиреном (C₁₆H₁₂) при авариях на трубопроводах²⁹²;
- загрязнение воздуха выхлопными газами при эксплуатации транспорта;
- катастрофический риск тотального пластикового загрязнения планеты²⁹³.

При разложении полимеров выделяются вредные вещества, такие как стирол, фенол, формальдегид. Переработка пластика экономически нерентабельна и трудоемка, требует множества катализаторов.

Техногенная цивилизация балансирует между культурой и варварством. Разрыв между возможностями науки и технологий и уровнем морального сознания и экологической культуры общества разрастается. Военные и экологические риски, доведя планету до предельно экстремальных ситуаций, заставляют задуматься над целями, смыслами и ценностями потребительского общества, роли творческой мысли и действий в геологических процессах. Отрицательный опыт нефтесовременности к началу XXI века стал социальным проявителем эгоизма человеческой природы. Какая новая революция сегодня необходима, чтобы оставить катастрофическое самоуничтожение человечества, грозящее взрывом планетарного масштаба?

В сознании.

Когнитивная и нравственно-духовная эволюция

Подводя итоги, можно выделить методологические принципы и ориентиры трансдисциплинарной социально-этической экспертизы. К основным отнесем:

²⁹² Галулин Р.В., Галулина Р.А., Башкин В.Н., Арабский А.К. Управление риском загрязнения подземных вод нефтью // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17. № 3. С. 10 – 15.

²⁹³ Соколов Ю.И. Риски тотального пластикового загрязнения планеты // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17. № 3. С. 30–43.

– трансдисциплинарная экспертиза научно-технических проектов с привлечением всех сфер культуры (наука, искусство, религия, традиция, общественные движения);

– основы жизни. Эко- и биофилософия. Религиозная философия. Традиционное миропонимание;

– экологическая перспектива (промышленная экология, социальная экология, экологическая этика). Экотехнологии, природоподобные технологии, конвергентные технологии в стереооптике трансдисциплинарного подхода;

– критическая перспектива. Оценка негативного опыта. Накопленный экологический ущерб. Накопленный моральный ущерб;

– когнитивная и нравственно-духовная эволюция. Культура, интеллектуальное и духовно-нравственное совершенствование человека. Оценка личностного и общественного развития. Перспектива ноосферной цивилизации будущего (разумной созидательной жизнедеятельности).

Комплекс дисциплин, изучающий эволюцию человека, достаточно обширен – от биологических наук до социально-исторических. Среди них: антропологические учения, эволюционная эпистемология, когнитивно-эволюционный подход, историческая психология. Но если мы хотим развивать трансдисциплинарную перспективу, то в отношении морали правильно будет обратиться к религиозной философии. Понимание человека как социального существа необходимо, но недостаточно для объемного видения проблемы эволюции, что особенно важно в период крутой ломки всех сфер жизни.

Зададимся вопросом: какова природа человека как существа духовного и каково назначение человека на Земле? Сама постановка вопроса предполагает обсуждение вопросов, выходящих за пределы земной зримости: человек как существо космическое (космическая философия), воплощенное сознание (отелесненное) и субъективное, внутреннее сознание в духовных практиках (бессознательное для несовершенного человека с позитивной точки зрения). Обратимся к древнерусской ноуменальной философии (по выражению В.В. Милькова) в ответе на фундаментальный вопрос о назначении человека. Итак, памятник древнерусской книжности «Диоптра» Филиппа Монотропа²⁹⁴.

²⁹⁴ «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья // Изд. подг. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдюг, отв. ред. М.Н. Громов. М., 2008. 733 с.

С приходом христианства утверждаются представления о двусоставной природе человека, соединении тела (плоти) и души. Внешний человек – воплощенная душа, внутренний – сама душа, обладающая свободой воли и самовластная. Венец творения человек онтологически причастен временному земному бытию и вечному духовному миру, но сущностно с Богом не смешан. Он наделен свободой воли, в своих действиях может отделяться или приближаться к Творцу. В ортодоксальном понимании на антропологической идее двуприродности человека выстраивается учение о спасении и формулируются практические стратегии поведения. Согласно христианским неоплатоникам, тело и душа одинаково ответственны за грехи, из чего следовало, что прохождение опыта жизни невозможно без изучения и природной среды, и духовных начал в человеке. При двусоставном понимании природы человека, душа может склоняться к телесной жизни, но может восходить к божественной жизни духа. В зависимости от жизненного опыта различаются духовные, душевные и телесные люди. В самом высшем достижении очищенная душа готова принять в себя Божественную Троицу и, пройдя опыт жизни, стать боговидной, богоподобной. В этом и состоит ключ к пониманию спасения и назначения земной жизни.

В чем же смысл человеческого существования «воплоти»?

В земной жизни человеческая душа закаляется на поле брани, возвращая в себе элементы духа и выявляя естественные, изначально присущие ей добродетели. Силы души три – словесная, яростная и желающая. «От словесной – смысл и правда, от желающей – целомудрие, а мужество – собственное порождение ярости. Свойство смысла – царствовать и исследовать глубины Божии разумом. Справедливости же – воздавать на суде борющимся помыслам равно во всем и отдельно каждому свое, *вынося* благое справедливое решение каждому из них. От целомудрия в свою очередь – чистота, непорочность. От мужества же – сопротивляемость, способность не ослабевать в трудах и мечом терпения отсекал противоестественное»²⁹⁵.

Если говорить на современном языке, сказанное предполагает, что интеллект составляет лишь часть словесной природы души. В земных условиях поля брани мысль человека воплощается в действии (труде). Все недостатки мыслеформ отражаются в их объективациях в мире вещей. Таким образом, все достоинства и недостатки техносферы – это достижения и недомыслия человеческого

²⁹⁵ Ук. соч. С. 300.

ума. В духовном отношении мысль имеет нравственное измерение. Душа поистине разумна, если мысль, слово, действие согласованы в универсальной (божьей) волей. Совершенный человек призван в идеале воплощать ноуменальное в феноменальных формах мирах. Согласно «Диоптре» многие качества человека, приобретаемые, скажем по-современному, в ходе долгой эволюции, отпадут, но они породят семена божественных качеств. В ином мире совершенный, духовный человек, развивший духовные качества, обретет новую среду обитания и новые возможности творчества.

Какие же качества человека формирует техносферная деятельность? Обратим внимание на некоторые, достаточно очевидные.

Традиционный уклад экосистемных людей сохранил бережное отношение к среде обитания по принципу «Не навреди». Однако жизнь в сельской местности трудна физически, часто примитивна, формализована магическими ритуалами. Но магия – это прошлое человечества. Экосистемные люди имеют ценное качество – простоту, чутки к природе и к внутренним мирам.

Интеллект развивался вместе с рациональной наукой. Техносфера – детище научно-технического, интеллектуального развития. Однако чистый интеллект – пустоцвет, никаких семян духовности не приносит. Выход из системного кризиса сторонники духовно-экологического движения видят в одухотворении интеллекта через культуру.

Ускорение научно-технического развития вместе с глубокими трансформациями всех сфер жизни привело к глобализации, взаимовязыванию всех сфер планетарной жизни. Глобализация связала пространственно и информационно людей, поставила перед необходимостью выживания и разрешения проблем планетарного масштаба, что возможно только при всеобщей кооперации. В аспекте духовной эволюции можно фиксировать (хотя и на низшем уровне) становление планетарного сознания в плавильном котле судеб отдельных людей, народов и всего человечества. Разрушительный кризис – время кардинального очищения (разрушения) с надеждой на последующее возрождение (созидание). Люди забыли простую истину всех религий – свобода возрастает вместе с ответственностью. У человека, претендующего быть планетарным демиургом – планетарная ответственность. А это уже космическое измерение бытия. Из перечисленных Филиппом Монотропом качеств души – смысл и правда, цело-

мудрие, мужество, техносферным человеком утрачено мужество как сопротивляемость противоестественному.

3.2 Моделирование семиозиса цифровизации дискурсивных практик (синергийно-трансдисциплинарные аспекты)

Введение. Прежде чем, раскрыть выбранные нами, атрибутивные характеристики современных дискурсивных практик – цифровизации и семиозиса и способов их моделирования наметим контур человеческой деятельности в сфере научной дискурсивной практики в контексте современных требований, наиболее ярко, по нашему мнению, представленным во множестве представлений о научной картине мира в постнеклассической оптике видения, в синергийно-трансдисциплинарном аспекте. Удерживая в себе предшествующие два образа мира в классическом и неклассическом вариантах, постнеклассическая картина мира интегрирует совместный образ, формируемый соответствующими семиотическими системами. Удержим в данной статье внимание на множественном характере проблематизации данного подхода, на возможности отслеживания порождения «жизнеспособные модели — модели, сохраняющие в теоретической работе стремление как к истине, так и к преобразованию опыта»²⁹⁶. Эта составляющая, по нашему мнению, суть современных дискурсивных практик, как важная, но не единственная из возможных составляющих человеческой деятельности в целом. Она предопределяет ее трансдисциплинарный проблемокомплекс, как предметную область исследования, которая требует методологического синтеза с сохранением и учетом его становящего, процессуального характера, сутью которого является оспаривание (диалог- спор-агора) на значимость между его составляющими. Ключевым моментом данного рассмотрения являются комплементарно-противоречивые сочетания, утверждающие, что «новое есть *утвердительный* модус отрицания»²⁹⁷, который «требует оценивать не только историческую новизну концептов, созданных тем или иным философом, но и силу их становления в процессе их взаимопереходов»²⁹⁸. А это в свою

²⁹⁶ *Обзор* П. Философия посттеории. Трансдисциплинарность и новое // Логос- философско-литературный журнал. Т.27, №3, 2017. С. 199-226. С. 219

²⁹⁷ Там же. С.217.

²⁹⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетей. 1998. С.46

очередь «требуется философии о нефилософском опыте и исходя из него»²⁹⁹. Речь в этом случае идет о концептуальном конструировании в трансдисциплинарном философствовании. Философствование без дисциплинарных ограничений (но не без любых границ), поскольку это открывает философию испытанию опытом»³⁰⁰.

Когнитивно-практическая инновация в фокусе философии трансдисциплинарности³⁰¹

Основания трансдисциплинарного подхода к философии. В основании философии трансдисциплинарности мы обнаруживаем нередуцируемую сложность, связанную с его радикальным переосмыслением. Допущение сложности к рассмотрению обусловлено как внешними обстоятельствами, так и природой опыта, разворачивающегося в основании феномена трансдисциплинарности³⁰². Он обрывает подробностями, вбирая в себя сложноорганизованный по своей природе и по методам, так сказать современный мейнстрим - поли-, плюро-, междисциплинарные исследования. А именно, когнитивные практики, нацеленные на совмещение и «обмен парадигмами и рождение новых парадигм на стыке областей знаний как формы экстраполяции и диалога практик в науке»³⁰³. Как не суммарный эффект такого наполнения трансдисциплинарности возникает то, что можно назвать, воспользовавшись выражением Б.В. Маркова, «философствованием на краях порядков»³⁰⁴. Смысл трансдисциплинарного опыта проявляется, в первом приближении, в его парадоксальной сочетаемости догматически утвержденного в дисциплинарном знании со «следованием правил» жизненного мира (желаний, чувств, предпочтений, институциональных порядков повседневности). Нельзя не отметить и другое немало важное обстоятельство, что трансдисциплинарность может быть оценена и как проект, исследование того, что еще только может возникнуть как его результат, и как реаль-

²⁹⁹ Осборн П. Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое // Логос- философско-литературный журнал. Т.27, №3, 2017. С. 199-226. С. 218.

³⁰⁰ Там же. С.212.

³⁰¹ В основе этого раздела статьи лежит переработанный текст статьи Князченко Л.П. Когнитивная инновация в фокусе философии трансдисциплинарности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 34-49..

³⁰² Nicolescu B. Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of The Included Middle and Complexity // Transdisciplinary Journal of Engineering & Science. 2010. Vol: 1, No:1.p. 19-38

³⁰³ Микешина Л. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН. 2010. С.17

³⁰⁴ Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: АЛЕТЕЯ. 1999. С. 244

ная практика, средство обсуждения и принятия решения экспертного сообщества»³⁰⁵.

Философия – это особая стилистика жизнеописания о мире в целом, представленная в концептуальной форме дисциплинарного знания и практик его познания, существующих в многообразии школ и направлений. Когда мы ставим вопрос о философии трансдисциплинарности, речь не идет об отказе от дисциплинарно сложившейся философии как «любви к мудрости» в пользу филодоксии - «любви к мнению» (И.Кант). Дело в ином. Философия как особого рода дисциплина становится трансдисциплинарной в ситуации, когда следуя своему призванию, обращается к собственным началам в ситуации необходимости перепроверить «уверенных в себе самоочевидностей», устоявшихся стереотипов и норм. Позиционирует себя «по ту сторону» установленного «раз и навсегда» толкования добра и зла, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного, полезного и вредного и т.д. и т.п. Философия застаёт себя заново внутри существующих различий, переосмысляя их, понуждаема делать, в том числе, и моральный и ответственный выбор, принимать решения не вообще и не когда-нибудь, а здесь и теперь - конкретно.

Как подчеркивал Хайдеггер: позиция мысли «по ту сторону добра и зла» «не означает: вне всякой законности и порядка, но – внутри необходимости нового полагания другого порядка против хаоса»³⁰⁶. В этом смысле трансдисциплинарный опыт есть радикализация опыта философии как такового. Каждая философия открывает новый взгляд на мир и в этом смысле является фундаментальной новацией. Но если открытие делается из позиции «по эту сторону» открывшейся возможности, то есть из/в позиции инновации (*in-novation*) – из/в возможности полагания нового порядка в совместном обсуждении всех участников, задетых за живое, возникшей проблемы, то речь идет о позиции трансдисциплинарного опыта. Поэтому философия трансдисциплинарности имманентно является философией инновации. Средой, порождающей этот опыт и им же трансформируемой, являются реальные экзистенциальные проблемы человека, сводящие воедино научное и обыденное познания на границе их разделяющей.

³⁰⁵ Max-Neef, M. Commentary Foundation of Transdisciplinary. Ecological Economics 2005.v.53. P. 12

³⁰⁶ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления М.: Республика.1993.С.107.

Проблемокомплекс трансдисциплинарности. Философия трансдисциплинарности, как показывает практика обсуждения ее проблем, вырастает из жизненного опыта решения злободневных экзистенциальных проблем (экологических, биоэтических, демографических, медицинских, социально-политических и т.п.)³⁰⁷. Поэтому она изначально проблемоцентрична. Причем проблемокомплекс здесь выступает в трех планах. С одной стороны, проблемы опознаются, оцениваются на актуальность и решаются в совместных усилиях представителей различных дисциплинарных методологий, опирающихся на отработанные формы нормативности (этические принципы и правила, экологические нормы, показатели здоровья и социального благополучия и т.д.). С другой, - экзистенциальные проблемы, формирующие опыт трансдисциплинарности, укоренены в реальных конфликтах и противоречиях жизненного мира - уникальных казусах, не укладывающихся в дисциплинарные каноны и общепринятые нормы, требующих знаний и умений, ориентации в реальных жизненных обстоятельствах, решимости и опыта совершения конкретных ответственных поступков. Наконец, можно сказать в-третьих, экзистенциальные проблемы не являются чем-то внешним для бытия человека. С первых дней жизни мир не только дан ему как нечто готовое, но и загадан как фундаментальная проблема обретения себя и как природного существа, и как субъекта культуры. Обретение себя длиною в жизнь проходит в динамических коллизиях сохранения и утрат, самонастройки и адаптации к вновь возникающим запросам и вопросам его течения. Жизнь человека по сути проблемоцентрична, поскольку нет единого решения на вновь возникающие случаи и, следовательно, инновационна. Тематизация инновационности в современной исторической ситуации имеет свои резоны в том числе и резоны политической конъюнктуры. Философия трансдисциплинарности, отдавая должное внешним мотивациям, вместе с тем, исходит из понимания инновации как фундаментального антропологического атрибута познавательной деятельности. Любые философские, научные, инженерные, художественные и иные инновации исходят из включенного в проблему опыта присутствия «между» любым состоявшимся и устоявшимся полаганием порядка и теми возможностями, ранее не востребованными (неявными, скрытыми, фоновыми), вызванными к жизни прилагаемыми обстоятельствами актуальной

³⁰⁷ Scholz Roland W. Environmental Literacy in Science and Society. From Knowledge to Decisions. Cambridge. Cambridge University Press. 2011. p.631.

ситуации возникшей проблемы. Д. Клейн, рассмотрев широкий круг контекстов, в которых разворачиваются меж- и трансдисциплинарные исследования, выделила семь параметров, определивших их проблемный характер: (1) вариативность целей; (2) изменчивость критериев и показателей; (3) проведение интеграции; (4) конструктивное взаимодействие социальных и когнитивных факторов; (5) управление, лидерство и обучение; (6) целостность, транспарентность, итерационность системы и (7) параметр эффективности и результативности³⁰⁸.

Инновация: интервал между бытием и становлением. Опыт философии трансдисциплинарности строится на парадоксальной установке выявления интервала между двумя пределами: «бытия в становлении и становления в бытии» (Ж.Делез) как сути инновационных событий, разворачивающихся в указанной развилке. Существенную особенность исторической ситуации современного философствования мы, в первую очередь, видим в том, что оно нарабатывает стратегии обращения с многоликой сложностью мира, рассматривая его, то как единство неразличимого множественного, то как множественность различных единств. Еще Монтень отмечал, что «Мир – не что иное, как бесконечное разнообразие и несходство»³⁰⁹. Указанные подходы ритмически воспроизводят всегда существовавшую традицию мыслить амбивалентность мысли за счет приоритетного рассмотрения одной из выделенных противоположных позиций. Традиция в новых обстоятельствах приоткрывает возможность в известном открыть неизвестное, сокрытое до поры, до времени – рассмотреть возможность интервального представления амбивалентностей.

По мнению М. Элиаде, двоичное членение природы и общества является универсальной чертой человеческого мышления и проявляется в таких характеристиках, как полярность, антагонизм и дополнительность. Для Элиаде «код полярности» приобретает, с одной стороны, значение способа «прочтения» природы и человеческого существования, с другой – универсального системообразующего принципа, охватывающего все многообразие бинарных и дуалистических представлений³¹⁰.

³⁰⁸ Klein Julie T. Evaluation of Interdisciplinary and Transdisciplinary Research. A Literature Review. // American Journal of Preventive Medicine. 2008. Volume 35, Number 2S, p.118.

³⁰⁹ Монтень М. Опытги: В 3 т. М.: Голос. 1992.Т.2.С.299.

³¹⁰ Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс.1987.С. 248-250

Код полярности обладает структурой интервала. А именно, условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов, сохраняя их различенность. Тем самым тенденция к устойчивости доопределяется имманентизацией различий, размывающих тождественное себе бытие и раскрывающих возможность множественности интерпретаций – контекстных его доопределений, обусловленных временем, местом, мотивами, интересами (в том числе относящихся к различным дисциплинарным областям). Такой ракурс рассмотрения интервала: «бытия в становлении и становления в бытии» фиксирует в обобщенном виде среду между двумя пределами. Направляет напряженный поиск их согласования, исходя из конкретных обстоятельств процесса развертывания событий, смысл и назначение которых «синтез нового языка и новых понятий, раздвижение границ мыслимого и говоримого»³¹¹.

Например, уже христианство очевидным образом воспринимает происходящее как последствие события грехопадения. Возникновение экзистенциального интервала между вечным и временным, бытием и становлением. Лишь в результате подобного задания онтологического различия у людей «открылись глаза» и началось то, что происходит сейчас – человеческая история. Грех не отменяет безусловность истины Бога, но создает экзистенциальный интервал, определяющий через предельные основания случающихся событий динамику человеческой жизни. Ее напряженный вектор движения через «реперные точки» случающихся событий – шкала измерения удалась, не удалась праведная жизнь.

Биология так же в основание эволюции жизненных форм полагает дополненность устойчивости механизмов наследственности и имманентность ошибок - мутаций, различий и дифференциаций. Жизнь понимается как парадокс – «конвариантная редупликация» как сформулировал ее сущность крупнейший отечественный эволюционист Н.В. Тимофеев-Ресовский.

В свою очередь культурология, сошлемся на Ю.М. Лотмана как репрезентативного представителя сообщества «культурологов», так же видит в основании культуры парадокс – «взрыв», представляющий собой, с одной стороны, перманентную инновацию, производство результата, выступающего за рамки

³¹¹Элштейн М. Знак_пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение.2004.С.18.

сущности и форм существования предшествующих поколений (становления), а с другой - консервативные механизмы культурной памяти – припоминания бытийного порядка. Особенно это относится к тем временам, когда возникают, как отмечает Ахутин А.В. «эпохи, лучше сказать эпохальные рубежи, особо чувствительные к парадоксам, когда истина бытия и бытие истины расходятся»³¹².

Каждая из перечисленных дисциплинарных областей строится на своем различии истины и заблуждения, добра и зла, пользы и вреда. Решая свои собственные головоломки, они друг в друге не нуждаются. Но когда они сходятся для решения конкретных животрепещущих проблем, порождаемых бурным прогрессом науки и техники, типа проблемы клонирования человека, статуса эмбриона или дефиниции смерти, то подобного рода встреча возможна лишь если они осознают себя «внутри необходимости» стать «по ту сторону» принятых дисциплинарных различий, погрузиться в опыт трансдисциплинарности.

Парадоксы, лежащие в основании проблем как начал трансдисциплинарности, не представляют собой простые противоречия между суждениями в плане предполагаемого общего поля интервальных различий, к примеру, истины и заблуждения, добра и зла. Это конфликт истины и истины, добра и добра, красоты и красоты и т.д. Он предполагает множественность фундаментальных онтологических интервальных различий. Но на множественности не останавливается. Проблемы требуют ответа, ответственного решения. Парадоксального единства, которое не снимает осново-полагающей онтологической множественности. Подобного рода ответ, и лежащая в его основе ответственность, не может быть дан в общей, пригодной для каждого конкретного случая форме. Он выстраивается как «мост» через онтологическую пропасть путем ситуационного (здесь и теперь разворачивающегося) обговора, обсуждения и достижения договоренностей между вовлеченными в проблему субъектами (стейкхолдерами). В основании достигнутой договоренности может лежать не логическое тождество различных дисциплинарных взглядов, что в принципе невозможно, а общность интересов, готовность к позитивному разрешению проблемной ситуации, которые опираются на внутреннее убеждение в действительности вечных ценностей, универсалий, в этом конкретном случае через контин-

³¹²Ахутин А.В. Парадоксы культурологи// В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М.: Академический проект; РИК.2005. С.19.

гентное согласие разнородных мнений и убеждений. Контингентность, позволим себе напомнить, обозначает ту ситуацию, когда отсутствует фундированность необходимости, субстанциональность устойчивости, бытие не через себя, а через иное. В дело вступает отношение - «чувство дремлющих ассоциаций» (В.П.Зубов). Различающееся повторение помечает обновленный путь или новое прикосновение к универсалиям³¹³.

В основе договоренности нового толкования универсалий не уступка невежеству, случайности мнений, а обнаружение в себе опыта изначального присутствия «по ту сторону» дисциплинарных интервальных различений, которые складываются до дисциплинарного познания, не проходят стадию критической рефлексии и сами составляют неявную основу любых рассуждений. Именно поэтому, постоянно слышащееся на все лады требование сохранить «себя» в форме определенного религиозного опыта, биологического вида или устойчивой формы традиционной культуры, исходно промахиваются мимо вожделенного. Инновация заключена в самой сути человеческого бытия – как бы его ни понимать – религиозно, естественнонаучно или культурологически. Естественное желание человека сохранить «себя» как верующего, как живое природное тело, как культурную личность обязано, если не отказывается от «себя», обеспечить открытость новому через обращение к себе как возможности становления иным. Инновационность человеческого присутствия в мире подспудно пребывает «в себе» бытием (если использовать гегелевский оборот). В современных обстоятельствах она становится «для себя» бытием, т.е. предметом сознательного внимания и заботы, учитывая потенциал ее неисчерпаемости.

Другими словами, заглядывая за пределы себя, человек, в тоже время, оглядывается на себя как возможность самого себя. Он надеется при этом узнать себя, в том, что в нем было предугадано, но не востребовано и предвидеть в себе то, что может случиться как загаданное. *Парадоксальность заглядывания за рамки себя в том, что «возможность себя» открывается не просто как прокурсивное узнавание себя в некоторой возможной новации (неважно какого рода), но и как такое дискурсивное действие («челночное» связывание в языке жизненных неповторимых историй), которое содержит в себе план рекурсивного возвращения (обращения) к началам, как повторяющемуся различению «себя». Аналогично, происходит и научное заглядывание за грань того что в*

природе есть, раскрытие ее (природы) бытия в возможности – то, что составляет предпосылку последующих технологических изобретений. Но, одновременно, ставится вопрос о необходимости сохранения нетронутый, «дикой», неосвоенной и неприсвоенной человеческим потреблением природной среды обитания. Той природы, которая была в начале исторического развития человека. *В этом двуплановом инновационном «заглядывании» за пределы себя и природного мира и опознании возникающих в контексте инноватики проблем разворачивается собственно философское дело промысливания начал основополагающих различений культуры и природы, мысли и бытия. Дело философии трансдисциплинарности.*

Универсалии – концепты – трансверсалии: основания опыта различения

Философия трансдисциплинарности, как представляется, должна включать в качестве основания многообразие опыта различений, т.е. повторяющихся в многообразии вариаций заданий интервалов релевантности теоретических понятий (истинности и ложности), а так же, как интервалов, в которых концепты эвристически правдоподобны или локально истинны. Но если мы говорим об «общем» корне взаимодействия дисциплинарных форм, (понимая их расширительно, включая правила и нормы практики жизненного мира) представления бытия и становления, он с неизбежностью выступает как заранее непредставимые предпосылки представлений в той или иной форме. Поскольку они не где-то в стороне, а проходят через нас, через наши жизни, наши слова и поступки, которые порой вне нашей воли или желаний меняют свой смысл. Либо сами обнаруживают в себе ранее не проявленные аллюзии, либо приобретают их за счет изменения в языковой среде и практиках использования. Поэтому, мысль, пытавшаяся в понятии ухватить смысл уни-версума (или фрагмента, его представляющего) и выразить в опубликованном слове, на самом деле производит поли-версум. Не единое, а множество единств в потоке их изменения-становления. Производит только постольку, поскольку погружена во временной поток, в котором любая попытка повторить тождественное с уже бывшим ошибается (ковариантно), повторяет себя с различием, аналогично. Поэтому понятия (универсалии), чтобы быть понятыми, понятными самому себе и, желательного, другому должны приобрести статус концептов, семантика которых (в стиле неклассики) определяется особенностями погруженности пишущего или читающего в конкретный контекст «здесь-теперь» жизненного мира. Поли-

³¹³ Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА.2004. С. 961-962

версум, хотим мы этого или не хотим, фундируется био-концепто-графически. Но при этом меняется не только понимание жизни как предмета науки, но и сам субъект размышления меняется, причем, изменения в обоих случаях могут происходить одновременно, проецируя их друг на друга, а могут и с различной, асинхронной динамикой ускорения или торможения с соответствующими смещениями в представлении, порождая множественность единств. Становление, во всяком случае, происходит с учетом прошлого опыта, его отслеживание в актах рекурсивной рефлексии, опирающейся на репродуктивное воображение — множиться виртуальными возможностями представлений о самой себе и предмете жизни в различных его формах. Это антропологическое последствие нашей общей погруженности во время, в потоки становления оборачивается или, скажем, разворачивает нас к необходимости иметь дело с множественными параметрами порядка в субъектной и объектной реальностях и их взаимодействию с миром в сложноорганизованном трансферсальном измерении. Если понятия выступают как определенного рода универсалии, а концепты в своей множественности — поливерсалии, то следы присутствия непредставимого в опыте трансдисциплинарности в осмысляющих дискурсах целесообразно называть трансверсалиями, которые восполняют-порождают смысл «между».

Формой представления непредставимого является «пробел», пауза между фразами и словами, а их «логиками» и/или «риториками», единицами — знаками препинания. Через поры пауз и лакун, препинаний речи нетематизированная жизнедеятельность врывается в артикуляции понятий и в животворящий дискурс концептов как «включенный третий», даруя им связь и предельное основание — в решении насущных проблем современности — основного предмета философии трансдисциплинарности. И если мир в теоретическом понятии присутствует как универсум, в концепте — как множественный «поливерсум» (У. Джеймс), то в трансдисциплинарном опыте, двигаясь в русле отслеживания его неизбежной сложности, как трансверсум. Трансверсум вновь утверждает единство (общее основание по Аристотелю), но укореняет его не в отвлеченном объективном обстоянии дел, которые предполагают дисциплинарные дискурсы, а в ответственном (ответном исторической ситуации, требующем выступления за рамки себя) личном поступке (свидетельстве или аттестации по П. Рикеру). Поступке как ответственной инновации, которая по большому счету должна быть одновременно и человекомерной (например, в случае биоэтического про-

екта) и природоразмерной (как проект экологический) инновации, нацеленной на устойчивое их совместное развитие.

Скрепками, нитями сопряжения трансверсума являются не универсалии, которые «локализованы» по ту сторону становящегося мира, и утверждают тождество мысли и бытия и не концепты, привязанные к жизненным обстоятельствам погруженности действующего субъекта (наблюдателя) в становление (множественной различности), а то, что между ними, между понятиями и концептами, формирующими по аналогии с интервалами дисциплинарного опыта трансинтервал. «Между» не является вспомогательной конструкцией — наоборот, это место и носитель межчеловеческой событийности³¹⁴. В такого рода интервале, как нам представляется, действует аксиома включенного третьего, которая, по словам Б.Николеску, обеспечивает взаимосвязь между трансдисциплинарными объектом и субъектом, каждый из которых обладает сложной многоуровневой реальностью. Познавательная структура трансинтервала никогда не может закрытой. Knowledge is forever open. И именно присутствие включенного третьего Б. Николеску называет не проявленный, скрытый третий (Hidden Third), позволяет консолидировать трансдисциплинарные объект и субъект. Троичное разделение на субъект, объект и включенное третье (Subject, Object, Hidden Third) радикальным образом отличает методологию трансдисциплинарности от классического подхода. И в первую очередь тем, что включенное третье придает значение, смысл взаимодействию субъективной объективности трансдисциплинарного объекта и объективной субъективности трансдисциплинарного субъекта, не в математической, а в символической форме³¹⁵.

Эффект сопряжения разнокачественных и разноуровневых составляющих процесс когнитивной инновации покоится на том простом обстоятельстве «все существующее с самого начала отнесено к другому и определено через эту относительность»³¹⁶ отнесено через ассоциативную связь и образуют то, что было названо трансверсалиями («общие идеи», «органическое целое»), которые не предзаданы, а возникают спонтанно (эмерджентно) контекстно и ситуационно

³¹⁴ Бубер М.Я И Ты. Перевод В.В.Рынкевича Из кн.: Мартин Бубер. Два образа веры. М., 1995. с. 16-92. <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt>

³¹⁵ Nicolescu B. Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of The Included Middle and Complexity//Transdisciplinary Journal of Engineering & Science 2010. Vol: 1, No:1.p.10

³¹⁶ Гайденко П.П. (1999) К предьстории становления новейшей европейской науки// Философия. Наука. Цивилизация. М.: Эдиториал УРСС. 1999. С.29.

обусловлено. Они сами себе не равны, поскольку становятся и самоорганизуются и представляют собой не самотождественные смысловые образования, а аналогии самих себя, которые лишь в различии повторяются. Итак, когнитивная инновация в опыте трансдисциплинарности возвращает нас к началам философского вопрошания. Многократно цитировалось как самоочевидное Аристотеля - общее всякого начала быть первым, откуда бытие, становление или познание. Мы понимаем сказанное классиком так – первым (архе) выступает «то откуда» различие «бытия» и «становления», которое, собственно говоря, и дает возможность «познания». Ницше и Хайдеггер уточнили «место» для общего – быть «по ту сторону» предположенных дисциплинарных интервалов. В пространстве рождения трансдисциплинарного опыта, как хотелось бы нам уточнить.

С нашей точки зрения не бытие обращается к себе с вопросом о смысле, а «общее» как начало, повторяющихся в разных дисциплинах и практиках поразному различений. По сути своей это общее «локализовано» в самих актах различений. Ведь о «бытии» и «становлении» многообразно высказывается дисциплинарными дискурсами и не только ими. «То откуда» как «общее начало» за их рамками – оно трансдисциплинарно по сути и переживается каждым как уникальный опыт включенности в современную историческую ситуацию, прописываемую биоконцептографически³¹⁷. Гуссерль назвал такого рода опыт – нетематизированной жизнедеятельностью, Мерло-Понти – телесным сознанием, Фрейд – бессознательным и т.п. Подступ к такому опыту во многом возможен через не прямое указание (говорение) через посредство знаков, символов, намеков, жестов, заполнения тех пробелов, которые связывают нестыковки и существующие различия, возникают на месте зарождающегося нового смысла, подбирающего соответствующие выражения – для проведенного различения.

Выстраивая сложную иерархию различений В.И.Молчанов, выделяет первичный опыт, как опыт различений, простейший, но редко тематизируемый, который дает основания для различения различений, различенностью как интервально раскрытым миром и различенным предметным составом. Последний как тождественный себе выступает не в качестве предпосылки, но в качестве результата — приостановки различений. Человеческому сознанию свойственна уникальная способность различать различия (самосознание) и различать типы и

³¹⁷Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности. (Очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН. 2000. 230 с

иерархии различных предметностей (рефлексия). Не сознание наделяет предмет значением, как бы испуская элементарно-ментальную частицу, которая достигает предмета, но предмет становится значимым, когда он, коррелятивно различению, обнаруживает свои функции на границе двух или нескольких опытов и контекстов³¹⁸. Именно последнее образует то основание, которое инициирует проведение трансдисциплинарного опыта.

Но как это основание может быть уловлено мыслью? Классическая философия пыталась уловить его в единстве дисциплинарного теоретического понятия, представив с позиций «божественного» субъекта. Неклассическое философствование, объявившее «войну» единству (Р. Барт), дезавуировало само желание целостности (единства), поставив во главу угла принцип (первоначало) множественности, а в дискурсивных практиках различения, заменив теоретические понятия контекстуализированными концептами (Неретина С.С., Огурцов А.П., Ж. Делез, Ф. Гватари).

Тем самым жесткая «залоговая» оппозиция «актив-пассив» классики с участием человека и языка (субъект-объект) снимается, то есть входит в «утвердительный модус отрицания» постнеклассики, в интерпретации Гегеля как «снятие». Переформулирование классической дилеммы ведет к взвешенному учету как обоюдного динамического влияния друг на друга участников диалога, так и самоопределяющегося становления каждого из них. Это обстоятельство пред-полагает наличие своеобразной «синергетической рефлексии», когда концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации. «Синергетическое движение в языке, претендующее, по сути дела, на открытие доступа к становящемуся бытию, само должно нести в себе элемент становления и соответственно ускользать от четко артикулированных форм»³¹⁹. Язык, пытаясь дать простор становлению, сам оказывается во власти этого становления. В результате возникают повторы, семантические сдвиги, метафоры как указывающие путь движения мысли, который отнюдь не всегда заканчивается утверждением общепринятого понятия или представления. Синергетическое движение в языке предполагает, что конструирование с помощью языка в качестве средства необходимых смыслов (универсалий) происходит в самоорганизующейся языковой

³¹⁸Молчанов В. Предпосылка тождества и аналитика различий//Логос # 11/12 1999 (21). С.10

³¹⁹Аришинов В.И., Свицкий Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.

реальности. Язык прислушивается и приглядывается к доязыковым, телесным практикам, движениям, поворотам в языковой среде, отслеживает события возникновения новых смыслов, совершая сложностный семиозис в современных дискурсивных практиках, выходя на уровень трансверсалий, того что только может возникнуть между уни-версумом (единством) и поли-версумом (множественностью единств).

Выдвинуться к ответу на вопрос о смысле трансверсалий поможет, в отсутствии готового смысла (ответа), *контекст*, интегрирующий предчувствие, интуицию, мысль, речь, текст в единство (енность) ответа, содержащим в себе взвешенность процесса сопряжения, стягивания, определяющим интенцию направления рассуждений. Остается фон, на котором смысл проступает в качестве истинного (полезного, контингентно договоренного, эффективного) в некотором выделенном *интервале* своих значений... Остается, как будет показано ниже, *транс-интервал*, который «сопрягает» поперечными стяжками (стежками) трансверсалий, выставляющих меру соотношений между выделенными значениями «чтойности» конкретного ответа, на чем собственно строится классическая идея интервального подхода (М.М. Новоселов, Ф.В. Лазарев). Неслучайно, что идея трансверсалий и трансверсума возникла именно в связи с процессом переосмысления философии интервального подхода применительно к проблемам биоэтики, биологии и медицины в перспективе трансдисциплинарного подхода.

Типология интервального подхода в синергийно-трансдисциплинарном аспекте. Интервальный подход (ИП) как методологическое, познавательное средство вырос из рассмотрения проблемы интервала абстракции. А сама «идея интервала абстракции — это идея философского осмысления онтологических и гносеологических предпосылок неуниверсальности (но не познавательной значимости) абстрактных моделей»³²⁰, пишет М.М. Новоселов. В 60-е годы он, совместно с Ф.В. Лазаревым, разрабатывал идеи ИП в отечественной методологической литературе. По сути дела, в рамках ИП решался вопрос о «мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий»³²¹. Дальнейшее развитие исследования интервального подхода привело к известной специализации в его рассмотрении. Выделилось сначала

³²⁰ Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). М., 2005. С. 73.

³²¹ Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., Наука, 1988. С. 10.

два вида его представлений: гносеологический (М.М. Новоселов) и онтологический (Ф.В. Лазарев), последний у его автора приобрел в дальнейшем более интеграционный вид — философско-антропологический³²².

Для меня существенным в использовании ИП в его гносеологической версии, толкуемым М.М. Новоселовым как интервал абстракции, то обстоятельство, что его нельзя определить точно. Он всегда остается «контролируемо неточным», что случается с некоторыми понятиями и в математических науках. Эта контролируемая недоопределенность проистекает из возможности двойного определения абстракции. А именно, само понятие абстракции разворачивается в некоторых границах, в интервале между «чистым отвлечением» в обобщении (Аристотель) и с сохраненным видением в целом того, «от чего отвлекаются» (Кант). Определенность в толковании понятия абстрактности может быть достигнута явным принятием одного из указанных пределов. Другая составляющая интервала уходит в фон, или, если воспользоваться образом Ф.В. Лазарева, становится «гносеологической тенью» (но от этого она, конечно, не перестает быть). В каких-то конкретных случаях эта «тень» может считаться избыточной, чрезмерно усложняющей ситуацию, и от нее отвлекаются.

Способность иметь две различные точки зрения в одно и то же время на один «предмет», как, например, в случае с определением абстракции, можно назвать способностью к «стереоскопическому видению». Способность, ведущая к постижению сложности. Это близко к способности видеть в едином многое, а в различном подобное. Или, как пишет П. Рикер, осознание конфликта между прежней несогласованностью и новым согласованием является прозрением подобного. «Удаленность» сохраняется в рамках «близости». Видеть *подобное* — значит, видеть одинаковое, несмотря на различие³²³. В свою очередь Н. Луман отмечает, что «различение требует внимания. Само различение должно обуславливать операцию вот эту и никакую иную. ... Единство (операции) и различение (схемы наблюдения) должны актуализироваться «единым махом»³²⁴, в этой конкретной ситуации «здесь и сейчас».

³²² Лазарев Ф.В., Литтл Б. А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001.

³²³ Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 422.

³²⁴ Луман Н. Дифференция. Логос, 2006. С. 17.

Фокусировка на различие, как в нашем случае, в способах возникновения абстрактного понятия, или, скажем, на «референтное расщепление: неоднозначность в референции» (Р. Якобсон) в случае метафорического взаимодействия буквального и иного смысла, ведет к принятию «интервальной ситуации». Она обладает структурой интервала. А именно условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов. Все это приводит к тому, по словам М.М. Новоселова, что «мы не можем говорить об «интервальной реальности» как упорядоченной структуре в математическом смысле термина «порядок». Если же мы хотим сохранить термин «структура», то с большой вероятностью следует ожидать структуру с «испорченным порядком». Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как «иерархичность», симметрия» и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отправляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *mutatismutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой»³²⁵. И прежде всего в ее ориентации на отслеживание процессов становления порядка в ситуациях неопределенности. По большому счету можно сказать, что и сама синергетика как исследовательская научная программа в целом разворачивается между двумя условно выделенными пределами, между «бытием в становлении» и «становлением бытия».

Здесь уместен герменевтический подход. «Он начинается с осознания того, что язык неизбежно отсылает за пределы себя самого, указывая на границы языковой формы выражения. Язык не тождественен тому, что на нем сказано, но совпадает с тем, что обрело в нем слово. Раскрывающийся здесь герменевтический горизонт языка делает явными границы объективации мыслимого и сообщаемого. Языковая форма выражения не просто не точна и не просто нуждается в улучшении — она, как бы удачна ни была, никогда не поспевает за тем, что побуждается ею к жизни. Ибо глубоко внутри речи присутствует скрытый смысл, могущий проявиться лишь как глубинная основа смысла и тут же ускользающий, как только ему придется какая-нибудь форма выраженности». Гадамер продолжает: «Чтобы пояснить эту мысль, я бы хотел различить две

³²⁵ Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). С. 15.

формы, какими речь отсылает за пределы самой себя. Первая — это несказанное в речи и все же именно посредством речи приводимое к присутствию, вторая — самой речью угаиваемое»³²⁶. Воспользуемся советом, данным Гадамером. «Единственный, добросовестный способ делать доступными для понимания философские мысли — это подчиниться тому знанию, которое уже заключено в языке, объединяющем всех нас»³²⁷.

При этом учтем, что «Ведь, вообще говоря, семиотика — это не более чем один из случаев двойственного рассмотрения чего угодно. В этом смысле мы не знаем другого, более последовательного дуализма. Семиотический дуализм «знак-обозначаемое» — эта глава с зашифрованным названием, в котором зашифрован дуализм предметного человеческого мышления»³²⁸, который ищет выхода в решении, сочетая относительную автономность научного дискурса с его необходимой открытостью к публичному предъявлению в моделях промежуточного результата длящегося семиозиса.

Модальности семиозиса в современной дискурсивной практике.

Можно выделить следующие черты нового типа науки, которые находят отражение в построении современной дискурсивной практики: 1) знание производится не только в контексте открытия и фундаментального обоснования, но и в контексте оцениваемых последствий их применения (практическое как фундаментальное); 2) научная рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте с познавательными средствами (приборами) и языком, а также ценностно-целевыми структурами; 3) предметоцентризм дисциплинарной организации знания доопределяется проблемоцентризмом трансдисциплинарности; 4) отмечается гетерогенность и организационное разнообразие производства знания (знание производится не только в лабораториях, но и по всей социальной цепочке восприятия, трансформации, трансляции, применения знаний и потребления его результатов, в явной и неявной форме. В качестве производителей знания — «гносеологических субъектов» — выступают и индивиды, и научные сообщества, действуя по формуле «Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я»; 5) возникают новые формы социальной ответственности и рефлексив-

³²⁶ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 69 <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000017/>

³²⁷ Там же. С. 309.

³²⁸ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mampg02/index.htm>

ности (биоэтика, политическая деятельность, цифровизация — наиболее характерные примеры, но не единственные); б) усложняется структура контроля качества знания (научная достоверность и обоснованность доопределяются идеями рыночной конкурентоспособности, практической полезности, соотношениями цены и качества).

В первую очередь, подчеркнем процессуальный, динамический характер дискурсивной практики, который разворачивается в коммуникативных взаимодействиях между его носителями (персонами, членами экспертного сообщества, а также не институциональными образованиями общественного мнения). Следующим шагом в рельефе дискурсивной практики явственно проступает системный характер, разворачивающийся между эндогенной и экзогенной его образующими средами. «Реципрокное» взаимодействие последних обуславливает множественность возможностей развития дискурсивной практики, как, например, ее адаптационное изменение/развитие, так и предпосылки революционного разрыва существующей процессуальности, смены научных парадигм и становления нового образа в способах мысли деятельности, реализуемой в поступках ее носителей. Традиционным доминирующим конфигуратором дискурсивной практики считается способность научной мысли адекватно отвечать на запросы времени, она может проявлять свой имманентный характер, схватываемый «устройствами записи», языком описательного порядка (нарративно). Так и принимать перформативные формы внешней выраженности в коммуникативном взаимодействии, не укладывающиеся в общепринятые образцы научных практик, что находит выражение и в поступках и действиях, создающих события общественно-научной жизни, переводящие язык в речь, а семиотику в семиозис. Семиозис в применении к дискурсивной практике понимается, как процесс комплементарно-дополняющий семиотику. Семиозис — это состояние становления/трансформации существующих форм дискурсивных практик. Состояние (модус) — стояние вместе со становлением, сочетание теоретического/гипотетического с эмпирическим/практическим. Семиозис, как процесс может быть представлен в виде модели сквозного действия по типу включенного третьего - интерпретанта между комплементарно-дополнительными дихотомиями в человеческой деятельности, между знаком и означаемым.

Известно и традиционное толкование семиозиса — единицы его аналитического тройного измерения через синтаксис, семантику и прагматику. Его со-

временные конфигурации в известной мере предопределяются методологическими особенностями способов познания и практического действия.

Моделирование семиозиса дискурсивной практики могло бы быть построено и по принципу триангуляции (triangulation) — шаг к его представлению как сложностного явления через модальности (состояния) его составляющих³²⁹. Применительно к социологии различают четыре формы триангуляции: 1) триангуляцию данных, когда в рамках одного исследовательского проекта используются различные типы данных; 2) триангуляцию исследователей, когда в проекте принимает участие несколько исследователей; 3) теоретическую триангуляцию — использование с целью интерпретации данных нескольких подходов; 4) методологическую триангуляцию — использование при изучении какого-либо вопроса множества методов³³⁰. Этот пример из социологии свидетельствует, что семиотика идет в фарватере междисциплинарных течений в научном познании, использующих двоякое движение (от внутреннего к внешнему и наоборот), через отношения между ними, коренящихся в двойственности самого Человека и в силу этого факта внутренне увязывающих семиотику и антропологию.

В известной мере и семиотика аналитически может быть представлена в версии триангуляции как *логос* (аргументация, абстрагирование через мыслительную деятельность, *патос* (пафос, интенциональное, личностно-эмоциональное), *эмос* (личностное, коллективное ценностное окрашенное поведение, согласование, достижение контингенции), которые находятся комплементарно-дополнительном соотношении. Это наиболее сложный вид триангуляции, и по свидетельствам множества западных исследователей очень незначительная часть социологов достигает определенных высот в такого типа триангуляции. Как правило, в начале исследования существует некоторая сеть предположений, по которым и собираются данные. Было бы более предпочтительно, если бы гипотезы или предположения выдвигались на основе совершенно различных теорий, подчас даже и совершенно противоречивых. Объяснение одних и тех же фактов с точки зрения различных теоретических положе-

³²⁹ Впервые термин «триангуляция» был применен американским социологом Н. Дензином, который заимствовал его из навигации и геодезии, где этот термин означал технику построения третьей точки на основе двух известных.

³³⁰ Denzin, N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970. P.297-360

ний - это одно из средств в обсуждении снизить критические замечания в адрес исследователей. В некоторых областях, например, в таких, где очень высока вероятность теоретической несовместимости, необходимость в теоретической триангуляции особенно высока. Так, например, разнообразие взаимодействия внутри групп объясняют очень много теорий. Некоторые считают, что эти взаимодействия можно объяснить с помощью теорий обмена, другие считают, что здесь необходим функционалистский подход. Символические интеракционисты отстаивают правоту своей теории и так далее. И, как результат, нет единой обоснованной теории в этой области³³¹. И это не случайно, поскольку наводит на мысль, что для универсальной теории нет оснований в силу выхода современной дискурсивной практики за границы ее однозначной трактовки. А именно «с точки зрения семиотики, объективная реальность – это то, что находится за пределами той или иной знаковой системы. Соответственно, объективная реальность человеку дана лишь косвенно, задним числом, бессознательно. Когда объективная реальность «схватывается» в знаковой системе, она реконструируется в другой тип реальности, выражаемый экстенционалами данной знаковой системы»³³².

Если исходить из положения, что «семиотика изучает объекты с чисто человеческой точки зрения. Даже если она изучает объекты нечеловеческой природы, семиотика обращается с ними как с «читаемыми»³³³, в том или ином виде как с текстом, который транслируется и переводится согласно прокреационным возможностям концепта, первичного кода, для входа в коммуникативный цикл трансдисциплинарного общения. Ведь именно в процессе коммуникации и происходит семиотическое моделирование реальности. «В широком смысле язык можно определить, как знаковую систему, обеспечивающую коммуникацию. Это предполагает, что минимальная языковая система должна включать: адресанта-адресата, означающие-означаемые, код, контекст»³³⁴. Однако, если семиотическое моделирование понимается как структурное образование, то тут возникает претензия на универсальное толкование предлагаемых

³³¹ Кошарная Г. Б. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования / Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 117–122.

³³² Ляшенко Д. Н. Семиотическое моделирование реальности: монография / Одесса: Печатный дом, 2015. – 168 с. С. 48.

³³³ Там же. С. 86

³³⁴ Там же. С. 110.

конструктов. «В безразличии структурных наук к натуральной онтологии заложен их универсализм, осуществляемый до той степени абстракции, до которой рассчитан категориальный аппарат какой-то структурной науки. В математике – до изоморфизма, в логике до присущности свойств и отношений вещам, в семиотике до принадлежности к знаковой системе.³³⁵ «Структурные науки (семиотика, логика, математика и т.д.) не направлены на поиски натуральных критериев для отличия вымысла от реальности, а предлагают анализ любых объектов с точностью до каких-либо признаков»³³⁶. Но если семиозис дискурсивных практик проходит в среде становления самих участников коммуникативного взаимодействия, в котором задействованы факторы сложности и неопределенности актуальной ситуации, то онтологический ракурс не может быть выведен за скобки, поскольку он касается пространства «между-метия» «мысль об объекте и объект мысли». Пространство «между-метия» являет собой средостение трансдисциплинарного подхода, перепроверяющего его возможность предоставить метапозицию, мета-физику в символическом выражении разнородных и разнокачественных компонентов такого рода семиотики в процессе ее моделирования. Основным предикативным свойством которой в качестве гипотезы можно предположить незавершаемость проекции в инновационном пополнении в решении проблемного комплекса трансдисциплинарной дискурсивной практики. «Иллюзию *открытой* структуры с ее невозможностью закончиться и произвольностью завершения»³³⁷ можно соотнести с эффектом возможности складывающихся отношений между символом и знаком. Субъект семиотической знаковой практики перманентно находится в ситуации выбора между знаком в роли символа, восходящем в ранг теологических единиц и/или метафизическим действием символа спроецированного на непосредственно воспринимаемое в знаке³³⁸.

³³⁵ Там же. С. 125-126.

³³⁶ Ляшенко Д. Н. Семиотическое моделирование реальности: монография / Д. Н. Ляшенко. – Одесса: Печатный дом, 2015. – 168 с. С.

³³⁷ Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Пер. с фр.-2-е изд. М.: Академический проект. 2015. 285с. С. 51.

³³⁸ Там же. С. 50

Онтология цифровизации — экзистенциальная актуализация синергетики языка

Одной из антропологических концептуальных идеологем, лежащих в фундаменте информационно-цифровизированных теорий является: «Бессознательное — прямое порождение печатной технологии, все возрастающая куча отходов отвергнутого сознания»³³⁹. «Другая — сам характер, а также способ обустройства такого, книгопечатного, «экзистенциально-антропологического» пространства. Оно составляется из автономных гомогенных сегментов, ограниченных по количеству (буквы), и подчиняется унифицированным правилам комбинаторики (грамматика, алфавит, технология производства, траектории движения). Аксиомой же выступает то, что этот регион, напрямую связанный именно с такого рода данностью, по ее схемам сформированный, выступает презентантом человека и человечности. Соответственно, антропологическая модель, которая априори принимается во внимание при формировании информационного/цифрового общества, а также при дискурсивно-спекулятивных умозрениях, учитывает лишь данный, аудиально-алфавитный набор характеристик. Что возможно лишь тогда, когда все остальные роды и каналы чувственности находятся в угнетенном подчиненном состоянии, либо полностью, либо частично дискредитированы. Однако, если мы в архитектуру человеческой данности включим еще и другие привилегированные зоны или регистры, базирующиеся на аудиальности или тактильности, либо по-иному начнем структурировать саму аудиальность — как, в общем-то, и происходит в реальной жизни реальных людей, — то получится совсем другая конфигурация. И это в пределах классической рациональности, где позитивным статусом продолжает оставаться субстанциональный полюс (предмет — вещь)! Если же в качестве базовой возьмем иную антропологическую модель — а таковых и в истории человечества, и в современном мире несть числа, так и вовсе провести ее согласование либо даже дискурсивно соотносить с основополагающими установками-ориентирами информационно-цифровизированной данности станет невозможно»³⁴⁰.

³³⁹Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего М.: Академический проект, 2005. С. 83.

³⁴⁰Соколов Е. Г. Информационная/цифровая эпоха. Предварительная разметка. К постановке проблемы //Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л. В. Шиповалова, С. И. Дудник. — СПб.:Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. — 368 с. С.33-34.

Выходом из этой ситуации можно предположить рассмотрение семиотики, как антропологической семиотики с сохранением тройственной структуры, о которой уже шла речь выше. А именно в той мере, если знак рассматривать, как знак созидательной деятельности субъекта (высказывающего или воспринимающего высказывание) как он есть в структуре дискурсивных практик и как знак некоего внешнего данного, «то структура, которая лежит в его основании и его обуславливает, — это структура, участвующая в расширении культурного горизонта; таким образом, это — структура, конституирующая реальность в той мере, в какой эта реальность может свидетельствовать о творческом акте человека. Структура слова, поскольку она является структурой всякого значащего высказывания, а следовательно, всякого знака, является архетипической структурой, которая позволяет показать, как осуществляется продуцирование смысла всякого продукта культуры»³⁴¹.

Обратим внимание на такие моменты становления современного научного знания, которые несут следы самоорганизации, внутреннего упорядочивания, и на роль языка в этом процессе. Поскольку именно язык дает возможность отследить связь между эффектами самоорганизации научного знания и способом участия (непосредственного и опосредованного) в этом становлении человека. Таким образом представленное становление современного научного знания, как можно надеяться, даст возможность содержательного синергетического отслеживания присутствия человека так, что и реальность, и знание о ней очевидным и ближайшим образом становятся человекомерными.

Роль и значение языка в отслеживании подобных синергетических эффектов, его собственная в этой связи самонастройка особенно возросли в тех областях современного естествознания, чей опыт перешагнул границы языка науки классического образца. «Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления. Подобно затупившимся инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными»³⁴². Проблематизация языка науки особенно замечается тогда, когда в науке становится слышим

³⁴¹Дени М.К. антропологической семиотике? Актуальность наследия Густава Шпета// Философская антропология 2016. Т. 2. № 2. С. 42

³⁴²Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 212–213.

гул голосов несовпадающего, множественного «разноречья». Когда некогда общепринятая научная парадигма начинает очевидным образом менять свою конфигурацию и способы своего применения.

Язык науки в этой ситуации теряет свою прозрачность, устойчивую идентичность самому себе. Проблематизация языка науки вынуждает рассматривать его в единстве взаимоисключающих качеств, совмещающем в себе как идеальное, так и материальное, умопостижимое и чувствующее, как выражающее, так и выражаемое, и тому подобные дихотомии.

Творящее слово пребывает в начале, пока сохраняет восприимчивость, слышится вопрос того, что осталось несказанным, предвосхищает ответ со стороны другого возможного слова³⁴³. Оно позитивно ориентировано первичной внятностью в пра-диалоге «первичных кодов эмпирических порядков». Специфика такого рода знака состоит в том, что он аналогичен собственному имени. Знак такого рода появляется на свет в результате семиозиса особого типа, номинационного, «когда знаки не приписываются, а узнаются и самый акт номинации тождественен акту познания»³⁴⁴. Знаки, вещают о себе, совмещая в себе онтологию и знаковую. Названная вещь в упакованном виде содержит двойственность – вещи и имени, знака и его значения, – при «переводе» которой на язык отношений становится понятным творческий характер слова имени. Таким образом язык предметных знаков не символизирует собой ни просто человека или просто природу. Он одновременно объемлет собой обоих, относясь к языку той связи, от которой они оба изначально производны³⁴⁵.

Языковая деятельность является областью, в которой синергетические моменты находят свое ближайшее выражение и подтверждение способности не только ставить новые или переоткрывать старые проблемы, но и предлагать нетрадиционные способы их решения. Рассмотренная с точки зрения синергетики, она сводит воедино язык как набор знаков и систему их описания и язык как деятельность, проявляющаяся в актах речи. Все это делает систему языка в целом открытой и способной к трансформациям. Вводит в него конститутивный признак существования – его тип динамики. «До производства высказывания

язык – всего лишь возможность языка. После производства высказывания язык реализован в данном акте речи, который исходит от говорящего»³⁴⁶.

Иными словами, дискурсивная практика, воспринятая и представленная как языковая деятельность, дает возможность использовать ресурс языка общения для представления о полноте и особом ее синергетическом единстве. «В чем состоит тот особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более?», – спрашивает М.Фуко. Поставленный вопрос дает ему возможность пометить в поисках ответа особенность такого типа существования. Он обращает внимание на то, что факт высказывания – «...это надсечка, которую он конструирует, это ни к чему не сводимое – пусть и самое незначительное – становление...Высказывание всегда является таким событием, которое ни язык, ни смысл не в состоянии полностью исчерпать». Он продолжает: «Это необычное событие: во-первых, потому, что оно связано с письмом или речевой артикуляцией и, в то же время, раскрывается в самом себе как остаточное существование в поле памяти или материальности манускриптов, книг и вообще любой формы регистрации; во-вторых, потому, что оно остается единым, и, вместе с тем, открытым повторениям, трансформациям, реактивациям; наконец, потому, что определено не только провоцирующей его ситуацией и следствиями, но и (с учетом различных модальностей) теми высказываниями, которые ему предшествуют или его сопровождают»³⁴⁷.

С этой точки зрения сам научный поиск как целенаправленная деятельность представления научного знания, приобретает несколько иную конфигурацию и требует иного понимания и учета в нем отнюдь нетрадиционных составляющих. Дискурсивно-логическое, аналитическое (теоретическое) в общении существенно пополняется, коррелируется дискурсивно-паралогическим (нарративным). Повествование осмысливается как особый способ знания, который конкретизирует запас знания, накопленный культурой, представлений общих и сквозных не только для литературы и искусства, но и для науки. «Однако именно истории и составляют упомянутый социальный запас знаний, вовлекаемый в конструирование научных понятий и теорий. Больше того, не исключено, что проникновению научных представлений в персональное знание по

³⁴³ Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988. С. 183.

³⁴⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф-Имя-Культура // Труды по знаковым системам. VI. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 295.

³⁴⁵ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1997. С. 17

³⁴⁶ Benveniste E. Problemes de linguistique generale. T. 2. P. 81.

³⁴⁷ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 30.

мере социализации личности в большой мере способствует именно то, что первые в свое время были связно рассказаны»³⁴⁸.

Термин «нарратив» обозначает различные формы научного дискурса, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта, их структуры отличает открытость, гибкость, способность к адаптации. «Изучение феномена нарратива предлагает нам переосмыслить вопрос о гераклитовской природе человеческой реальности, поскольку он действует как открытая и способная к изменениям исследовательская рамка, позволяющая нам приблизиться к границам вечно изменяющейся и вечно воссоздающейся реальности. Он предполагает возможность задавать порядок и придавать согласованность опыту фундаментально нестабильного человеческого существования, а также изменять этот порядок и согласованность, когда опыт или его осмысление меняются»³⁴⁹. Нарративное знание – одна из форм коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры.

Учет этого обстоятельства делает дискурсивную практику научного общения, с одной стороны, одновременно, организующим началом, особого рода деятельностью, преследующую цель сведения в единство всех факторов, участвующих в этом процессе (описывая положения дел, существующие мнения относительно средств и способов решения, возникающие выводы и т.п.). А с другой стороны, научный дискурс занят одновременно самоорганизацией, нацеленной на самоподдержание и адаптацию его к окружающей среде. Одновременность в языке общения указанных составляющих делает его целостным явлением, но нельзя не отметить, что как осознание, так и рассмотрение этой одновременной уместности затруднено и поддается лишь последовательному разворачиванию.

Но есть еще одно немаловажное обстоятельство. Речевая практика научного общения, язык дискурса, отвечает также и за «выявляющее обнаружение», за переход и выход чего бы ни было из несуществующего к присутствию³⁵⁰. Язык дискурса, существуя в пространстве пограничной зоны в режиме выска-

³⁴⁸ Трубина Е.Г. Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 143–144.

³⁴⁹ Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопр. философии. 2000. № 3. С. 39.

³⁵⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 224.

занного и невысказанного, выступает как порождающее начало (причина) творчества, делания (поззиса). Он в ответе за произведение, за «выявляющее обнаружение» нового. Наведение определенного порядка в языке науки, как оказалось, зависит не только и не столько от употребления строгих и однозначных понятий, логически непротиворечивых определений терминов. Такой порядок привел бы к «остановке природы» (Аристотель). Порядок языка науки зависит также от таких структур языка, которые возникают, «например, благодаря ассоциации между определенными промежуточными значениями слов. Тот факт, что любое слово может вызвать в нашем мышлении многие, только наполовину осознаваемые движения, может быть использован для того, чтобы выразить с помощью языка определенные стороны действительности более отчетливо, чем это было бы возможно с помощью логической схемы»³⁵¹.

«Всякое общение есть перевод» (Новалис), удостоверяющий прежде всего границы, в рамках которых возможно движение навстречу друг другу. Анализ отношений, как они складываются в среде языковой деятельности между общим и особенным, научным и ненаучным, когнитивным и прагматическим, рефлексивным и нерефлексивным, наблюдаемым и ненаблюдаемым, истиной и контингентностью, продуктивным и репродуктивным воображением, текстом и контекстом, высказанным и невысказанным, причинностью и целеполаганием, и т.п., проходил в границах предельных допущений в связи с особенностями становления современного научного дискурса, порождения и открытия нового смысла «между»³⁵² в модальностях дискурсивных практик.

Тройная спираль как идея возможности семиотического моделирования

В 2000 г. Р. Левонтин, один из современных выдающихся генетиков и эволюционных биологов, использовал модель тройной спирали жизни (ген, организм, окружающая среда) применительно к биологическому знанию³⁵³. Эта модель давала, по его мнению, возможность представить сложность жизни как предмет научного познания, наблюдаемые феномены которой являются результатами взаимодействия трех активных начал (своеобразных субъектов биоло-

³⁵¹ Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопр. философии. 2000. № 3. С. 39.

³⁵² См. более подробно Кнященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // https://iphras.ru/elib/Ph_sc8_20.html#_edn8

³⁵³ Lewontin R. The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment. Harvard University Press, 2000.

гического процесса): активности генома, животного организма и средовых факторов. Тройная спираль, как и модель триангуляция, рассмотренная выше, создает пространство для научного творчества, которое заменяет абстрактные схемы и представления об общем благе и перспективах развития общества и его членов и формирует образ будущего как синтез, претендующий на его целостное представление поверх произвольного множества социальных ценностей и индивидуальных мнений и предпочтений в виде множества модальных представлений в той или иной степени передающих в системе семиозиса сочетание интенционала и его экстенционала.

Концепция трансинституциональных взаимодействий по типу триангуляции и других моделей тройственности строится в определенной степени на предшествующей ей разработке идеи трансдисциплинарности. В 1998 г. математик Б. Николеску предложил рассмотреть проблему мышления о сложном, используя (без ссылки на идеи Triple Helix'a) трансдисциплинарные представления, весьма близкие к обсуждаемой гипотезе³⁵⁴. Реальность для него предстает как постоянно усложняющийся слоистый неиерархический универсум. Промежутки «между» слоями (в отношении к любым из двух) играют парадоксальную роль рационального, но не формализуемого посредника, который исполняет функции «включенного третьего». Три аксиомы (как еще одна тройная спираль) фундируют трансдисциплинарные идеи Б. Николеску: а) существуют различные уровни Объекта и соответственно Субъекта познания; б) переход с одного уровня на другой обеспечивается логикой включенного третьего; в) структура тотальности уровней Реальности выражается как комплексная структура уровней наших знаний природы, общества и индивидуальных человеческих существ, существующих одновременно.

Образом тройной спирали может быть представлен теоретический подход, выражающий форму самоорганизации и сотрудничества эволюционной теории. Стандартны ссылки здесь на У. Матурана и Н. Лумана. Ключевое требование этой теории является: (1) в определенных условиях институциональные и когнитивные структуры становятся не адаптированными к текущей ситуации и неустойчивыми; (2) развитие структур и их коэволюция порождают исторически новую институциональную и/или когнитивную структуру; (3)

³⁵⁴ Nicolescu B. Transdisciplinarity: past, present and future. In B. Haverkort & C. Reijntjes (Eds.), *Moving Worldviews - Reshapingsciences, policies and practices for endogenous sustainable development* (Vol. 142–166, P. 142–166):

время является основополагающей размерностью в этом динамическом процессе; (4) коэволюция временно решает проблемы несоответствия в сложности более ранних систем; (5) со временем новые слои сложности сопровождаются новыми несоответствиями (институциональными и/или когнитивными), и это порождает дальнейшие циклы коэволюции.

Таким образом, идея тройной спирали, как и триангуляции, может иметь различные содержательные наполнения. В науковедческой литературе можно встретить такие варианты трипла, как наука — технология — общество, наука — промышленность — природа, наука — экономика — правительство.

Основополагающая метафора тройной спирали

Основанием идеи тройной спирали является метафора математической задачи описания относительного движения трех тел, которая в принципе не имеет общего решения, но возможны частные решения для некоторых конкретных начальных условий. Она удобна в отношении нелинейных, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития. В российской философии науки (в синергетике) эта модель, или метафора, активно использовалась с конца 80-х годов для описания неравновесных, нелинейных процессов самоорганизации сложных систем.

В модели тройной спирали главное: а) внутренняя неопределенность описываемого феномена, учитывая наложение влияния относительной независимости каждой из выделенных спиралей и эффектов их взаимной адаптации; б) наличие множественности возможных решений исходя из конкретности возможных отношений между ними; в) зависимость этих решений от контекстных (внешних), начальных условий «здесь и теперь».

С методологической точки зрения тройная спираль трансинституциональности, например, в обществе знания работает по следующему принципу: каждые две из трех спиралей образуют по отношению к третьей пограничные условия интервальной ситуации, а третья (переменная) — средовое образование «между», причем эти рамочные функции могут исполнять попарно каждая из выделенных переменных. В силу качественной разнородности спиралей, каждая из них доопределяется в том числе через свое иное, например, университеты через посредство промышленности, правительство через лоббирующие структуры бизнеса и т. д.

Инновации, являющиеся смыслом деятельности тройной спирали университета — государство — бизнес, отличаются от традиционно понимаемых изобретений тем, что в них производство нового знания необходимый, но недостаточный момент. Инновациям в технике или других областях деятельности всегда предшествуют социальные инновации в виде создания трансинституциональных центров, рабочих групп, компаний и т. д., которые сводят вместе до тех пор практически разобщенные группы ученых, бизнесменов и политиков. Должны быть изобретены эффективные именно для решения конкретной проблемы особые «топосы» (инкубаторы знаний) — «пространства трансинституционального взаимодействия», основным свойством которого может быть гетеротопия с соответствующим гетерохрономом. Что предопределяет сложную организацию семиозиса научного дискурса в практическом исполнении.

Ведущим в гетеротопном осмыслении мира оказывается нарушение, разрушение только видимого, конвенционального с позиции социальных отношений порядка, систем и обнаружение, обнажение порядка и связей иного рода — обусловленных внутренним единством субъективного взгляда, мировосприятия и существующей некой объективности устройства общества, повседневности и культуры. Такая внутренне изначально провокационная природа гетеротопии, подталкивающая к преодолению привычного для европоцентричного культурного сознания бинарного архетипа и воспитанию умения мыслить более сложно, постоянно субъективированными и процессуально, динамично организованными системными отношениями, будет предопределять направления и тенденции осмысления явления дискурсивных практик в сейчас и в ближайшей перспективе. В этом же ключе уместно соотносимое с гетеротопией представление о гетерохронности.

Гетерохронность — это множественность времен (противоположное синхронности — одновременности). Современная физика столкнулась с фактом отсутствия универсального времени. Можно говорить о гетерохронности биологических процессов (даже в рамках одного организма его разные части имеют каждая свое время), социальных, политических, психологических, научных. Время сознания многомерно, т.е. гетерохронно. М. Мерло-Понти в главе “Временность”, подробно разобрал многообразие проявлений феномена времени, связывая их с субъективностью. Родство субъективности и времени выражается и в том, что “субъективность — это не неподвижное тождество с самим

собой: для нее, как и для времени, существенно открываться к Иному и выходить за свои пределы”³⁵⁵. “Проблема теперь состоит в том, чтобы прояснить то время в состоянии зарождения и процессе проявления, всегда под-разумеваемое высказываниями (notion) о времени, которое представляет собой не объект нашего знания, но измерение нашего бытия». «Все отсылает меня, следовательно, к полю наличного бытия — как изначальному опыту, в котором время и его измерение обнаруживается лично (en personne), без промежуточной дистанции, в конечной очевидности”³⁵⁶.

Я. Э. Голосовкер замечает о сходстве между двумя логиками — логикой чудесного в мифе и логикой науки о микромире. Он дает этому сходству различенного единое название — диалектическая логика воображаемого. В основе последней лежит так называемое *error fundamentalis* — «основоположное заблуждение», то есть ложное основание, но что для логики воображаемого такое ложное основание является не заблуждением, а ее специфической истиной³⁵⁷.

В них формируется особый язык с постоянно расширяющимся словарем, специфические эффективные в условиях трансдисциплинарных коммуникаций дискурсивной практики, понятийно-метафорические, захватывающие необозримую область воображаемого, без которого не обходится любая человеческая деятельность, не исключая научный дискурс.

Диалектическая логика воображаемого приходит на помощь, когда возникают разрывы между условно выделенными дискретными единицами дискурсивных практик, совмещающих в процессе семиозиса нарратив текста с перформативом коммуникативного взаимодействия между его участниками.

Последнее переводит семиозис дискурсивных практик в сферу современного человековедения, в попытке отследить трансформацию субъектно-объектных отношений через опосредование в слове, фразе, символе, коде, знаке, цифре. Указанные «посредники» лишь условно в силу их возможности могут быть объективированы, поскольку субъект «в процессе становления, и каждый акт самоописания и есть событие его самопостроения»³⁵⁸. Дискурсивные практики в семиотическом исчислении, имеющем в своем арсенале средств как

³⁵⁵ Мерло-Понти М. Временность // Историко-философский ежегодник, 90. М., 1991. С. 286.

³⁵⁶ Там же. С.276.

³⁵⁷ Голосовкер Я. Э. «Логика мифа» М. 1987. С. 72-73

³⁵⁸ Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 864 с. С.11

информационно-цифровое обеспечение строгого моделирования, так и широкий спектр качественных в нечетком, аппроксимирующем приближении представления о реальности и о месте в ней человека. Последнее обстоятельство, можно сказать, размещает семиозис дискурсивных практик в кластер гуманитаристики. «Поле гуманитарности состоит из размывов и зияний ускользящей от себя рефлексивности, распадающихся фрагментов языка и разрастающихся знаковых лакун», обратной стороной которой является конструктивная задача: строить новые знаки, понятия, образы человека³⁵⁹.

Не будем забывать и другой ресурс семиотики и семиозиса, как порождающего начала смысла, который можно маркировать через сложноорганизованное единство множественности единств, а именно трансдисциплинарность, если вспомним сказанное Лотманом: «Коренными вопросами всякой семиотической системы являются, во-первых, отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться <...>. Пространство, лежащее вне языка и за его пределами, попадает в область языка и превращается в «содержание» только как составной элемент дихотомии содержания-выражения. Говорить о невыраженном содержании – нонсенс. Таким образом, речь идет не об отношении содержания и выражения, а о противопоставлении области языка с его содержанием и выражением вне языка лежащему миру. Фактически этот вопрос сливается со второй проблемой: природой языковой динамики <...>. План содержания в том виде, в каком это понятие было введено Ф. де Соссюром, представляет собой конвенциональную реальность. Язык создает свой мир. Одновременно возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, и мира, существующего вне связи с языком, лежащего за его пределами <...>. Одним из центральных вопросов окажется вопрос перевода мира содержания системы (ее внутренней реальности) на вне лежащую, запредельную для языка реальность. Следствием будут два частных вопроса: 1. Необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности; 2. Необходимость того, чтобы пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью <...>. Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется обра-

³⁵⁹ Там же. С. 11-12

зом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир³⁶⁰.

Человек в своей деятельности постоянно себя замечает на развилке. «С одной стороны, это человек, стремящийся к добросовестному исполнению роли, в репликах которой полностью исчезают следы его личной субъективности (ученый говорит от имени Разума!), с другой стороны, он же – суверенный индивид, личность с интеллектуальной и моральной рефлексией, несущий ту ответственность, каковую нельзя переложить на Разум. Ипостаси эти неслиянны и нераздельны»³⁶¹, образуют парадоксальную зону моделирования смысла в синергетике языка научного дискурса в трансдисциплинарном аспекте.

Подчеркнем в заключении особенности философии трансдисциплинарности, которые обозначают ее срединный промежуточный характер, по типу включенного третьего, сочетающий естественно-научное и социогуманитарное знание, дисциплинарное знание и знание жизненного мира. Такое истолкование трансдисциплинарности как опыта практической философии, формирует новую идею научной рациональности. Этот тип научной рациональности включает новый образ субъектной объективности, в котором сближаются полюса субъектного (относящегося к миру субъектов, живых существ) и объектного (относящегося к миру натуральных объектов). На первый план выходит новый критерий объективности, опирающийся на субъектные обобщения, схемы симметрии и асимметричности, инвариантности и вариативности. Причем сами образы научного знания рассматриваются существенно антитетически, включая в себя: а) синхронно-диахронные изменения самих субъектно-объектных отношений; б) становящиеся измерения различных интервалов: апостериорности и априорности, конкретности и универсальности, практического и теоретического, истинного и полезного и т.д. Идея единства множественности единств является кардинальной для понимания сути философии трансдисциплинарности, поскольку основанием нового понимания единства оказывается не объективность и всеобщность полубожественного субъекта классической науки, а личностно мотивированный ответственный поступок субъекта трансдисциплинарного опыта. Он дает возможность участному субъекту мыслить в ситуациях перма-

³⁶⁰ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992. С.7-10

³⁶¹ Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 169.

нентного кризиса и неустойчивости, с которыми современный человек сталкивается в своем опыте “бытия в становлении и становления в бытии” (Ж. Делёз), выстраивая тем самым ответственные отношения с миром и самим собой.

3.3. Антропомерность в оптике экологической семиотики

Еще в V в. до н.э. Протагор сказал, что *человек – мера всех вещей*. И *антропомерность*, по сути отсылает нас еще в Древнюю Грецию. Дискурс изменился, как и окружающая нас среда, обретая новые качества, сопровождаемая небывалым научным прогрессом и вмешательством в окружающую нас природу (экологические балансы системы Земля) настолько сильным образом, что в 2019 г. геологи все-таки согласились выделить это время в отдельную эпоху, Антропоцен, сменившую Голоцен. Эпоху, в которой человеческая деятельность признана геологической силой, изменяющей облик планеты. Началом эпохи положили вторую половину XVIII в., с улучшением паровой машины Дж. Уаттом. Если сначала дискурс велся только в естественнонаучной среде, в основном, геологической, то постепенно был подхвачен социальными и гуманитарными науками, породив различные исследования об антропогенном влиянии на нашу планету³⁶². Сегодня, с формированием новой парадигмы сложности, которая указывает на важность как целого, так и частей, подчеркивается необходимость нового диалога с природой, где живая природа наделяется агентностью, становится актором. При этом в некоторых дискурсах можно усмотреть некий перенос ответственности, раз природа тоже агент, то и ответственность можно разделить. Однако, это так не работает. Вернее, это сработает, но не в пользу человечества. Если мы представим худший исход человеческой цивилизации, то какое-то живое на земле останется и станет доминантом, разделив эту ношу с некоторыми видами, но уже без человека. То есть, выражение «человек – венец творения» по-прежнему актуально, и тем более актуально, что нужно брать ответственность за содеянное и наметить новую идеологию цивилизационного развития, которая бы отвечала бережному отношению к живому на планете вообще, но при этом бы и развивала человечество, не ввергая его в невежество, или же отказ от технологий. Антропоцен может рассеяться или прело-

³⁶² Подробнее см. Струговщикова У.С. Эпоха Антропоцена в оптике биосемиотики // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. Сборник научных статей. Отв.ред. В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021. С.260-272.

миться, чтобы привлечь внимание к нашей привычке к антропоцентризму, который как идеология более не актуален, поскольку ресурсы на исходе, а современные альтернативные источники энергии не отвечают ни нуждам человечества, ни безопасности природы. Можем ли преодолеть антропоцентризм? И если можно представить идеологию без антропоцентризма, то за рамки антропомерности выйти не можем. И в пост-антропоцентризме мы будем мерить по себе, из собственного умельта, собственной культуры и собственного тела. Возможно, нам стоит взять курс на перспективу «компанийских горизонтов»³⁶³, или же «симпозиуса»³⁶⁴? Животные, растения всегда были неотъемлемой частью нашего окружения, наряду с другими мельчайшими организмами. Более того, теперь мы знаем, что любой организм – «холобиом»³⁶⁵, состоящий из множества слоев жизни. Микробиом в наших телах управляет нашей жизнью не меньше, чем мы ей. Такие холобиомы можно понимать и как коммуникативные системы, чьи ответные реакции на события в окружающей среде мы можем прочесть как знаковые процессы. Еще Лотман, вдохновленный биосферой Вернадского, предложил понятие «семиосферы», сформированной культурами живых существ³⁶⁶. Идея семиосферы позволяет объяснять относительную свободу любых живых существ создавать собственные знаковые системы, имеющие для них смысл.

Отличительной чертой семиотики по сравнению с другими дисциплинами является ее способность к саморефлексии. Семиотика подходит не только для описания семиозиса и структур в человеческой культуре, но и позволяет критически анализировать сами методы, предпосылки и практики, которые она использует для исследования. Сами методы семиотической дисциплины состоят из знаковых процессов, а потому и сами могут быть включены в число объектов семиотического исследования. Если наша цель состоит в том, чтобы расширить рамки семиотики новым предметом, сместить ее с изучения языка, литературы и других феноменов человеческой культуры в сторону изучения знакового обмена в других видах, средах и экосистемах, то такая способность к самостоя-

³⁶³ “convivialhorizons” (Howard, 2013)

³⁶⁴ *Харауэй Д.* Оставайтесь со смутой: Заводить сородичей в хтулудене / Д.Харауэй; пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис и П.А. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 340 с.

³⁶⁵ *Clarke B.* Gaian Systems: Lynn Margulis, Neocybernetics, and the End of the Anthropocene // Series: Posthumanities 60. – Minneapolis, University of Minnesota Press, 2020. – 342 p.

³⁶⁶ *Струговщикова У.С.* Эпоха Антропоцена в оптике биосемиотики // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. Сборник научных статей. Отв.ред. В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021. С.260-272.

тельной рефлексии становится принципиально важным. Внимание к методологии необходимо, поскольку используемые концепции и задаваемые вопросы всегда будут частично ограничивать более поздние результаты исследования. С положительной стороны, самосознание и способность к саморефлексии дают семиотике большую гибкость для активного развития своих методологических подходов.

Семиотика может многое предложить экологическим гуманитарным наукам. Описание отношения природа/культура с семиотической точки зрения представляется сложной задачей, поскольку доступные методы, концепции и их предпосылки в основном получены из изучения человеческого семиозиса и знаковых систем. Основные концептуальные инструменты семиотики берут свое начало в лингвистике (например, различие содержания/формы), теории информации (например, коммуникация, код), логике (например, предложение, референция) или теории литературы (например, текст, повествование). Каждое из этих понятий обременено специфическим набором предпосылок и допущений соответствующих исходных дисциплин. Основным является то, что знаки трактуются не как условные и произвольные средства человеческой культуры, но частично укорененных в мире природы и в нашей телесности. Когда мы берем во внимание нечеловеческую природу, то обращаемся к биосемиотической традиции, которая доказывает существование семиотических процессов на разных уровнях биологического мира, от клеток до экосистем, как внутри, так и между организмами. С экосемиотической точки зрения семиотические процессы рассматриваются как сформированные имеющимися условиями, обремененные своей историей, но в то же время частично автономные и независимые. Это позволяет связать семиотику с подходами, которые признают роль агентности, коммуникации и информации в животных и экосистемах. Это также означает, что экосемиотика расширяет сферу действия центрального понятия семиотики, знака (понимаемого как опосредованное отношение), с человеческой культуры на другие виды и, в частности, на экологические системы. Маран и Кулл определяют экосемиотику как «раздел семиотики, изучающий знаковые процессы как ответственные за экологические явления»³⁶⁷. Соединение семиотики и экологии — это способ выведения вопросов материальности, ресурсов и биологи-

³⁶⁷Maran T., Kull, K. Ecossemiotics: main principles and current developments // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. Vol. 96(1). pp.41–50.

ческой телесности в гуманитарные науки, что, на мой взгляд, является необходимым условием для преодоления сегодняшних кризисов. Повторяя слова Тимо Марана «исцеление и интеграция нашей эпистемы может происходить только двумя одновременными путями: аргументацией в пользу семиотического характера и значимости окружающей среды и демонстрацией материальности, живости и ресурсозависимости человеческой культуры»³⁶⁸.

Стоит подчеркнуть, что семиотическое мышление – экологично само по себе через понятие умвельта - среду, означенную живым организмом. Когда мы обращаемся к биосемиотике, она, помимо прочего, позволяет нам под иной оптикой взглянуть на миры живого, на множество онтологий, которые через свои приборы, инструменты, морфологию, восприятие создают собственные специализированные миры. Каждое живое существо создает свой собственный измененный мир, автопоэтические системы, которые наблюдают себя сами, отличают себя от среды. Такое различие рождает внутреннего наблюдателя, которого включает биосемиотика. Оптика наблюдения изнутри в некотором смысле разработана в герменевтике, когда мы погружаемся в текст и читаем его изнутри, как соучастники. Биосемиотическая парадигма могла бы способствовать развитию этнографического и экологического описания культуры. Умвельт как окружающая среда, это еще и дом, составной частью которого является язык. Люди погружены в язык, контактируя с окружением. Каждый этнос имеет сцепку с окружающей средой. Экология и этноэкология и антропология вообще – связанные вопросы. Культура семиотична, она создается в связи со своим окружением. Так же создаются семиотические системы. В культурной сфере сейчас наметился поворот, где по-иному пересматривают донаучные представления об окружающем мире, языках и явлениях. Обращаются к культурному наследию, где человек «является биосемиотическим объектом, а все его черты являются предметом изучения семиотики и биосемиотики»³⁶⁹. Демонстрация семиотической природы экосистем позволяет показать, что существует обширная семиотическая сфера, окружающая человеческую культуру, и с которой мы можем общаться через нашу повседневную деятельность и куль-

³⁶⁸Maran T. *Ecossemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies (Elements in Environmental Humanities)*. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. p.83 doi:10.1017/9781108942850

³⁶⁹Чебанов С.В. Напутник семиотическоосознаваемой биологии: биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции // ResearchGate. 2019 https://www.researchgate.net/publication/350451307_Na_puti_k_semioticeski_ozoznavaemoj_biologii_biossemiotika_z_amesaet_sinteticeskuu_teoriu_evolutcii

турные процессы. Также семиотический подход к экологии позволяет нам понять, что то, что обычно называют экологическими проблемами, связанные с проблемой антропоцена и идеологии антропоцентризма, часто имеет семиотические причины.

Человеческая культура неизбежно меняет природу, поскольку наши действия по отношению к природе мотивированы нашими знаковыми различиями. Более абстрактная и самодостаточная культура приводит к таким действиям, которые ведут к обеднению экосистем. В то же время семиотический анализ позволяет показать, что идеал замкнутой и автономной культуры так и не увенчался успехом и что разные уровни культурных систем включают в себя до-символические семиотические сущности. Наличие досимволических икон и указателей, неявных знаков, звукоподражаний, эколого-культурных гибридных знаков является не просто реальностью культуры, но наиболее необходимым для сохранения устойчивых отношений между человеческой культурой и экосистемами, а также для динамики и омоложения самой культуры. Как понимание Юрием Лотманом³⁷⁰ коммуникации как культурного творчества, так и эпистемология сакрального Грегори Бейтсона³⁷¹ указывают на то, что нормальное функционирование культуры зависит от диалога с тем, что лежит за пределами культурных кодов и иерархий. Следовательно, необходимо поддерживать практики и процессы, которые способствуют взаимодействию культуры со знакомыми действиями, происходящими в остальной части экосистемы. Однако расширенные системы знаков человека и их физические проявления могут оказывать разрушительное воздействие на остальную часть экосистемы. Человеческие знаковые системы вообще способны затмевать семиотический потенциал окружающей среды, препятствовать коммуникативной деятельности других видов и препятствовать семиотической регуляции в экосистемах.

Семиотика также предоставляет нам средства для понимания и анализа возможностей культурных артефактов: литературных произведений, изобразительного искусства, медиатекстов, позволяет взаимодействовать со знаковыми процессами в экосистеме. Хотя надо иметь в виду, что культура имеет свою автономию, она частична и контекстуализирована. Таким образом, в центре внимания экосемиотики находятся взаимодействия между условиями окружающей

³⁷⁰ Lotman J. The place of art among other modelling systems // *Sign Systems Studies*. 2011. Vol. 39 (2/4), pp.249–270

³⁷¹ Bateson G., Bateson, M. C. *Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred*. - Cresskill: Hampton Press. 1988

среды и семиотическими процессами, а также разнообразие жизненных историй, смыслообразующих стратегий и нарративов, возникающих в результате этих переплетений. Экосемиотика взаимодействует между культурой и экосистемой, людьми и другими животными, знаками и материей, свободой и причинностью. Культурное творчество и материальные реальности не рассматриваются здесь как исключающие или противоречащие друг другу, а скорее их встречи являются самым условием раскрытия смыслов и значимости.

Семиотика, особенно в том виде, в каком она развивается в рамках экосемиотической парадигмы, предлагает новые возможности для экологических гуманитарных наук. Этот потенциал проистекает из основных семиотических концепций и инструментов, которые позволяют связывать, соотносить и интегрировать явления, которые обычно рассматриваются как принадлежащие разным онтологическим областям или предметам разных дисциплин. Например, само понятие знака хорошо подходит для семиотической интерпретации экологических проблем. Знак, развитый в семиотике Чарльза С. Пирса, может пониматься как посредник, связующее звено между различными аспектами мира. Знак Пирса является трехчастным, соединяющим знак в узком смысле (*representamen*), объект знака и его интерпретацию (*interpretant*), причем эти части могут принадлежать разным ментальным, текстовым и физическим сферам. Знак, или, точнее, семиозис, то есть процессуальное проявление знака, позволяет возникнуть некоей связи, которая в противном случае не существовала бы. Как таковые, знаки могут склеивать различные сущности и существа мира в осмысленные отношения, таким образом воплощая в себе огромный экологический потенциал воссоединения.

В заключение хотелось бы сказать об актуальности экосемиотики сегодня, учитывая нестабильные отношения между культурой и природой. Экосемиотику можно определить как изучение знаковых процессов, ответственных за экологические явления. Человеческий символический семиозис (с его способностью к деконтекстуализации) и деградация окружающей среды тесно связаны между собой. По сравнению с долингвистическим моделированием семиозис, связанный с человеческим языком, вводит принципиально новые типы моделирования и эффектов³⁷². Символическая категоризация в человеческом

³⁷² Maran T., Kull, K. *Ecossemiotics: main principles and current developments* // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. Vol. 96(1). pp.41–50.

языке элементов и объектов окружающего мира приводит к: противопоставлению, редукции, пониманию и обесцениванию (понимание механизма явления имеет тенденцию снимать ценность, ранее приписываемую этому явлению). За этими когнитивными манипуляциями с окружающей средой следуют ее физические манипуляции, ведущие к окультуриванию природы (созданию второй природы). Экосемиотика же показывает разнообразие, охват и последствия знаково-опосредованных отношений в природной среде от уровня отдельного индивидуума до функционирования всей экосистемы; она также показывает множество способов, которыми доязыковые семиотические отношения являются частью культуры, выявляет пагубные эффекты окружающей среды, которые несут с собой автономные и основанные исключительно на символах знаковые системы, тексты и дискурсы. Экосемиотика также может быть использована для инициирования безопасных культурных форм и практик.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории «субъект» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–74.
2. *Айламазьян А.М.* Культурно-исторические аспекты психопрактик // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 54–64.
3. *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Экономический позитивизм и будущее науки // Философия науки. Т. 20. М.: ИФРАН, 2015. С. 169–190.
4. *Альтшуллер Г. С.* Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2011
5. *Аршинов В.И.* Сложностный мир и его наблюдатель // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 86–99.
6. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука. М., 1994. С. 229–243.
7. *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. 349 с.
8. *Ахутин А.В.* Парадоксы культурологи // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М.: Академический проект; РИК. 2005. 521 с.
9. *Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988. 208 с.
10. *Бабичев И.В.* Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. 2020. №6. С. 3–12.
11. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельников, Н.Федорова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
12. *Библер В.С.* Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., Политиздат, 1975. 399 с.
13. *Блок, Марк.* Апология истории. / Марк Блок; [перевод с французского Е.Лысенко]. М.: изд-во АСТ, 2020. – 256 с.
14. *Брокмейер И., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопр. философии. 2000. № 3. С. 35–45.
15. *Брушлинский А.В.* Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и

истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 208–252.

16. Бубер М.Я. И ТЫ. Перевод В.В. Рынкевича Из кн.: Мартин Бубер. Два образа веры. М., 1995. с. 16–92. <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt>

17. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: УРСС, 2007.

18. Буданов В.Г. Обобщенные типы рациональности: тетраэдрические репрезентации модусов деятельности и цифровая таксономия реальностей. / Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Симпозиум «Философия сложности: постнеклассический подход (памяти В.С. Степина)» (Рук. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Черникова И.В.). Сборник научных статей М.: РФО; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» С. 521–523.

19. Буданов В.Г., Каменский Е.Г., Аршинов В.И., Асеева И.А. Социотехнический ландшафт в условиях цифровизации: к проблеме концепта и методологии исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3(32). С. 213–225.

20. Бургете Аяла М.Р. Неочевидная очевидность. От загадки авторства к прояснению смысла. // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 1. – С. 215–235.

21. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. Изд. Е. 1. Сост., и общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. М., «Мысль», 1977.

22. Вилар, П. История Испании / Пьер Вилар; пер. с фр. И. Борисовой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 222. С. 10

23. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование). Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–437.

24. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

25. Гаджил М. Священные рощи // В мире науки. 2020. № 1/2. С. 68 – 79.

26. Гайденко П.П. К предыстории становления новоевропейской науки // Философия. Наука. Цивилизация. М.: Эдиториал УРСС. 1999. С. 12–24.

27. Галанин А.В. Литобиосфера Земли. 2012. – Сайт ukhtoma.ru/litobiosphere.htm

28. Галиулин Р.В., Галиулина Р.А., Башкин В.Н., Арабский А.К. Управление риском загрязнения подземных вод нефтью // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17. № 3. – С. 10–15.

29. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. 368 с.

30. Герасимова И.А. Творческое сознание как дисциплинированная спонтанность <file:///C:/Users/User/Desktop/Лит-ра%20семиозис/tvorcheskoe-soznanie-kak-distiplinirovannaya-spontanost.pdf>

31. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 239–441.

32. Гловер Дж., Реганолд Дж. Лечение почв Африки // В мире науки. – С. 99 – 102.

33. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: 1987. 499 с.

34. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

35. Деб Дебал. Возрождение разнообразия риса // В мире науки. 2019. № 12. – С. 48 – 55.

36. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя. 1998. 286 с.

37. Денн М.К антропологической семиотике? Актуальность наследия Густава Шпета // Философская антропология 2016. Т. 2. № 2. С. 26–44.

38. «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья // Изд. подг. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдюг, отв. ред. М.Н. Громов. – М.: Наука, 2008. – 733 с.

39. Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Лепский В.Е., Славин Б.Б. Фетиш искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 44–71.

40. Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.

41. Ергин Д. Добыча: Всемирная борьба за нефть, деньги и власть / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 944 с.

42. Ефременко Д.В., Москалев И.Е. Перспективы и риски развития современного научного знания в условиях становления цифрового капитализма // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2021. – С. 248–259.

43. Журавлев А.Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.
44. Зацаринный А.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Новиков Д.А., Райков А.Н., Сильвестров С.Н., Славин Б.Б. Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 31-42.
45. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. – Барнаул: Новый формат, 2021. – 282 с.
46. Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. – М.: Магистр, 2014. – 304 с.
47. Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
48. Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; Лепский В.Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.
49. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27.
50. Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 2. С. 16–34.
51. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 264 с.
52. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.
53. Катон Марк Порций. Земледелие / Пер. и комм. М.Е.Сергеенко при участии С.И.Протасовой. Отв. ред. И.И. Толстой. – М.: Наука, 2008. – 224 с.
54. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности. (Очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН. 2000. 230 с.

55. Киященко Л.П. Когнитивная инновация в фокусе философии трансдисциплинарности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 34–49.
56. Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // https://iphras.ru/elib/Ph_sc8_20.html#_edn8
57. Клозе А., Штайнингер Б. Нефть. Атлас петромодерна. – М.: Логос, 2021. – 324 с.
58. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.
59. Коленько С. Г. Сакральная парадигма числа и цифры в мировой культуре // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л. В. Шиповалова, С. И. Дудник. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. — 368 с.
60. Конторович А.Э. Осадочно-миграционная теория нефтидогенеза: состояние на рубеже XX и XXI вв., пути дальнейшего развития // Геология нефти и газа. 1998. № 10. – С. 8–16.
61. Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса // Мировая политика в условиях кризиса: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Кортунова. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 398–401.
62. Кошарная Г. Б. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования / Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 117–122.
63. Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина. Материалы «Круглого стола» // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 1. С. 7-45.
64. Крестева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Пер.с фр.-2-е изд. М.: Академический проект. 2015. 285с.
65. Кун Т. Структура научных революций. М.: Мир. 1977; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
66. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., Наука, 1988. 237 с.
67. Кучеров В.Г., Герасимова И.А. Генезис нефти и природного газа: конкуренция парадигм // Вопросы философии. 2019. № 12. – С. 106–117.

68. *Лазарев Ф.В., Литтл Б. А.* Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001. 261с.
69. *Лекторский В.А.* Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н.И. Кузнецова. М.: Ф.А.С.-медиа, 2004. С. 170–205; На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 56–70.
70. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 278–280.
71. *Лемерль, Поль.* Первый византийский гуманизм Поль Лемерль. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до XV века / Вступ. ст. и пер. С. Франц. Т.А. Сенина (монахиня Кассия). СПб.: «Свое издательство», 2012. 490 с.
72. *Лепский В.* Субъекты перестройки и перестройка субъектов // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И. Толстых. М.: Русский путь, 2005. С. 81–88.
73. *Лепский В.Е.* Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016.
74. *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
75. *Лепский В.Е.* Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.
76. *Лепский В.Е.* Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. М.: Когито-Центр, 2019.
77. *Лепский В.Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С.24-30.
78. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.
79. *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

80. *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.
81. *Лепский В.Е.* Рефлексия пандемии COVID-19: субъектно-ориентированный подход // Экономические стратегии. 2020. № 8 (174). С. 66–71.
82. *Лепский В.Е.* Стратегическое целеполагание в России: состояние и перспективы развития // Труды Вольного экономического общества России. Том 215. № 1. 2019. С. 66–80.
83. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 19–29.
84. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 19–29.
85. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28.
86. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.
87. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.
88. *Лепский В.Е.* Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с.

89. *Лепский В.Е.* Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, №4. С. 69–78.
90. *Лепский В.Е.* Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. №8. С. 211–215.
91. *Лепский В.Е.* Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.
92. *Лепский В.Е.* Эскиз структуры параметров сборки субъектов и их дескриптивной модели // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. М.: Изд-во Института философии РАН, 2010. С. 185–217.
93. *Лепский В.Е., Рипуто А.Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
94. *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.
95. *Лепский и др.* Методологические аспекты инновационного развития России // Экономические стратегии. 2010. № 7–8. С. 46–59.
96. *Лефевр В.А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103.
97. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.
98. *Лисичкин В.А., Шелетин Л.А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
99. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
100. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф-Имя-Культура // Труды по знаковым системам. VI. Вып. 308. Тарту, 1973. 572 с.
101. *Луков Вал. А. Луков Вл. А.* Тезаурусный подход: исходные положения // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» 2008. № 9. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approach/ [архивировано в WebCite] (дата обращения 11.12.2022).
102. *Ляшенко Д. Н.* Семиотическое моделирование реальности: монография / Одесса : Печатный дом, 2015. – 168 с.

103. *Ляшенко Д. Н.* Семиотическое моделирование реальности: монография / Одесса : Печатный дом, 2015. 168 с.
104. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего М.: Академический проект, 2005. 432 с.
105. *Максимов В.В.* Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре: критерии оценки концессионных конкурсов. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. 178 с.
106. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamapg02/index.htm>
107. *Марков Б.В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: АЛЕТЕЯ. 1999. 296 с.
108. *Маркова Л.А.* Трансформация оснований историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 69–124.
109. *Мартынов В.Г., Бессель В.В., Кучеров В.Г., Лопатин А.С., Мингалеева Р.Д.* Природный газ – основа устойчивого развития мировой энергетики. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М.Губкина, 2021. – 173 с.
110. *Масланов Е.В.* Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. – С. 113–131.
111. *Мачадо, Антонио* Избранное [Текст]: перевод с испанского / Антонио Мачадо ; [предисл. В. Столбова ; коммент. В. Гинько; худож. В. Медведев]. - Москва: Художественная литература, 1975. - 348 с.
112. *Медведь А.Н.* Антропология болезни в Древней Руси (X – XVII вв.). Очерки истории. М., 2014. – 232 с.
113. *Мерло-Понти М.* Временность // Историко-философский ежегодник, 90. М, 1991. 381 с.
114. Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28.
115. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
116. *Микешина Л.* Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН.2010. 574 с.

117. *Мильков В.В.* Концепт «земля» и Русская земля в представлениях до-монгольской эпохи // Ориентиры / Под ред. Т.Б. Любимовой. Вып. 8. М.: ИФ РАН, 2013. – С. 124 – 151.
118. *Молчанов В.И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата». 2004. 328 с.
119. *Монтень М.* Опыты: В 3 т. М.: Голос .Т.2. 1992.
120. *Неретина С., Огурцов А.* Пути к универсалиям. СПб.: РХГА.2004. 1000 с.
121. *Николаци М.* Цена нефти / Пер. с итальянского. – М.: Международн. отношения, 2012. – 312 с.
122. *Новоселов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). М., 2010. 410 с.
123. О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации. Информационно-аналитический обзор // Минэкономразвития России, 02.2020.
124. О трансгуманизме, бессмертии и сингулярности <http://transhumanism-russia.ru/content/view/625/94/>
125. Об идеологии см.: Декларация Федерального Народного Совета: Онтология Гармонии, Добра, Высокой мечты и Победы для России и мира // сайт ФНС: www.fnsdobro.ru
126. *Огурцов А.П.* Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX век. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 34 – 68.
127. *Ольденберг Г.* Будда. Его жизнь, учение и община. М.: Издание Д.П. Ефимова, 1905. 512 с.
128. *Осборн П.* Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое // Логос- философско-литературный журнал. Т.27, №3, 2017. С. 199-226.
129. *Павленко А.Н.* Искусственное и естественное // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.gas.ru/elib/1295.html> (дата обращения 11.12.2022).
130. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 1998.
131. *Платон.* Государство. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 70-421.
132. *Платон.* Законы. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 4. М., 1994. С. 71-438.
133. *Платон.* Собр. соч. в 4-х т. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.

134. *Плачкова С.Г., Плачков И.В., Дунаевская Н.И.* и др. Энергетика: история, настоящее и будущее. URL <https://energetika.in.ua/ru/books>
135. *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: 1907. URL: <http://www.inslov.ru/html-komlev/k/konstruirovat5.html> (дата обращения 11.12.2022)
136. *Порус В.Н.* Парадоксы научной рациональности и этики// Научные и внеученные формы мышления. ИФРАН, М.:1996. 335 с.
137. *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. 1980. 608с.
138. Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.
139. Проблемы субъекта в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 10.
140. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.
141. *Реутов Е.В.* Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества: монография / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015.
142. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 416-434.
143. *Рикер П.* Справедливое/ пер. Б. Скуратова, П. Хицкого. Москва: Издательство Тнозис", Издательство "Логос", 2005. 304 с.
144. *Розин В.М.* «Проникновение в мышление: История одного исследования Марка Вадимова. М.: URSS, 2002, 2006. 2018. 248 с.
145. *Розин В.М.* Методология. Становление и современное состояние. М.: РАО МСПИ, 2005.
146. *Розин В.М.* Мышление: сущность и развитие. М.: ЛЕНАНД, 2015. 358 с.
147. *Розин В.М.* Правильно ли были расколдованы странности и истоки сексуальности? (полемические заметки) // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 147–160.

148. *Розин В.М.* Социальное проектирование как первый этап технологизации // Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола, ПГТУ. С. 173-180.
149. *Розин В.М.* Сущность эзотеризма. Эзотерическая личность. Реконструкция эзотерических учений. М.: ЛЕНАНД, 2021. 264 с.
150. Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019. 260 с.
151. *Розин В.М.* Три ипостаси танца и подхода к его изучению (социокультурный, семиотический, психотехнический) // Культура и искусство. – 2022. – № 5. С. 74-85.
152. *Рокмор Т.* Постнеклассическая концепция науки В.С.Степина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской академии наук В.С. Степина. М., Канон+, 2004. С. 249. 12
153. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищева, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд НГУ, 1995. 532 с.
154. *Рубанов В.А.* Я вижу смысл. Том 3. База знаний «Семантическая топология» / Влади- мир Рубанов. Том 3. Москва, 2022.
155. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.
156. *Рубцов В.В.* Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии» – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
157. *Свердлов Е.Д.* Взгляд на жизнь через окно генома. В 3-х т. Т. 2. Очерки молекулярной генетики. – М.: Наука, 2019. – 495 с.
158. *Сенге П.М., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р.Б., Рот Д., Смит Б.Д.* Танец перемен: новые самообучающиеся организации. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. С. 156.
159. *Сенина Т.А.* Спасители эллинизма. О книге Поля Лемерля. Первый византийский гуманизм / Вступ. ст. Поль Лемерль. Первый византийский гуманизм. СПб.: «Свое издательство, 2012. 490 с.
160. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs. Общечеловеческое / А.В.Смирнов. — М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2019. — 216 с.
161. *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / А.В. Смирнов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. — 448 с.

162. *Соколов Ю.И.* Риски тотального пластикового загрязнения планеты // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17. № 3. – С. 30–43.
163. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2022. 308 с.
164. *Степин В.С.* XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 185–188.
165. *Степин В.С.* Исторические типы рациональности в их отношении к сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности / Отв. ред. Аршинов В.И. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 37-47.
166. *Степин В.С.* История науки как наука. Введение // Степин В.С., Сточик А.М., Загравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XII-XIX веков. Академический проект, 2017. – 236 с. С. 9
167. *Степин В.С.* Наука // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль 2010. – С. 560– 561.
168. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
169. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
170. *Струговщикова У.С.* Эпоха Антропоцена в оптике биосемиотики // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. Сборник научных статей. Отв.ред. В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021. С.260-272.
171. *Тищенко П.Д.* Конструирование человека: идеалы и технологии Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.
172. Толковый словарь русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова) URL:<http://ushakovdictionary.ru/>(дата обращения 11.12.2022)
173. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Ред. В.А. Бажанов, Р.В. Шольц. – М.: Изд-й дом «Навигатор». 2015. – 564 с.

174. *Трубина Е.Г.* Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, СПб., 2000. С. 140–160.
175. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
176. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. 253 с.
177. *Фуко М.* Археология знания. Киев, «Ника-центр», 1996. 350 с.
178. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: Статьи и выступления.* М.: Республика, 1993. 447 с.
179. *Хайдеггер М.* *Время и бытие: Статьи и выступления* М.: Республика. 1993. 447 с.
180. *Харауэй Д.* Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулуцене / Д.Харауэй; пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис и П.А. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 340 с.
181. *Хьюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1997. 400 с.
182. *Чебанов С.В.* На пути к семиотически осознаваемой биологии: биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции // ResearchGate. 2019. https://www.researchgate.net/publication/350451307_Na_puti_k_semioticeski_ozoznavaemoj_biologii_biosemiotika_zamesaet_sinteticeskuu_teoriu_evolocii
183. *Цвейг С.* Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина // Цвейг С. Очерки. М., «Советская Россия», 1985. 560 С.
184. *Шехтман Г.А.* Богатство недр как благо и как проклятие // Геофизический вестник. Информационный журнал евро-азиатского геофизического общества. 2019. № 3. – С. 4 – 10.
185. *Элиаде М.* Космос и история. М.: Прогресс. 1987. 312 с.
186. *Эпштейн М.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 864 с.
187. *Этос науки /* Отв. ред. Л.П.Киященко, Е.З.Мирская. – М.: Academia, 2008. – 544 с.
188. *Якимец В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Едиториал УРСС, 2004.

189. *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. La Edad de Oro. Siglo XVI. Madrid, EspasaCalpe. 1979. - 781 p.
190. *Bateson G., Bateson, M. C.* Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred. - Cresskill: Hampton Press. 1988
191. *Benveniste E.* Problemes de linguistique generale. T. 2. P. 81.
192. Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/> (дата обращения 11.12.2022).
193. Buchanan A., Brock D. W., Norman D., Wikler D. Cambridge University Press, 2000. 398 p.
194. Bullón, Eloy. De los orígenes de la filosofía moderna. Los precursores españoles de Bacon y Descartes. Salamanca, 1905.
195. *Clarke B.* Gaian Systems: Lynn Margulis, Neocybernetics, and the End of the Anthropocene // Series: Posthumanities 60. – Minneapolis, University of Minnesota Press, 2020. – 342 p.
196. *Denzin N.* The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970. 361p.
197. Farrelly C: Genes and Social Justice: A Rawlsian Reply to Moore. Bioethics. 2002, Vol.16. № 1.
198. *Gomez Arboleya, F.* Francisco Suarez. Granada, 1946.
199. *Guardia, José Miguel.* 1890. La Historia de la Filosofía en España- Traducido por José Andrés Fernández Leostpara el Proyecto Filosofía en español, diciembre 2006 Revue Philosophique de la France et de l'Etranger. Paris, mayo de 1890 tomo 29. .P. 471-490 *ХосеМигельГуардия / История философии-в Испании / 1890 (filosofia.org)*Дата обращения: Дата обращения: 19.05
200. *Guinarães M.N., Pohl C., Bing O., Varanda M.* Who is Doing Inter- and Transdisciplinary Research and Why? An Empirical Study of Motivation, Attitudes, Skills and Behaviours // Future, vol. 112, Sept 2019.
201. Heilinger, Jan-Christoph. Anthropologie und Ethik des Enhancements. DeGruyter. Berlin/New York. 2010.
202. *Howard C.* Posthuman anthropology? Facing up to planetary conviviality in the Anthropocene age. Paper delivered at the Department of Anthropology, Uni-

versity of Sydney, symposium on: A Post-Human World? Rethinking Anthropology of the Human Condition, 14–15 June 2013

203. *Ingenieros José*. La cultura filosófica en España / Obras completas de José Ingenieros- V 18. Buenos Aires. 1957. 95 p.

204. *Irwin A., Wynne B.* (eds) Misunderstanding Science? The public reconstruction of science and technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

205. *Klausen T.G., Nyberg B., Helland-Hansen W.* The largest delta in Earth's history // *Geology*. 2019. No 47. P. (S) 470 – 474.

206. *Klein Julie T.* Evaluation of Interdisciplinary and Transdisciplinary Research. A Literature Review.// *American Journal of Preventive Medicine*, Volume 35, Number 2S, 2008.

207. *Lewontin R.* The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment. Harvard University Press, 2000.

208. *Lotman J.* The place of art among other modelling systems // *Sign Systems Studies*. 2011. Vol. 39 (2/4), pp.249–270

209. *Macq H., Tancoigne É., Strasser B.J.* From Deliberation to Production: Public Participation in Science and Technology Policies of the European Commission (1998-2019) // *Minerva*. 2020. Vol. 58. P. 489-512.

210. *Maran T.* Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies (Elements in Environmental Humanities). Cambridge: Cambridge University Press. 2020. p.83 doi:10.1017/9781108942850

211. *Maran T., Kull, K.* Ecosemiotics: main principles and current developments // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. Vol. 96(1). pp.41–50.

212. *Martínez Tomé, A.* Prólogo // *Sabuco de Nantes Barrera, Oliva*. Nueva filosofía de la naturaleza del hombre y otros escritos. Ed. de Atilano Martínez Torne. Madrid, Editoranacional. 1981. P.11-56.

213. *Max-Neef M.* Commentary Foundation of Transdisciplinary. *Ecological Economics* 53.2005. 2005.

214. *Menéndez Pelayo, M.* Historia de los heterodoxos españoles. Madrid, 1911.V.I. P.60

215. *Menéndez Pelayo, M.* La ciencia española (Polémicas, Proyectos y Bibliografía) T. II, Madrid 1887. Buenos Aires, 1947. P.185- 284.

216. *Merton R.K.* The Sociology of Science: the theoretical and empirical investigations / Ed. and intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.

217. *Nicolescu B.* Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of The Included Middle and Complexity//*Transdisciplinary Journal of Engineering & Science* 2010. Vol: 1, No:1

218. *Nicolescu B.* Transdisciplinarity: past, present and future. In B. Haverkort & C. Reijntjes (Eds.), *Moving Worldviews - Reshapingsciences, policies and practices for endogenous sustainable development* 2006. Vol. 142–166, P. 142–166.

219. Papaioannou, T. New life sciences innovation and distributive justice: rawlsian goods versus senian capabilities // *Life Sci Soc Policy*. 2013. Vol. 9. № 5. URL: <https://doi.org/10.1186/2195-7819-9-5>

220. *Pereira, Gómez*. Antoniana Margarita / Gómez Pereira; Trad. José Luis Barreiro Barreiro, Concepción Souto García Transl. y actualización ling. Juan Luis Camacho Liiteras. Estudio prelim. y versión al esp. José Luis Barreiro Barreiro. - Repr. facs. de la ed. de 1749. - Santiago de Compostela : Univ. de Santiago de Compostela, 2000. - факс. ; 26 см. - Библиогр.: с. 43-44

221. *Rivero Rodríguez, Manuel*. La España de Don Quijote. Un viaje al Siglo de Oro. AlianzaEditorial, S.F., Madrid, 2005. 494p.

222. *Sabuco de Nantes Barrera, Oliva*. Nueva filosofía de la naturaleza del hombre y otros escritos. Ed. de Atilano Martínez Torne. Madrid, Editoranacional. 1981. 297 p

223. *Schiller D.* Digital Capitalism. Cambridge, MA MIT Press, 2000.

224. *Scholz Roland W.* Environmental Literacy in Science and Society. From Knowledge to Decisions. Cambridge. Cambridge University Press.2011.

225. Sen A.K. Equality of What? In *Tanner Lectures on Human Values*. Ed. by McMurrin S. Cambridge: Cambridge University Press; 1980.

226. Sen A.K. *Inequality Re-examined*. Oxford: Oxford University Press; 1995. P. 148.

227. Sen A.K. *The idea of Justice*. London: Penguin; 2009.

228. *Solana, Marcial*. Historia de la Filosofía Española. Época del Renacimiento. (Siglo XVI). T.I. Madrid, 1941. - 716 p.

229. *Strasser B.J., Baudry J., Mahr D., Sanchez G., Tancoigne E.* “Citizen Science”? Rethinking Science and Public Participation // *Science & Technology Studies*. 2019. Vol. 32. P. 52-76.

230. *Vladimir Lepskiy, Elena Malakhova.* Alexander Bogdanov's tektology, anticipating the evolution of social systems control. *Systems Research and Behavioral Science*. 2022. <http://doi.org/10.1002/sres.2918>

Сведения об авторах

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: varshinov@mail.ru

Белогов Иван Николаевич – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ligneofflyight@gmail.com (Участник круглого стола)

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: budsyn@yandex.ru

Буржете Аяла Марина Рикардовна, – научный сотрудник Института философии РАН. Российская Федерация Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д.12, стр. 1 e-mail: burguete@mail.ru

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: budsyn@yandex.ru

Гуров Олег Николаевич - аспирант Института Философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1; e-mail: gougov.oleg@gmail.com (Участник круглого стола)

Карелина Екатерина Викторовна - соискатель Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kalipcios@hotmail.com (Участник круглого стола)

Киященко Лариса Павловна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com

Лекторский Владислав Александрович - академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com (Участник круглого стола)

Лепский Владимир Евгеньевич - доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: [Vladimir Lepskiy velepskiy@mail.ru](mailto:Vladimir.Lepskiy@velepskiy@mail.ru)

Малахова Елена Владимировна – кандидат философских наук, докторант Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: e.v.malahova@mail.ru (Участник круглого стола)

Попова Ольга Владимировна доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: j-9101980@yandex.ru

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: prubor@mail.ru (Участник круглого стола)

Розин Вадим Маркович - доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Свицкий Яков Иосифович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Струговщикова Ульяна Сергеевна - кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ulyana.strugovshchikova@gmail.com

Irina A. Gerasimova - DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: home_gera@mail.ru

Larisa P. Kiyashchenko - DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: larisaki@yasenevo.ru

Marina Burgete Ayala - Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation. E-mail: burgete@mail.ru

Olga V. Popova - DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: j-9101980@yandex.ru

Ulyana S. Strugovshchikova - CSc in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation. E-mail: ustrug@gmail.com

Vadim M. Rozin - DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

Vladimir E. Lepsky - DSc in Psychology, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: lepsky@tm-net.ru

Vladimir G. Budanov - DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation. E-mail: bvg55@yandex.ru

Vladimir I. Arshinov - DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: varshinov@mail.ru

Yakov I. Svirskiy - DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Antopomericity as Challenge and Response to the Present

Abstract

This monograph was written on the the mega-theme "Science, Man and the Prospects of Technogenic Civilization" of the state assignment of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. It continues previous research on this topic. The issues on digital transformation of the science foundations, the role of generalized scientific rationality, which expands the concept of post-non-classical rationality in connection with its replenishment with the concepts of network complexity and artificial intelligence technologies, are considered. Anthropological and ethical problems of man constructing, the issues on transformation of biological foundations and human gestalt in the process of historical development and perspectives of future culture are also studied. The challenges of the Anthropocene in an era of growing complexity are explored, the principles of the methodology of complexity are proposed, which is most in demand in conditions of uncertainty, and the problems of subjectivity and the historical genesis of the anthropological crisis are also discussed. The final chapter is devoted to the issues on interdisciplinarity, in particular, to the study of synergetic and transdisciplinary aspects of digital semiosis modeling in discursive practices, the methodology of social and ethical examination of scientific and technical projects, and the issues of ecological semiotics. The book is of interest to specialists in the field of philosophy of science, interdisciplinary problems of civilizational development, philosophical anthropology and the theory of cognitive complexity.

CONTENTS

Preface

- Round Table «*The Problem of Human's Transformation within the Technogenic Civilization Crises*»

Part 1. Digital Transformation of the Anthropological Foundations of Science

1.1. Synthetic Scientific Rationality: Origins, Structure, Perspectives in the Digital Age. (*V.G. Budanov*)

1.2. Constructing a Person: From Anthropology to Ethics. (*Popova O.V.*)

1.3. Transformation of Biological Foundations and Human Gestalt in the Process of Historical Development, and the Culture of Future Perspectives. (*Rozin V.M.*)

Part 2. Challenges of the Anthropocene in the Age of Growing Complexity

2.1. Challenges of the Anthropocene and Artificial Intelligence in the Epoch of Civilizational Transit. (*Arshinov V.I., Svirsky Ya.I.*)

2.2. Calling an Epoch ... A Century before Francis Bacon and Rene Descartes: Spanish Thinkers of the 16th Century at the Origins of the New Age. (*Burgete Ayala M.R.*)

2.3. Subjectivity as a Response to the Challenges of Present. (*V.E. Lepskiy*)

Part 3. Interdisciplinarity and Transdisciplinarity: Searching New Meanings

3.1. Socio-Ethical Expertise of Scientific and Technical Projects. Issues of Transdisciplinary Methodology. (*Gerasimova I.A.*)

3.2. Digitalization of Discursive Practices and Modelling Its Semiosis (Synergetic-Transdisciplinary Aspects. (*Kiyashchenko L.P.*)

3.3. Is Human a Crown of Creation? Issues of Ecological Semiotics. (*Strugovshchikova U.S.*)

Научное издание

*Буданов Владимир Григорьевич
Лекторский Владислав Александрович
Аришинов Владимир Иванович
Белоголов Иван Николаевич
Бургете Аяла Марина Рикардовна
Герасимова Ирина Алексеевна
Гуров Олег Николаевич
Карелина Екатерина Викторовна*

*Киященко Лариса Павловна
Лепский Владимир Евгеньевич
Малахова Елена Владимировна
Попова Ольга Владимировна
Пружини Борис Исаевич
Розин Вадим Маркович
Свирский Яков Иосифович
Струговщикова Ульяна Сергеевна*

АНТРОПОМЕРНОСТЬ КАК ВЫЗОВ И ОТВЕТ СОВРЕМЕННОСТИ

коллективная монография

(под редакцией В.Г.Буданова)

ISBN 978-5-907679-22-1

Компьютерная верстка и макет *Горохов А.А.*

Подписано в печать 11.11.2022 г.

Формат 60x84 1/16, Бумага офисная.

Уч.-изд. л. 18,3 Усл. печ. л. 16,6 Тираж 500 экз. Заказ № 1672

Отпечатано в типографии

Закрытое акционерное общество «Университетская книга»

305018, г. Курск, ул. Монтажников, д.12

ИНН 4632047762 ОГРН 1044637037829 дата регистрации 23.11.2004 г.

Телефон +7-910-730-82-83 www.nauka46.ru